

ISSN 2414-374X (Online)
ISSN 2522-4069 (Print)

ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 1 (92) 2025

Донецк

ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN 2414-374X (Online)
ISSN 2522-4069 (Print)

**Учредитель – ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – Разумный В.В., к-т ист. наук (ДонГУ);

Заместитель главного редактора – Бобровский А.С., к-т ист. наук;

Отв. секретарь – Посредников Д.В., к-т ист. наук (ДонГУ);

Агапов В.Л., д-р ист. наук (ДонГУ);

Баранов А.В., д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, г. Краснодар);

Бредихин А.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Выборнов А.А., д-р ист. наук (Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара);

Ерхов Г.П., д-р ист. наук (ДонГУ);

Кияшко А.В., д-р ист. наук (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону);

Колесник А.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Кринко Е.Ф., д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону);

Крысенко Д.С., д-р ист. наук (Луганский государственный аграрный университет им. К. Е. Ворошилова);

Кузнецова Е.В., к-т полит.наук (ДонГУ);

Липинский В.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Минаев А.И.,д-р ист. наук (ДонГУ);

Муза Д.Е. д-р философ. наук (ДонГУ);

Пенькова О.Б., к-т ист. наук (ДонГУ);

Цыганков П.А., д-р философ. наук (Московский государственный университет им М.В.Ломоносова, г. Москва);

Черкашин К.В., к-т полит. наук (ДонГУ);

Шендрюкова С.П., д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского г. Симферополь);

Шепко Л.Г., д-р ист. наук (ДонГУ).

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4РОС55)я52+Т3(0)я52+C562.21я52

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**
**ОСНОВАН
В 1999 году**

Выпуск № 1 (92) 2025 год

Индексация журнала

Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
(лицензионный договор
№117-03/2016
от 9 марта 2016 г.);

Адрес издателя: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации 125009, г. Москва, вн.тер.г. Муниципальный округ Тверской, ул Тверская, д. 11, стр. 1;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Адрес редакции:
283001, г. Донецк,
ул. Университетская, 22,
исторический факультет

Тел. +7(856) 302-07-25

e-mail: v.razumnyiy@donnu.ru

URL: <https://dongu-hipis.ru/>

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
30.05.2025 (протокол № 7)*

Ж92 Журнал исторических, политологических и международных исследований: научный журнал. – Донецк, 2025. – № 1 (92). – 154 с.

В очередном выпуске научного журнала представлены статьи по истории, политологии и международным отношениям. Авторы посвятили свои работы актуальным проблемам современности. Важное место отведено изучению истории Донбасса и России как неотъемлемых частей единого русского культурно-цивилизационного пространства.

**Лицензионный договор с библиографической базой данных
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
№117-03/2016 от 9 марта 2016 г.**

С 01.02.2025 г. научный журнал «Журнал исторических, политологических и международных исследований» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК РФ) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.5.1. История и теория политики (политические науки)
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)
- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
- 5.6.3. Археология (исторические науки)
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4РОС55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2025

© Авторский коллектив выпуска, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

- Колесник А.В., Гиря Е.Ю., Барков А.В., Артемьев Е.В., Мурза Е.В.** Продукты контрударного расщепления камня в культурном слое 3 позднепалеолитической стоянки Стрелка-1 в Красноярске.....6

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Чепига Г.Г.** Славяносербский фактор в истории и историографии Донбасса и Новороссии.....36
- Замуруйцев А.В.** Особенности поземельных отношений у немцев и менонитов Таврической губернии в середине XIX – начале XX вв.....49
- Красноносов Ю.Н., Дмитриченкова Е.А.** Этнокультурная адаптация немецких колонистов Северного Приазовья в XIX – начале XX вв.....58
- Мишечкин Г.В.** Преследование отступающего противника в ходе Донбасской стратегической наступательной операции лета-осени 1943 года: из опыта боевых действий общевойсковых армий Южного фронта.....68
- Василиади А.Х.** Патриотическое воспитание молодежи в условиях СВО на новых территориях Российской Федерации.....80

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

- Разумный В.В., Иванов В.Р.** Основные направления внешней политики Османской империи в конце XVII - первой половине XVIII вв.....85

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Минаев А.И., Шабалдас А.И.** Отрицательная динамика экономических отношений Великобритании и Российской Федерации в условиях конфликта на Донбассе.....92

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Черкашин К.В., Иванов М.И.** Парламентаризм и партийная система в Японии: от эпохи Мэйдзи к современности.....100
- Чугрина О.Р.** Тенденции этнотERRиториального развития стран Западной Европы в условиях политической интеграции в 1970-1990-х гг.....110
- Посредников Д.В.** Украинская православная церковь в конфессиональной политике Украины: от дискrimинации к запрету.....118

ВОПРОСЫ ДЕНАЦИФИКАЦИИ

- Козловский А.Ю.** Ключевые политические и правовые особенности Хельсинского судебного процесса.....132

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

- Ешпанов В.С.** Этнографический музей Борджгало как один из языков культуры.....149

CONTENT

ARCHEOLOGY

- Kolesnik A.V., Giryia E.Y., Barkov A.V., Artemyev E.V., Murza E.V.** Knapping products of the bipolar technique in cultural layer 3 of the Late Paleolithic Strelka-1 site in Krasnoyarsk.....**6**

NATIONAL HISTORY

- Chepiga G.G.** The Slavo-Serb factor in the history and historiography of Donbass and Novorossiya.....**36**
- Zamuruytsev A.V.** Features of land relations among the Germans and menonites of the Tavrich governorate in the middle of the XIX-th and early XX-th centuries.....**49**
- Krasnonosov Yu. N., Dmytrechenkova E.A.** Ethnocultural adaptation of German colonists in the Northern Azovian region in the XIX – early XX centuries.....**58**
- Mishechkin G.V.** Pursuing the Retreating Enemy During the Donbass Strategic Offensive Operation of the Summer-Autumn of 1943: from the Combat Experience of the Combined Arms Armies of the Southern Front.....**68**
- Vasiliadi A.H.** Patriotic Education of Youth in the New Territories of the Russian Federation.....**80**

THE WORLD HISTORY

- Razumnyi V.V., Ivanov V.R.** The main directions of the foreign policy of the Ottoman Empire at the end of the XVII - the first half of the XVIII.....**85**

INTERNATIONAL RELATIONS

- Minaev A.I., Shabaldas A.I.** Negative dynamics of economic relations between Great Britain and the Russian Federation in the context of the conflict in Donbass.....**92**

POLITOLOGY

- Cherkashin K.V., Ivanov M.I.** Parliamentarism and the Party System in Japan: From the Meiji Era to the Present.....**100**
- Chugrina O.R.** Trends in the Ethno-Territorial Development of Western European Countries in the Context of Political Integration.....**110**
- Posrednikov D.V.** The Ukrainian Orthodox Church in Ukraine's Religious Policy: From Discrimination to Prohibition.....**118**

QUESTIONS OF DENATIFICATION

- Kozlovskiy A.Yu.** Key political and legal features of the Helsinki Judicial Process.....**132**

DISCUSSION

- Eshpanov V.S.** The Borjghalo Ethnographic Museum as a Language of Culture.....**149**

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 903.01(571.510)"632.5"

DOI: 10.5281/zenodo.15769431

EDN: XPXZLD

А.В. Колесник

доктор исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: akolesnik2007@mail.ru

Е.Ю. Гиря

кандидат исторических наук

Институт истории материальной культуры

Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: kostionki@yandex.ru

А.В. Барков

ООО «Красноярская Геоархеология»

E-mail: barkovalex@bk.ru

Е.В. Артемьев

ООО «Красноярская Геоархеология»

E-mail: microcore@mail.ru

Е.В. Мурза

Лаборант отдела археологии Музея антропологии

и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук

E-mail: murza.liza@mail.ru

ПРОДУКТЫ КОНТРУДАРНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ В КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ 3 ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ СТРЕЛКА-1 В КРАСНОЯРСКЕ

Аннотация

Каменная индустрия культурного слоя 3 позднепалеолитической стоянки Стрелка-1 включает значительное количество продуктов расщепления в контрударной (биполярной) технике. В статье на основании детальной характеристики продуктов расщепления анализируются два основных контекста этой техники. Устанавливается, что контексты связаны с

контролируемым и неконтролируемым расщеплением. Контролируемое расщепление было направлено на получение специфических ядрищ и сколов в связи с производством скребков для обработки шкур животных. Эти изделия несут следы неутилитарного износа в связи с длительной транспортировкой их в какой-то емкости. Неконтролируемое расщепления касалось использования т.н. долотовидных и клиновидных изделий в операциях с ударно-импульсной кинематикой. Клиновидные изделия могли трансформироваться в нуклеусы для микропластин в рамках стадиального расщепления.

Ключевые слова: Средний Енисей, поздний палеолит, контролируемая контрударная техника расщепления, долотовидные орудия, технологический анализ

Summary

The stone industry of the cultural layer 3 of the Late Paleolithic Strelka-1 site includes a significant number of knapping products in counter-impact (bipolar) technology. Based on the detailed characteristics of the knapping products, the article analyzes two main contexts of this technique. It is established that contexts are associated with controlled and uncontrolled splitting. Controlled cleavage was aimed at obtaining specific nuclei and chips in connection with the production of scrapers for processing animal skins. These tools bear traces of non-utilitarian wear due to prolonged transportation in some kind of container. Uncontrolled splitting concerned the use of so-called chisel-shaped and wedge-shaped tools in operations with shock-impulse kinematics. Wedge-shaped tools could be transformed into nuclei for micro-blades within the framework of stage cleavage.

Keywords: Middle Yenisei, Late Paleolithic, controlled bipolar technique, splintered pieces, technological analysis.

Введение

В каменной индустрии значительного количества памятников позднего палеолита Евразии присутствуют продукты контрударного (биполярного) расщепления. Под продуктами контрударной техники расщепления камня мы понимаем совокупность фрагментов, образованных скальвающими трещинами от двух встречных импульсов (прямого от отбойника и отраженного от условной платформы). Параметры этих фрагментов зависят от формы и материала предмета расщепления, места приложения удара, а также от характера отбойника и условной платформы (т.е. двух источников импульса). Универсальным признаком «сколов» является наличие на сторонах изделий центральных поверхностей, признаком «нуклеусов» – наличие негативов таких поверхностей, слабая выраженность ударных площадок. Данная техника расщепления впервые была описана в 1906 году [1]. Л. Бардон и Ж. Буиссон предположили порядок формирования специфических изделий позднего палеолита Франции: по куску камня, расположенному на твердой основе, наносится удар другим камнем; удар отделяет чешуйки и формирует особые изделия со сколами обработки с двух концов. Так в поле зрения исследователей попали долотовидные орудия, pièces

esquillée, которые во многом определили формат дискуссии вокруг проблем контрударной техники расщепления камня. За время изучения *pièces esquillées* (*splintered pieces*) было дано множество определений, которые показывают различное понимание данной категории предметов.

Существующие определения традиционно можно разделить на две основные группы. Первая условная группа исследований касается в основном типологического разнообразия и морфометрии изделий [2, с. 109, 115; 3 с. 1601]. Типологическая неоднородность долотовидных орудий с подчетырехугольным контуром и линзовидным сечением проявляется при контекстуальном анализе внутри определенной культурно-хронологической группы [4]. В качестве примера адаптированной типологии приведем опыт деления *pièces esquillées* стоянки Афонтова Гора II, в материалах которой выделяется «горизонтальный тип» долотовидных орудий [5, с. 49], плоские широкие трапециевидные (горизонтальные) и плоские узкие подпрямоугольные (вертикальные) изделия с параллельным или конвергентным расположением противолежащих рабочих краев, и др. [5, с. 67].

Вторая условная группа исследований касается в основном функции изделий. Орудия это или нуклеусы, а если орудия, то для каких функций? Объяснение применения долотовидных изделий в качестве нуклеусов заключается в том, что при ограниченности ресурсов, биполярная техника расщепления была наиболее оптимальна для получения заготовок [6]. Характерные забитости и двусторонняя подтеска долотовидных изделий могли сформироваться в результате утилизации их как биполярных нуклеусов или использования в качестве посредников для обработки органического материала [7]. Контекст орудий подтверждают также морфометрические характеристики экспериментальных изделий, использовавшихся для обработки твердых органических материалов, почти идентичные археологическим образцам [8].

Долотовидные орудия образуют достаточно представительную часть каменного инвентаря индустрий позднего палеолита Енисея, относящихся к различным культурам и культурным традициям. Следует отметить, что первоначально выделенная Н.К. Ауэрбахом и Г.П. Сосновским в материалах слоя С₃ стоянки Афонтова Гора-II группа «долотообразных орудий» фактически касается крупных изделий из речных галек [9, с. 69, 74]. Собственно долотовидные изделия из отщепов впервые системно описываются З.А. Абрамовой в коллекциях афонтовской и кокоревской культур Среднего Енисея. Основой для типологии изделий служит характер обработки поверхностей (двусторонняя и односторонняя), расположения и наличия рабочих краев (однолезвийные, с противолежащими краями и др.), уделяется внимание преформе изделий [10, с. 44, 67, 93, 99, 158] и [11, с. 30, 34, 38, 42, 74-76, 92, 108]. Отмечается прием переоформления в долотовидные орудия «сработанных» призматических и клиновидных форм нуклеусов [10, с. 44, 67]. Эта номенклатура, в целом, широко используется во многих исследованиях [12, с. 45-102; 13, с. 15; 14, с. 25, 36, 41, 43, 47, 55; 15, с. 40, 42, 60, 86, 102, 112, 145, 151; 16]. В одной из работ Е.В. Акимовой с коллегами по материалам стоянки

Афонтова Гора II в 2014 г. отмечено переоформление сработанного нуклеуса в долотовидное орудие, описан вариант оформления долотовидного орудия на скребке, и др. [5, с. 49, 67]. В недавних исследованиях А.В. Харевич и К.Н. Колобовой долотовидные изделия анализируются в различных контекстах – типологическом, функциональном, с использованием экспериментов [17; 8].

Выразительные продукты этой техники расщепления камня отмечены в индустрии культурного слоя 3 позднепалеолитической стоянки Стрелка-1, расположенной в исторической части г. Красноярска. Памятник раскопан в 2021 г. на площади более 600 м кв. Материалы слоя предварительно опубликованы в небольшой серии работ [18; 19; 20]. Значительная часть *pièces esquillées* слоя 3 совмещена со сколами и чешуйками, что существенно проясняет технологический контекст этих изделий. Цель настоящей публикации – введение в научный оборот новых материалов, а также обсуждение возможных технологических контекстов контрударной (биполярной) техники в рамках гомогенного комплекса. Контексты: преднамеренное средство получения чешуек и мелких сколов типа Янус-Комбева и остаточных ядрищ в качестве преформы ретушированных орудий, способ подправки сработанных скребков, непреднамеренный результат разрушения долотовидно-клиновидных изделий в результате ударно-импульсной кинематики.

Материалы и наблюдения

Коллекция каменных изделий культурного слоя 3 стоянки Стрелка-1 насчитывает около 6 000 предметов, иллюстрирующих все этапы обработки. К продуктам контрударной техники расщепления относятся не менее 41 изделия (с учетом складней), вероятно, различных функциональных классов. Собирательное название «долотовидные изделия» при описании материалов коллекции дифференцируется нами на долотовидные, клиновидные, скребки на контрударных ядрищах и пр. в зависимости от предполагаемых контекстов. Основой для расщепления служили речные гальки разных пород камня, использование кварца и кварцита специально отмечено.

1. Скребок из остаточного контрударного ядрища со следами чешуйчатого износа на концевых участках (рис. 1, 1 a-c, 2 a-b, 3 a-b). Размеры: 28×15×13 мм. Форма неправильно-овальная, с зубчатыми краями. Продольное сечение неправильно-линзовидное. Продольный край ретуширован, заострен в профиле. Инд. №1377.

2. Скребок из остаточного контрударного ядрища (рис. 1, 4, 5 a-b). Размеры: 22×11×9 мм. Продольное сечение клиновидное, поперечное сечение неправильно-линзовидное. Форма неправильно-листовидная. Продольный край выпуклый, заострен ретушью. Инд. № 815.

3. Скребок двойной из остаточного контрударного ядрища (рис. 2, 1 a-c, 2 a-b, 3 a-b). Размеры: 35×23×7 мм. Чешуйчатые негативы располагаются на одном из концов изделия с «центральной» стороны. Форма неправильно-овальная. Продольное сечение клиновидное. Выпуклые скребковые лезвия расположены

на концах изделия и перекрывают негативы предшествующих сколов. Лезвийные кромки выпуклые, заостренные в профиле. Инд. №1330.

4. Скребок из остаточного контрударного ядрища (рис. 3, 1 a-c, 2 a-b). Размеры: 24×26×8 мм. Форма неправильно-трапециевидная. Продольное сечение клиновидное. Скребковое лезвие расположено на продольном крае. Инд. № 364.

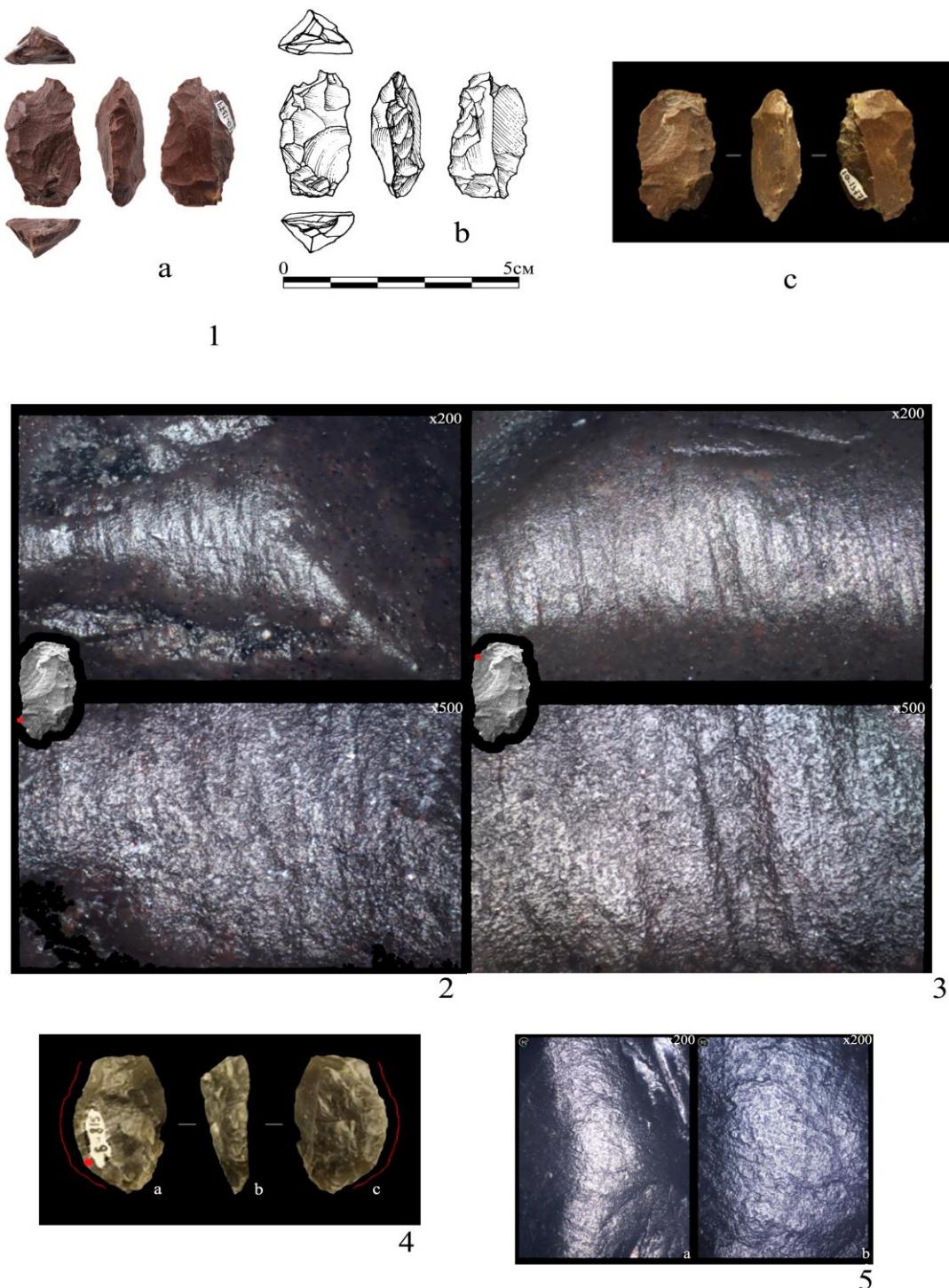

Рис. 1. Стоянка Стрелка-1. Скребки на контударных ядрищах: № 1377 (1 a-c, 2, 3 a-b) и № 815 (4, 5 a-b).

5. Скребок из остаточного контрударного ядрища (рис. 3, 3 *a-c*, 4). Кварц. Размеры: 22×23×8 мм. Форма скребковидная. Поперечное сечение линзовидное, продольное сечение сегментовидное. Складень 31.

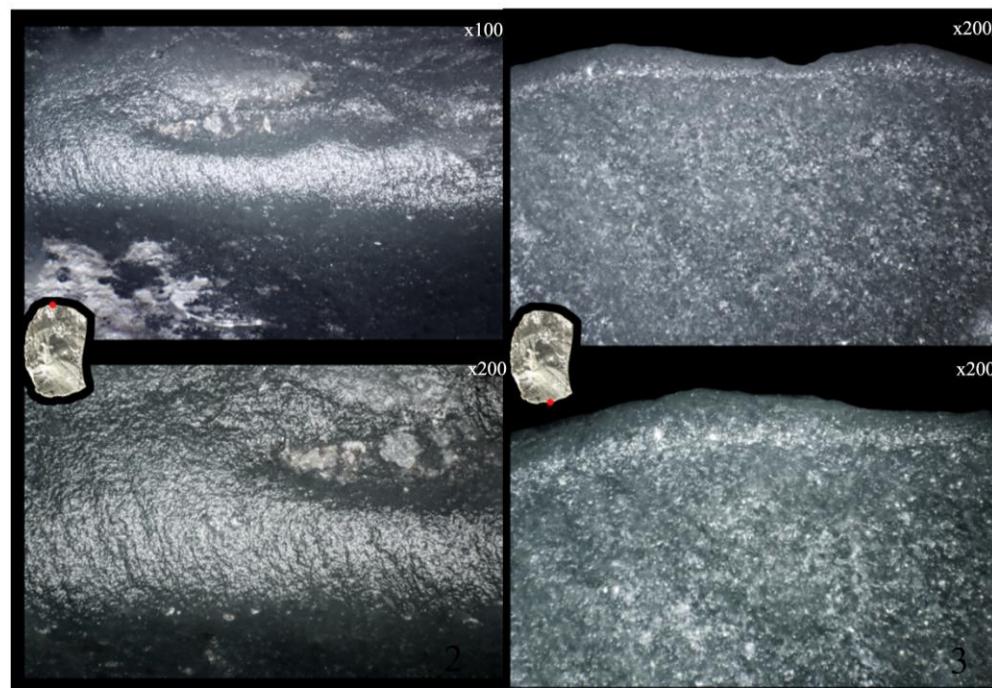
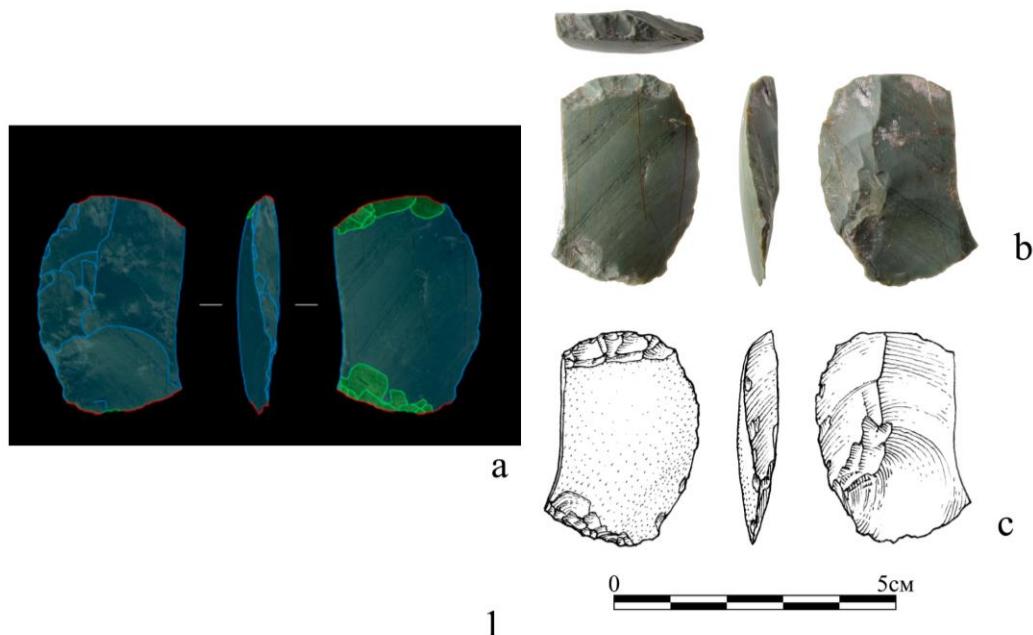

Рис. 2. Стоянка Стрелка-1. Двойной скребок на контрударном ядрище № 1330 (1 а-с, 2 а-б, 3 а-б).

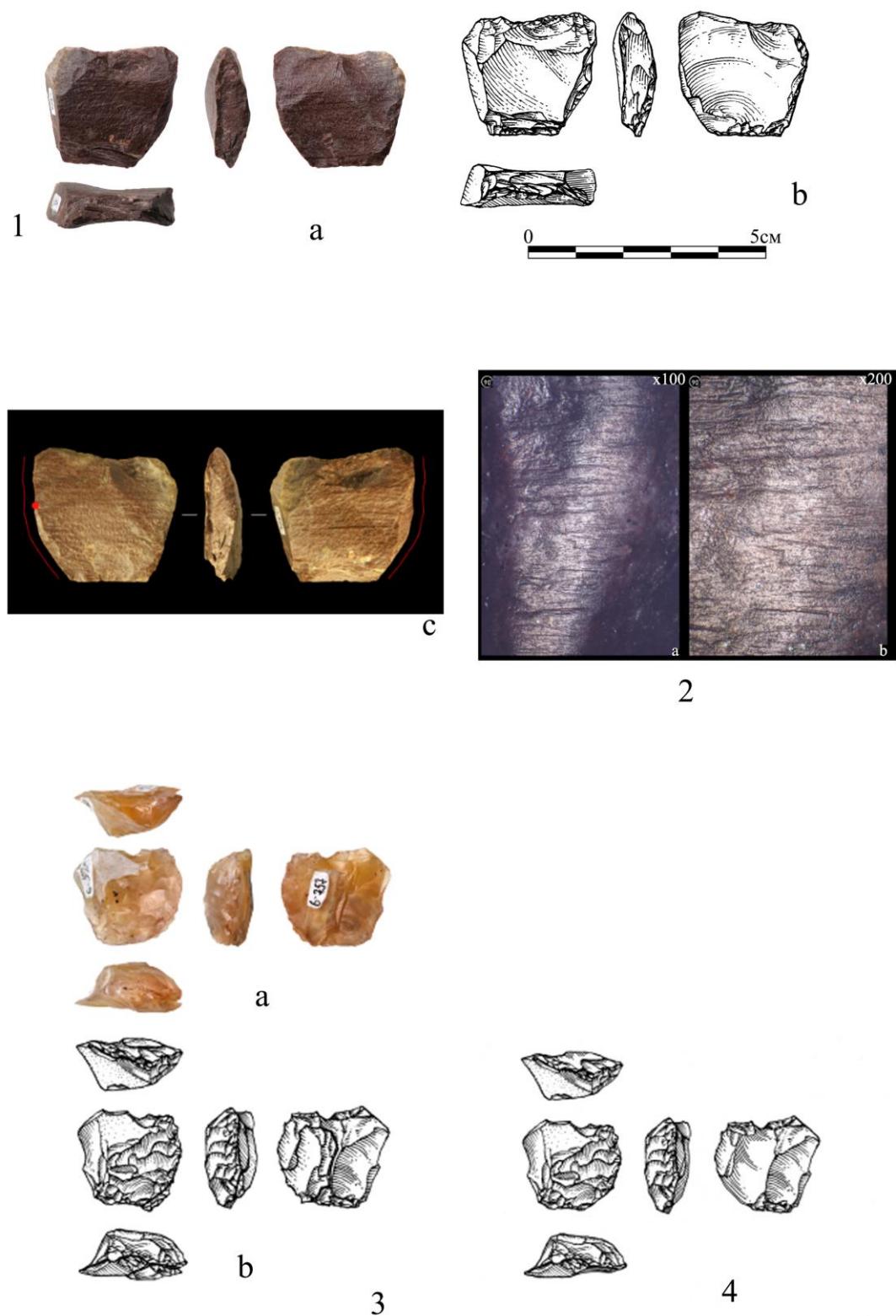

Рис. 3. Стоянка Стрелка-1. 1. Скребки на контрударных ядрищах: № 364 (1 а-с, 2) и № 34 (3 а-б).

6. Скребок из остаточного контрударного ядрища (рис. 4, 1 а-с, 2). Мелкозернистый кварцит? Размеры: 30×25×15 мм. Форма неправильновальная. Продольное сечение сегментовидное. Складень 33.

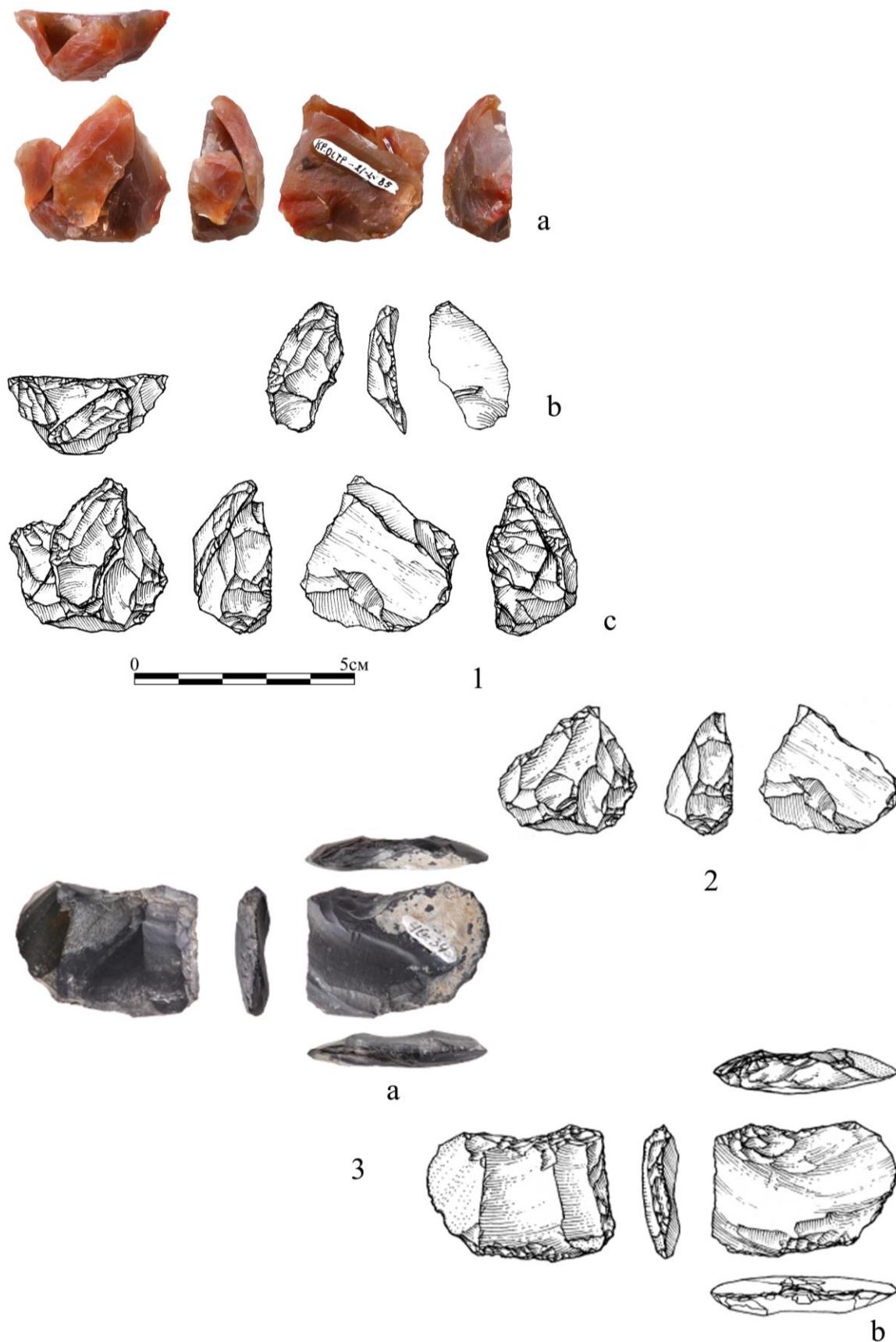

Рис. 4. Стоянка Стрелка-1. Скребки на контударных ядрищах: складень 33 (1 а-с, 2, 3 а-б) и № 815 (4, 5 а-б).

7. Скребок из остаточного контрударного ядра (рис. 4, 3 a-b, 4). Размеры: 29×39×10 мм. В качестве основы использовался скол с участком галечной корки. Форма неправильно-овальная. Прямое лезвие сформировано на боковом участке. Продольное сечение клиновидное. Поперечное сечение орудия линзовидное. Инд. № 34.

8. Скребок из скола Янус-Комбева (рис. 5, 1 a-b, 2 a-b, 3 a-b, 4 a-b). Размеры: Форма неправильно-трапециевидная. 16×22×8 мм. Продольное сечение клиновидное, поперечное – сегментовидное. Скребковое лезвие на условном дистальном конце выпуклое, на боковом участке – прямое. Инд. № 1383.

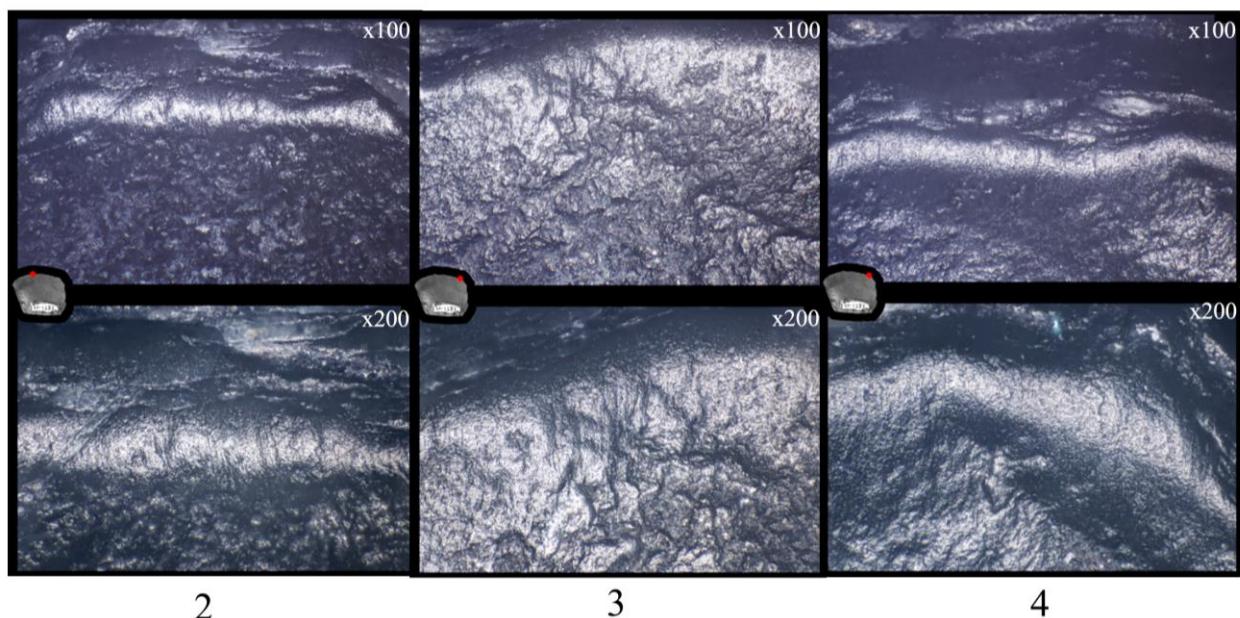
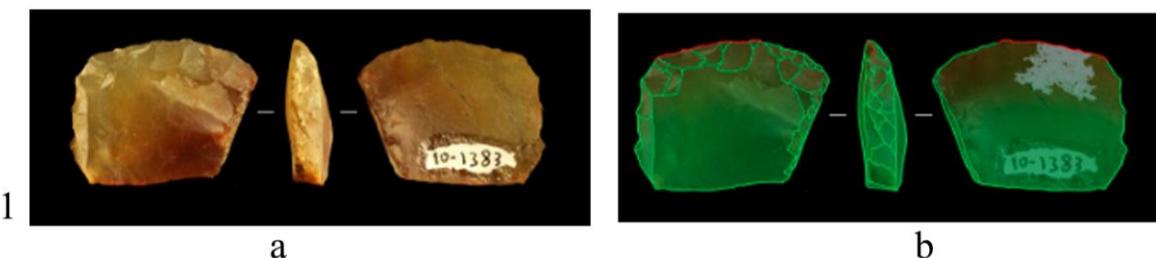

Рис. 5. Стоянка Стрелка-1. Скребок на сколе типа Янус-Комбева (1 a-b, 2 a-b, 3 a-b, 4 a-b).

9. Контрударное ядро (рис. 6, a-d). Размеры: 49×52×18 мм. Форма неправильно-прямоугольная. Продольное сечение линзовидное. Отличается интенсивной биполярной сработанностью. Складень 50.

10. Контрударное ядро (рис. 7, 1 a-b, 2). Форма неправильно-пятиугольная. Размеры: 39×40×12 мм. Отличается интенсивной сработанностью на две стороны с двух полюсов. Аплицирующийся скол – типичный скол Янус-Комбева средних размеров со следами мелких фасеток на одном из краев. Складень 7.

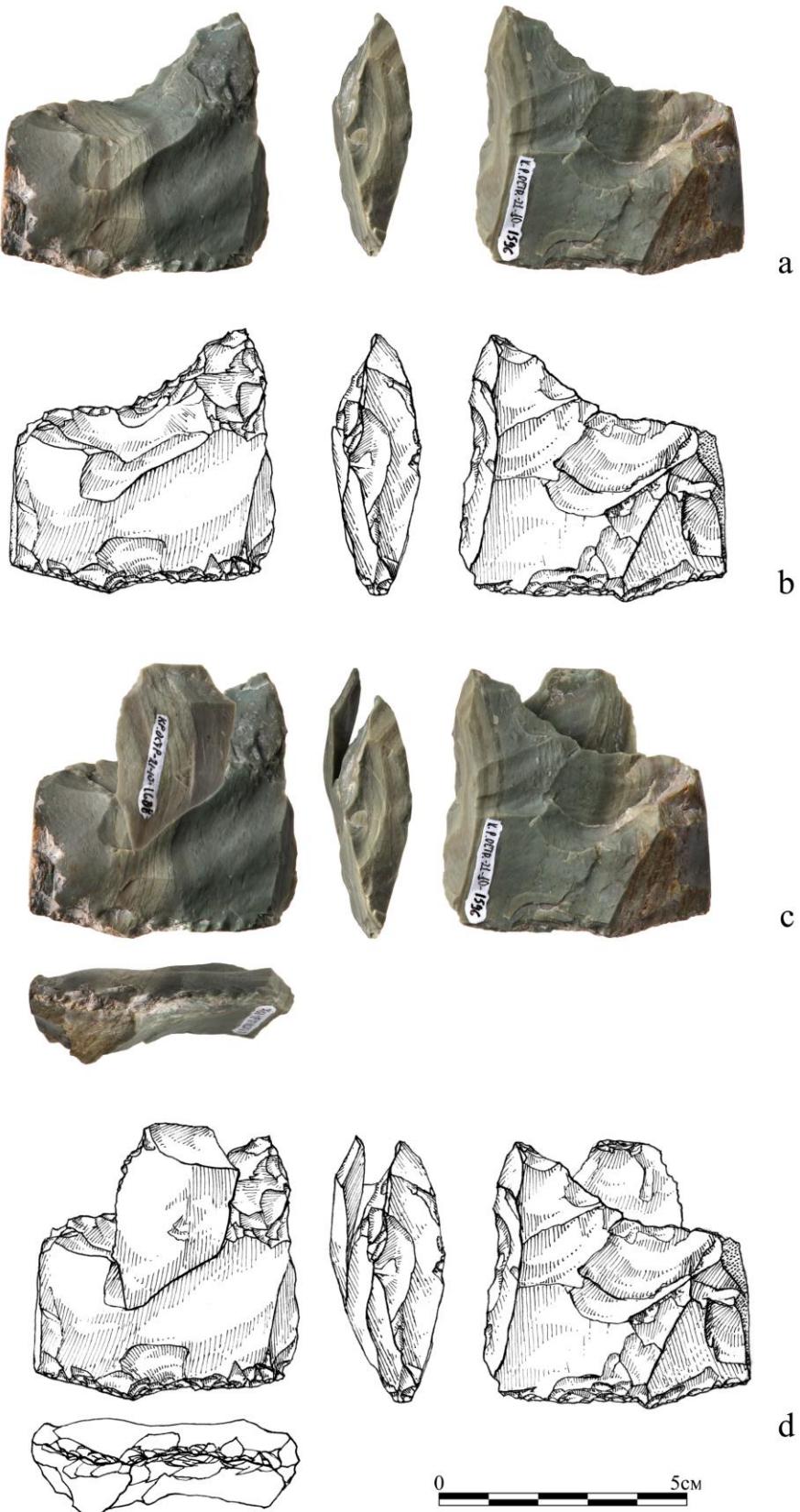

Рис. 6. Стоянка Стрелка-1. Контрударное ядрище: складень 50 (а-д).
11. Контрударное ядрище (рис. 7, 3 а-б). Размеры: 22×23×10 мм. Изделие
неправильно-овальной формы с сегментовидно-клиновидным сечением,

напоминает радиальный нуклеус в миниатюре. Скол связан с оживлением бокового участка, с которой связан цикл чешуйчатых сколов. Складень 43-а.

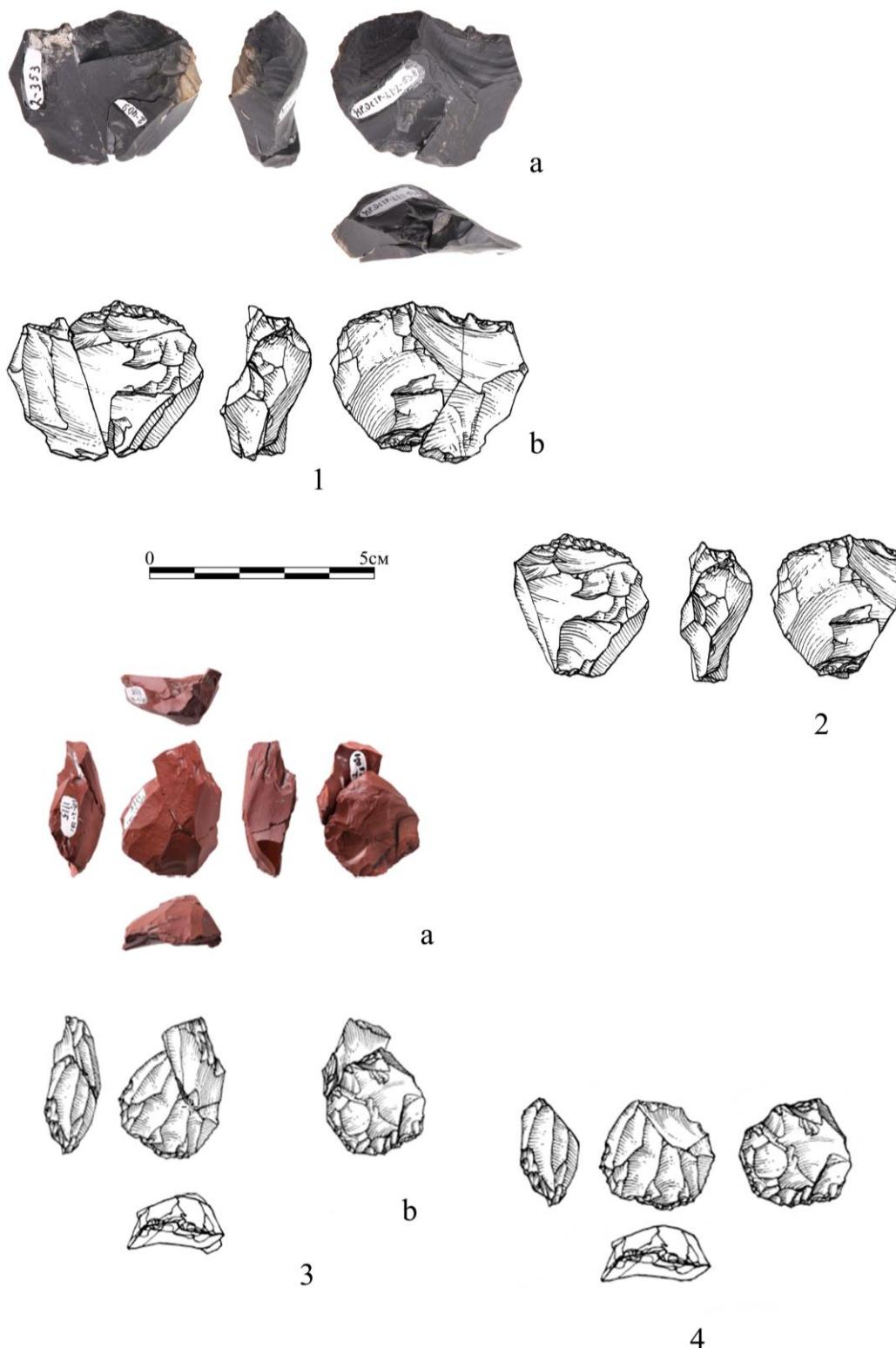

Рис. 7. Стоянка Стрелка-1. Контрударные ядрища: складень 7 (1 а-б, 2) и складень 42-а (3 а-б, 4).

12. Контрударное ядрище остаточное (рис. 8, 1 а-б). Размеры: 28×37×9 мм. Форма неправильно-овальная. Продольное сечение линзовидное.

Сработанность на обе стороны. Остаточная форма изделия напоминает миниатюрные леваллуазский нуклеус с боковой подправкой. Складень 61-е.

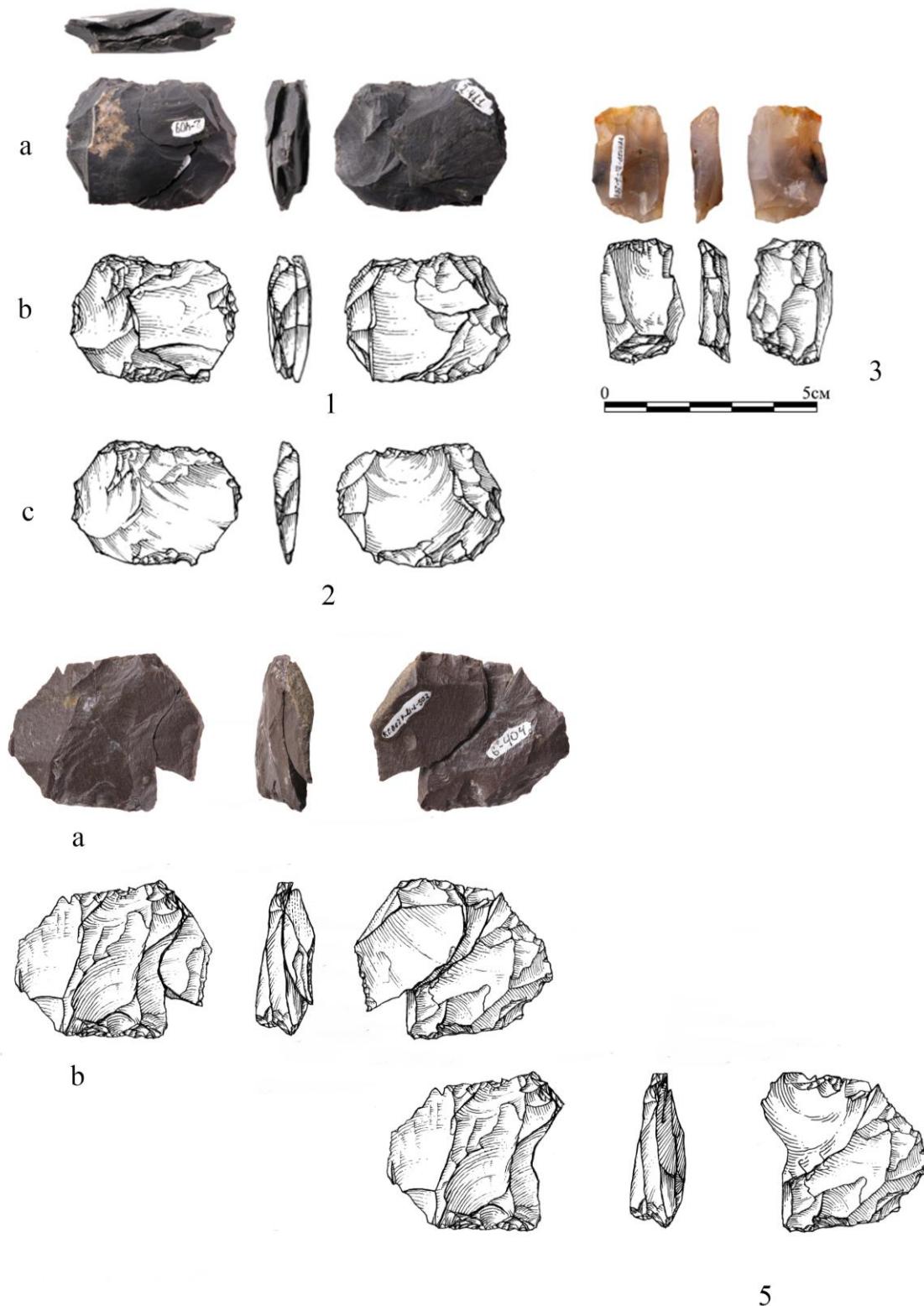

Рис. 8. Стоянка Стрелка-1. 1. Контрударные ядрища: складень 61-е (1 а-б, 2) и складень 61-ж (4 а-б, 5), № 261 (3).

13. Контрударное ядрище (рис. 8, 4 а-б, 5). Размеры: 28×37×12 мм. Форма неправильно-овальная. Продольное сечение линзовидное. В качестве основы

использовался крупный массивный отщеп. Сработанность на обе стороны. Складень 61-ж. Состоит из двух фрагментов и чешуйки.

14. Контрударное ядрище остаточное (рис. 8, 3). Кварц. Размеры: 27×18×6 мм. С интенсивной встречной противолежащей сработанностью. Форма неправильно-прямоугольная, продольное сечение линзовидное. Инд. № 261.

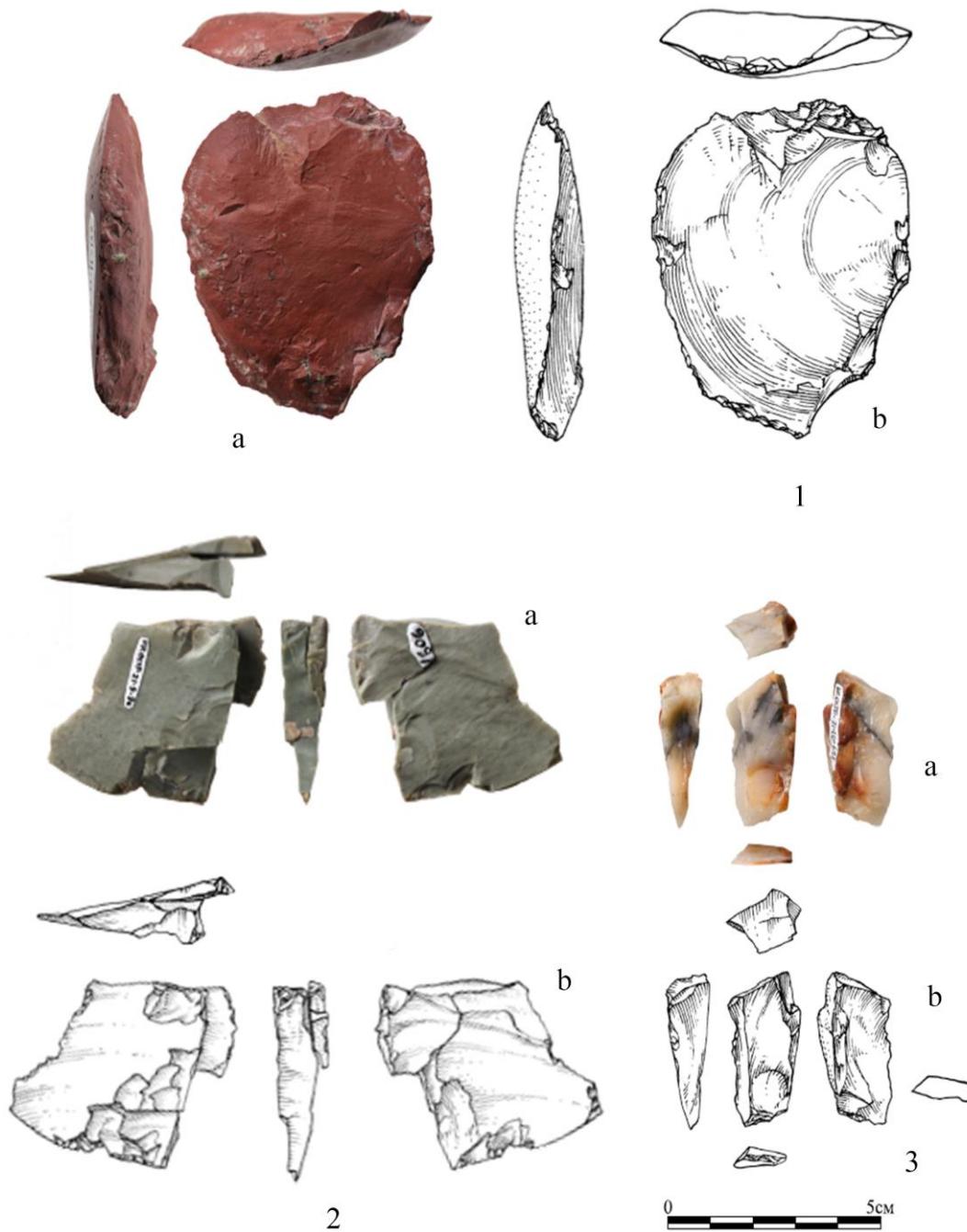

Рис. 9. Стоянка Стрелка-1. Долотовидные изделия: № 137 (1 а-б) и складень 23 (2 а-б), № 1115 (3 а-б).

15. Долотовидное изделие из скола с галечной коркой (рис. 9, 1 а-б). Размеры: 66×51×12 мм. Форма неправильно-овальная, продольное сечение линзовидное. Следы незначительного износа в виде фасеток разных размеров отмечаются на полярных концах отщепа с вентральной стороны. Инд. № 137.

16. Долотовидное изделие (рис. 9, 2 *a-b*). Размеры: 33×33×8 мм. Форма неправильно-прямоугольная. Продольное сечение клиновидное. Один из концов в форме поперечной площадки, с нее отделен мелкий скол. Складень 23-б.
17. Долотовидное изделие (рис. 9, 3 *a-b*). Размеры: 32×15×11 мм. Форма неправильно-трапециевидная. Продольное сечение клиновидное. Один из концов в форме поперечной площадки. Следы износа в виде мелких фасетов на обе стороны заостренного в профиле конца. Инд. № 1115.
18. Долотовидное изделие из удлиненного скола Янус-Комбева (рис. 10, 1 *a-b*). Размеры: 28×18×8 мм. Форма неправильно-прямоугольная. Износ на двух концах с противолежащих сторон. Продольное сечение клиновидное. Инд. № 1532.
19. Долотовидное изделие из мелкого скола Янус-Комбева (рис. 10, 2 *a-b*). Мелкозернистый светло-коричневый кварцит. Размеры: 27×18×6 мм. Форма неправильно-пятиугольна. Продольное сечение линзовидное. Инд. № 884.
20. Долотовидное изделие с двусторонним чешуйчатым износом, осколок скола Янус-Комбева (рис. 10, 3 *a-b*). Размеры: 12×22×4 мм. Форма оскольчатая. Продольное сечение фигурное. Инд. № 430.
21. Долотовидное изделие (рис. 10, 4 *a-b*). Бурый кварц. Размеры: 17×12×7 мм. Форма оскольчатая. Продольное сечение клиновидное. Инд. № 1538.
22. Долотовидное изделие из мелкого скола (рис. 10, 5 *a-b*). Кварц. Размеры: 29×39×10 мм. Форма неправильно-треугольная. Продольное сечение сегментовидное. Инд. № 223.
23. Долотовидное изделие из мелкого скола Янус-Комбева (рис 10, 6 *a-b*). Мелкозернистый коричневый кварцит. Размеры: 27×16×10 мм. Форма угловатая. Продольное сечение линзовидное. Инд. № 843.
24. Долотовидное изделие из мелкого скола, интенсивная сработанность (рис. 11, 1 *a-b*). Мелкозернистый коричневый кварцит. Размеры: 19×24×6 мм. Форма неправильно-пятиугольная. Продольное сечение линзовидное. Инд. № 584.
25. Долотовидное изделие с двумя полюсами и интенсивным двусторонним чешуйчатым износом (рис. 11, 2 *a-b*). Размеры: 20×23×6 мм. Форма неправильно-трапециевидная. Продольное сечение линзовидное. Инд. № 300.
26. Долотовидное изделие с двумя полюсами и двусторонним чешуйчатым износом (рис. 11, 3 *a-b*). Размеры: 28×15×13 мм. Форма неправильно-пятиугольная. Продольное сечение фигурное. Инд. № 4.
27. Долотовидное изделие интенсивно сработанное (рис. 11, 4 *a-b*), коричневый кварцит. Износ затрагивает также торцовый участок. Размеры: 29×39×10 мм. Форма неправильно-ромбическая. Продольное сечение линзовидное. Инд. № 1326.

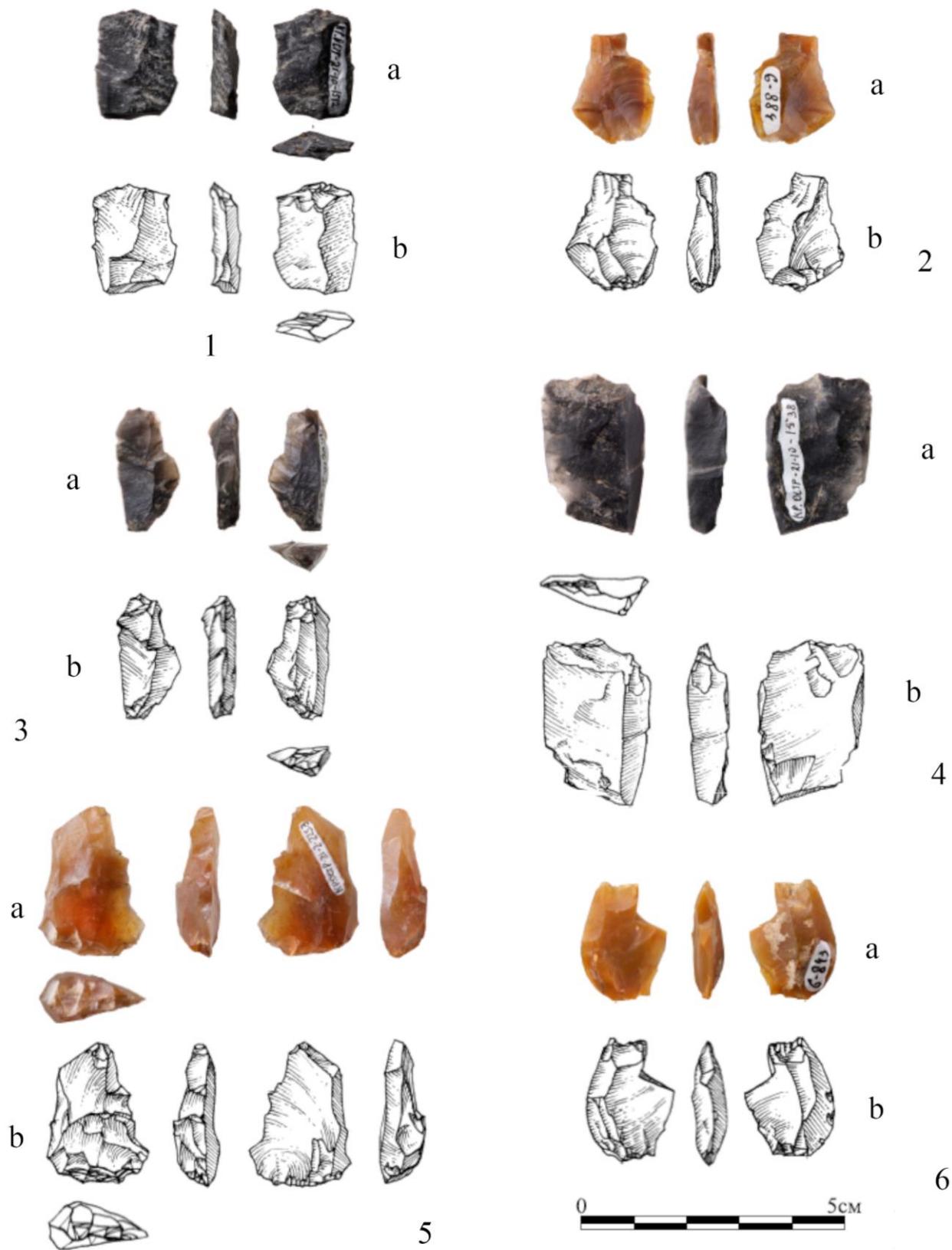

Рис. 10. Стоянка Стрелка-1. Долотовидные изделия: № 1512 (1 а-б), № 884 (2 а-б), № 430 (3 а-б), № 1583 (4 а-б), № 223 (5 а-б) и № 845 (6 а-б).

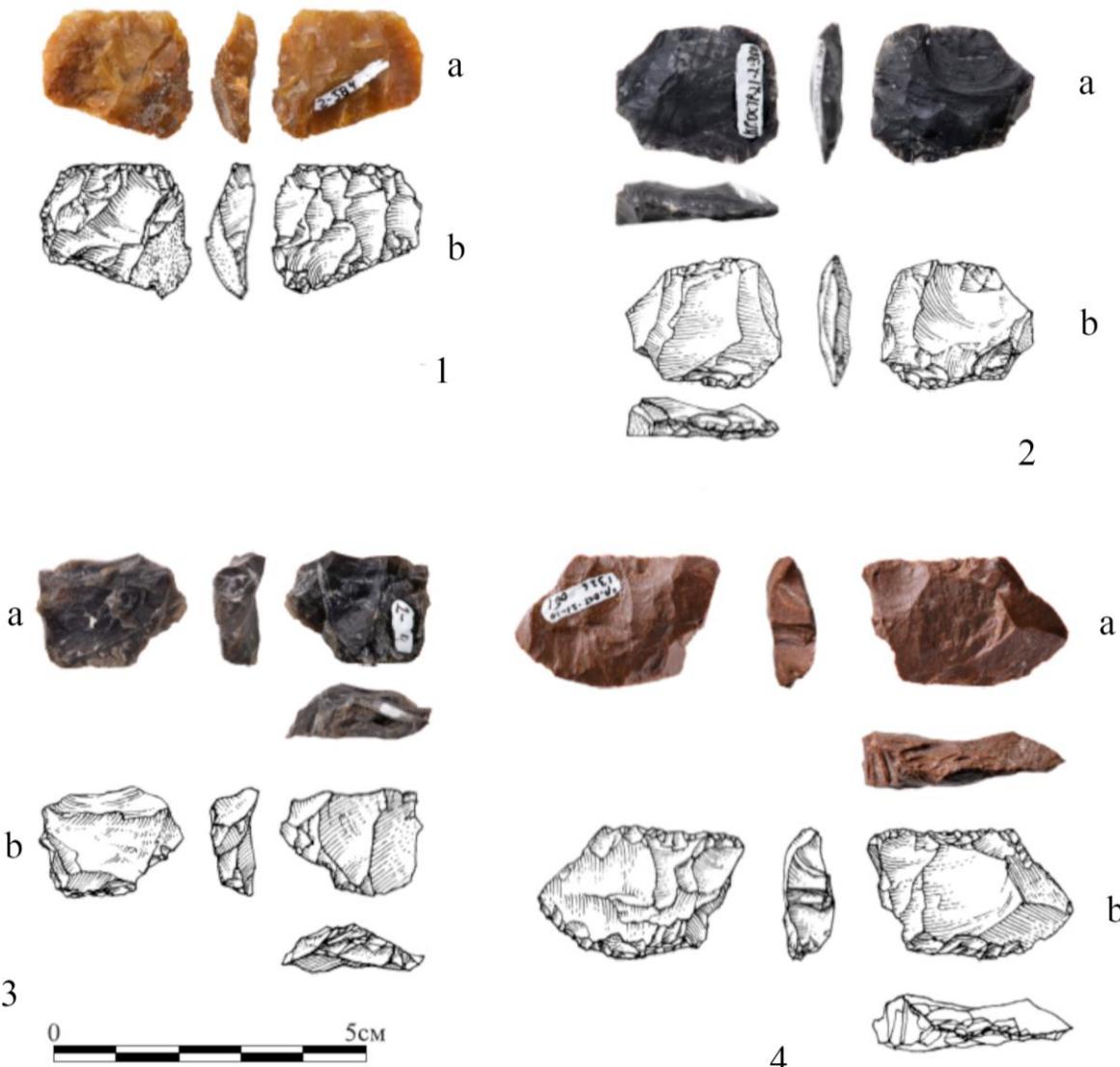

Рис. 11. Стоянка Стрелка-1. Долотовидные изделия: № 586 (1 а-б), № 350 (2 а-б), № 3 (3 а-б) и № 1326 (4 а-б).

28. *Долотовидное орудие – стамеска* (рис. 12, 1 а-с, 2 а-б, 3 а-б, 4). Кварцит. Размеры: 20×9×7 мм. Форма оскольчатая. Продольное сечение фигурное. Фрагмент удлиненного массивного краевого скола, сколот с узкого торца ядрища контрударным расщеплением. Инд. № 348.

29. *Долотовидное изделие*, массивное, с элементом галечной корки, с клиновидным продольным и поперечным сечением, с двусторонней чешуйчатой обработкой заостренного участка (рис 12, 5 а-б, 6). Размеры: 19×14×10 мм. Имеет вид вторично использованного предельно сработанного остаточного клиновидного нуклеуса. Форма неправильно-ромбическая. Продольное сечение клиновидное. Складень 43-б.

30. Клиновидное изделие – клиновидный нуклеус вторичного использования (рис. 13, а-г). Размеры: 38×29×19 мм. Форма неправильно-трапециевидная. Продольное сечение клиновидное. После фрагментации

распался на два долотовидных изделия (рис. 13, e, g) и чешуйку (рис. 13, c). Складень 45.

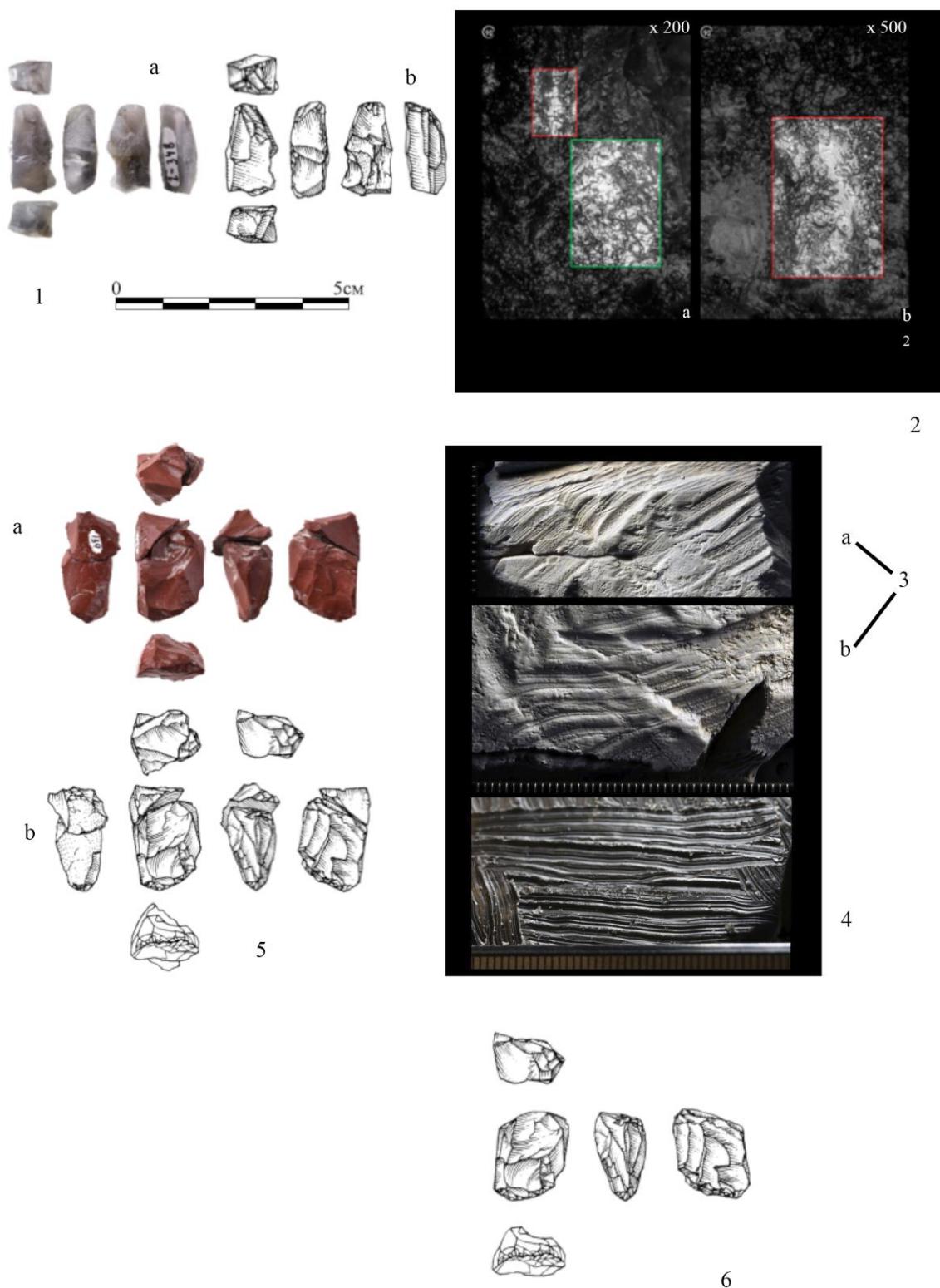

Рис. 12. Стоянка Стрелка-1. Стамеска на контрударном сколе (1 а-б), следы строгания (2 а-б), отпечаток лезвия стамески на воске (4), следы скобления на изделии из бивня мамонта стоянки Стрелка-1 3 а-б); долотовидное изделие (5 а-б, 6).

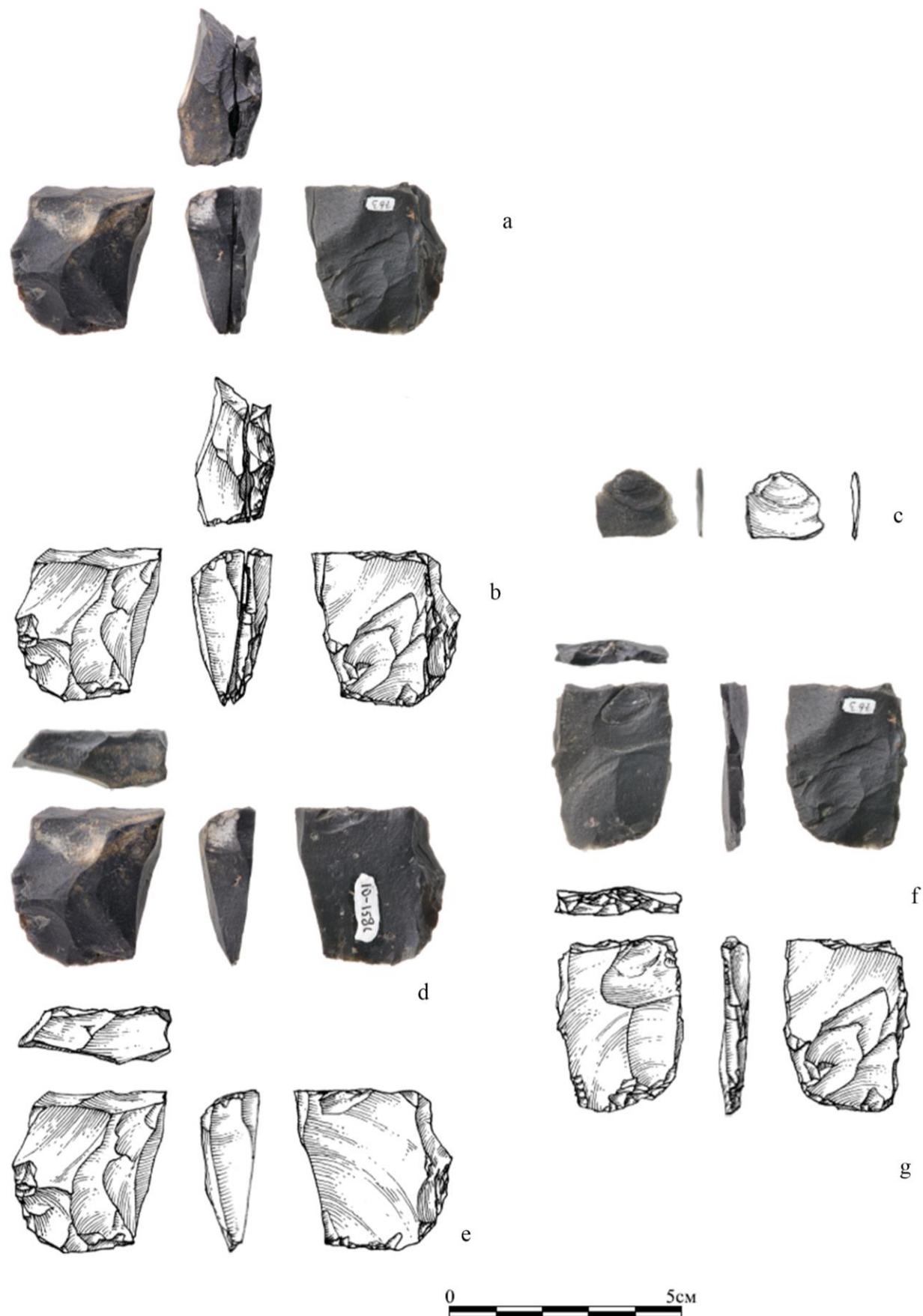

Рис. 13. Стоянка Стрелка-1. Клиновидное изделие, складень 45 (а-г).

31. Клиновидное изделие – заготовка клиновидного нуклеуса (?) (рис. 14, 1 a-c, 2 a-b, 3 a-b). Размеры: 38×29×12 мм. Форма подковообразная. Элемент складня 44.

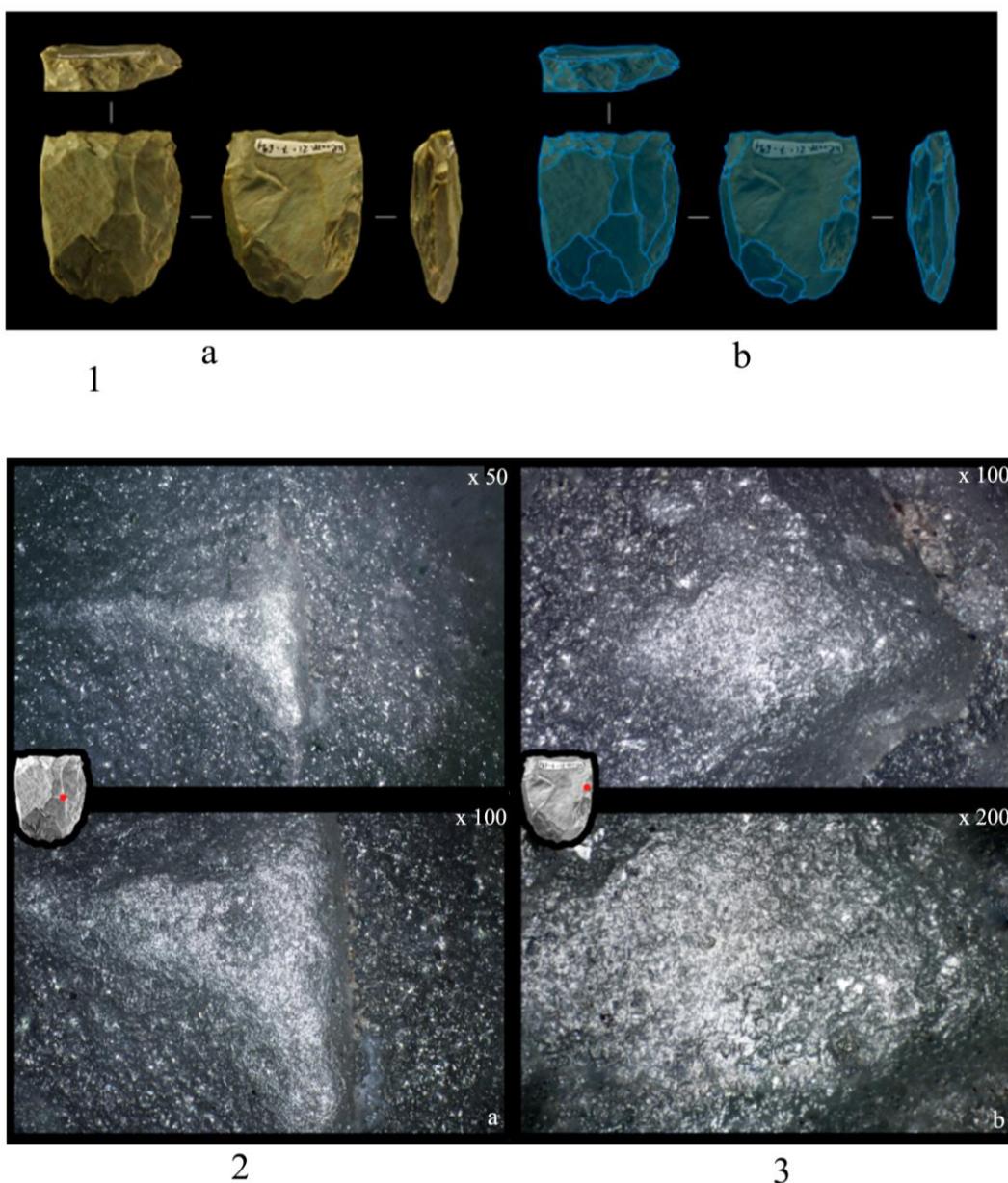

Рис. 14. Стоянка Стрелка-1. Клиновидное изделие № 694 (1 a-b), следы неутилитарного износа на его ребрах (2 a-b, 3 a-b).

32. Клиновидное изделие. Угловатый осколок достаточно крупных размеров был использован без дополнительной обработки. На широкой «площадке» видны следы изношенности от ударов твердым отбойником, поле забитости менее 1 см кв. На заостренном участке накопились следы интенсивной забитости и двусторонние сколы. Размеры: 38×22×27 мм. Форма неправильно-трапециевидная. Продольное сечение клиновидное. Элемент складня 66.

33. Долотовидное изделие. Основа – плоский отщеп коричневого кварца. Форма неправильно-прямоугольная. Размеры: 50×34×11 мм. Продольное сечение клиновидное. Первоначальная функция – в качестве продольного выпуклого скребла. Раскололся при попытке подправки контрударными сколами. Складень 30.

34. Долотовидное изделие. Размеры: 22×12×7 мм. Форма оскольчатая. Продольное сечение неправильно-прямоугольное. Элемент складня 66.

35. Долотовидное изделие из осколка, со следами износа на клиновидном основании и «площадке». Кварц. Размеры: 27×16×10 мм. Форма неправильно-прямоугольная. Продольное сечение линзовидное. Инд. № 657.

36. Долотовидное изделие со следами интенсивной сработанности. Мелкозернистый светло-коричневый кварцит. Размеры: 27×17×8 мм. Форма неправильно-прямоугольная. Продольное сечение клиновидное. Инд. № 183.

37. Долотовидное изделие. Плоские встречные сколы отмечены с двух сторон. Размеры: 23×18×13 мм. Форма неправильно-прямоугольная. Продольное сечение клиновидное. Инд. № 37.

38. Долотовидное изделие из тонкого отщепа, с двумя косо ориентированными забитыми краями. Серий мелкозернистый кварцит. Интенсивно сработан. Размеры: 18×19×5 мм. Форма неправильно-прямоугольная. Продольное сечение линзовидное. Инд. № 496.

39. Долотовидное изделие из тонкого отщепа, фрагмент. Размеры: 16×22×8 мм. Форма неправильно-прямоугольная. Продольное сечение клиновидное. Инд. № 456.

40. Долотовидное изделие из тонкого отщепа, с двумя полюсами, остаточная форма, следы интенсивного использования. Кварц. Размеры: 13×13×4 мм. Форма неправильно-прямоугольная. Продольное сечение линзовидное.

41. Долотовидное изделие с двумя полюсами и двусторонним чешуйчатым износом, из скола Янус-Комбева. Размеры: 22×17×6 мм. Форма неправильно-прямоугольная. Продольное сечение линзовидное. Инд. № 112.

Очевидна морфометрическая, функциональная и редукционная неоднородность указанной выборки изделий. Приведем аргументы в пользу правомочности выделения как минимум двух отмеченных выше самостоятельных технологических контекстов контрударной (биполярной) техники расщепления.

Обсуждение: контекст контролируемого контрударного расщепления

Версия: контролируемое контрударное расщепление предполагает получение ожидаемых (планируемых) результатов – сколов типа Янус-Комбева и остаточных контрударных ядрищ, которые использовались в дальнейшем в качестве заготовок для скребков.

По объективным данным, в индустрии слоя 3 стоянки Стрелка-1 в качестве основы для скребков использовались как «сколы» с контрударных «нуклеусов», так и сами «нуклеусы» – контрударные ядрища. Особенностью контрударной техники расщепление камня является образование двух этих продуктов (со

знаком «+» и «-») одномоментно, что и являлось целью такой версии первичного раскалывания.

Скребки из остаточных контрударных ядрищ. Интерпретация этих изделий в качестве таковых базируется на изучении следов износа лезвийных кромок, последовательности расщепления с выраженной периодичностью.

Первый скребок изготовлен из контрударного ядрища, один из продольных краев которого был использован для скобления шкуры. Рабочее лезвие скребка слабовыпуклое, центральная часть удалена фасетками подправки приостряющей односторонней ретуши (рис. 1, 1 a-c). Следы использования в качестве скребка по шкуре сохранились лишь на его правом и левом краях (рис. 1, 2 a-b; 3 a-b). Фасетки ретуши перекрывают негативы сколов с концов изделия. Учитывая периферийное, по отношению к центральной части лезвия, следы на лезвии можно определить как очень развитые, т.е. до сколов подправки центральная часть лезвия была гораздо более изношена и скруглена, что, скорее всего, не соответствовало потребностям мастера по остроте лезвия. В процессе приострения лезвия скребка односторонней ретушью кромка его края не была выровнена и функционально необходимая выпуклость не была восстановлена, был образован зубчато-вогнутый край. Вероятно поэтому, была предпринята попытка контрударного утончения тела орудия, в ходе которого оно раскололось по естественной трещине. На ребрах и гранях сохранились следы транспортировки. Судя по стратиграфии следов неутилитарного износа и следов скобления, использование орудия и его транспортировка достаточно долгий период производились поочередно.

Второй скребок из остаточного контрударного ядрища (рис. 1, 4), как и предыдущие, использовался для скобления шкуры. Его лезвие, расположенное на продольном крае ядрища, подправляли односторонней приостряющей ретушью (рис. 1, 5 a-b). Затем последовало оживление скребкового лезвия контрударными сколами с концов изделия, в результате чего орудие раскололось.

Третий скребок оформлен на относительно тонком в сечении остаточном контрударном ядрище (рис. 2, 1 a-c). Этот скребок двойной и является целым орудием. Оба скребковых лезвия расположены на продольных краях, на них представлен весьма развитый износ от скобления шкуры, перекрывающих одностороннюю дорсальную ретушь подправки-приострения (рис. 2, 2 a-b; 3 a-b). Износ нижнего (по рисунку – рис. 2, 3 a-b) лезвия по степени развития значительно уступает износу верхнего. На данном изделии представлен также достаточно развитый неутилитарный износ, свидетельствующий о длительном манипулировании-транспортировке орудия, в ходе которого орудие периодически использовалось и подправлялось. Следы подправки лезвия ретушью и следы использования – стратиграфически последние из всех, сформированных на поверхности артефакта.

Четвертый скребок – целое орудие из остаточного контрударного ядрища, имеет лезвие на продольном боковом крае (рис. 3, 1 a-c). Второй край – обушок с галечной поверхностью. Следы использования от скобления шкуры очень

развиты, при этом фасетки сколов подправки лезвия приостряющей ретушью не отмечены (рис. 3, 2 *a-b*). По всей видимости, это интенсивно использованное орудий в начальной фазе утилизации.

Пятый скребок из остаточного контрударного ядрища (рис. 3, 3 *a-b*; 4) совмещен с чешуйкой (складень 31). Скребок на боковом участке имеет выпуклое лезвие, сформированное приостряющей ретуши. Участок этого лезвия частично срезан чешуйкой в ходе его оживления контрударными сколами на последней стадии утилизации орудия. Техника скола – контрударная.

Шестой скребок из остаточного контрударного ядрища (рис. 4, 1 *a-c*; 2) – складень 33. Скребок массивный, с крутым лезвием. Две чешуйки связаны с понижением рельефа орудия в центральной части (уменьшением массивности) и оживлением сработанного лезвия, сколоты контрударным способом на последней стадии утилизации инструмента.

Седьмой скребок из остаточного контрударного ядрища (рис. 4, 3 *a-b*) с прямым заостренным лезвием на боковом участке, так же как описанные выше, на последней стадии обработки был подправлен контрударными сколами. Эти сколы срезают дистальные участки фасеток ретуши.

«Технологическая биография» скребков из остаточных контрударных ядрищ, установленная на основании стратиграфия следов скобления, подправки и транспортировки, отражает несколько циклов целевого использования, оживления лезвий и переноса. Практически все они (кроме скребка на рис. 3, 1 *a-c*), подвергались вторичному оживлению при помощи контрударной обработки, что отражает устойчивый общий тренд редукции скребков данного типа. Полюса нанесения ударов не менялись и совпадают с первоначальной ориентацией сколов на ядрищах. По крайней мере, три образца длительное время переносились в сумке. Видимо, они входили в состав набора орудий, которыми могли пользоваться на пределами мест постоянного обитания.

Скребок из скола Янус-Комбева

Интерпретация сколов с двумя вентральными поверхностями как преформы орудий основывается на факте их использования для изготовления скребков. Наиболее интенсивные следы износа отмечены на небольшом скребке из скола желто-коричневого халцедона (рис. 5, 1 *a-b*, 2 *a-b*, 3 *a-b*, 4 *a-b*). Дистальный край артефакта оформлен притупляющей ретушью. Остатки галечной поверхности сохранились на одном из продольных краев. На втором продольном крае односторонней приостряющей ретушью оформлено слабовыпуклое скребковое лезвие с типичным хорошо развитым износом от скобления шкуры (рис. 5, 4 *a-b*). В центральной части лезвия они менее развиты. Это наблюдение, наряду с отсутствием следов скобления на части лезвия, вполне однозначно свидетельствует о неоднократных подправках рабочего края приостряющей ретушью. Следы полного переоформления лезвия отсутствуют.

Помимо этого, в коллекции выделяется минимум 16 мелких вентральных сколов и чешуек с относительно симметричным продольным линзовидным сечением, которые могли использоваться в качестве вкладышей.

Несмотря на некоторые различия в использовании и видах заготовок, скребки на продуктах контрударного расщепления (ядрицах и сколах) относятся к единой технологии, изготовлены по единым канонам:

- рабочие участки располагались на продольных краях продуктов расщепления, полученных контрударным способом;
- все изученные нами изделия этого типа использованы для скобления шкур;
- в процессе использования их подправляли односторонней приостряющей ретушью – на некоторых следы использования перемежаются со следами неоднократной подправки;
- использование большинства изученных нами орудий этого типа сопровождалось их транспортировкой в свободной таре вместе с иными предметами из твердых материалов;
- следы переоформления контрударным расщеплением лезвий части скребков, полученных из остаточных контрударных ядриц, после их интенсивного использования.

Контрударные ядрица

Представлены в коллекции несколькими выразительными образцами, входящими в тот же технологических контекст, что и скребки из контрударных ядриц и сколов с них. В круг этих предметов обработки мы включаем минимум 6 ядриц, 5 из которых могут доказательно интерпретироваться в качестве таковых на основании данных ремонта – с них отделены сколы, по размерам не уступающие размерам скребка на рис. 5, 1 а-б. Складень 7: рис. 7, 1 а-б, 2. Складень 43а: рис. 7, 3 а-б, 4. Складень 50: рис. 6, а-д. Складень 61е: рис. 8, 1 а-б, 2. Складень 61ж: рис. 8, 4 а-б, 5.

Основа в виде крупного массивного скола прослеживается только у наиболее крупного ядрища (складень 50: рис. 6, 1 а-д), которое в начальной стадии обработки, возможно, имело четырехугольные очертания; с него был отделен типичный скол Янус-Комбева с невыраженной ударной площадкой. Отмечаются негативы еще нескольких таких сколов.

Остальные ядрища значительно модифицированы и приобрели неправильно-округлые или угловатые очертания при сохранении общей конструкции – двух противолежащих полюсов. Исключение составляет складень 61е округлых очертаний, у которого отмечены две системы полюсов, ориентированных в перекрестном направлении. В складнях отмечены мелкие сколы и чешуйки типа Янус-Комбева, которые могли являться целевым продуктом такого типа первичного расщепления. Для всех контрударных ядрищ характерно отсутствие или слабая выраженность ударных площадок – в качестве таковых выступал непосредственный край заготовки ядрища. Соответственно, зоны расщепления специально не готовились, у сколов всех типов зоны расщепления обладают характерным чешуйчатым рельефом.

Приведенные аргументы позволяют предполагать наличие в каменной индустрии культурного слоя З стоянки Стрелка-1 особой биполярной контролируемой технологии расщепления, ориентированной на получение

недифференцированных заготовок для скребков, с последующей подправкой рабочих кромок одного из типов скребков контролируемым контрударом. Скребки на продуктах контролируемого контрударного расщепления (ядрища и сколы), несмотря на формально-типологические отличия, отражают одну модель поведения древних обитателей стоянки и в таком качестве должны рассматриваться как взаимосвязанные изделия с различной степенью редукции. Линия обработки может выражаться в последовательности: расщепление контрударного ядрища – формирование скребка на остаточном ядрище – контрударное оживление скребкового лезвия. Помимо остаточного ядрища, вторым продуктом расщепления являлись мелкие сколы с двумя вентральными поверхностями, которые также служили основой для скребков, но следы подправки контрударом полученных из них скребков не отмечены. Таким образом, типов скребков всего два: 1) изготовленные из остаточных контрударных ядрищ; 2) изготовленные из сколов Янус-Комбева. В каменной индустрии культурного слоя 3 стоянки Стрелка-1 в рамках контролируемого контрударного расщепления выделяется особый тип редукции изделий с признаками стадиального расщепления. Еще раз подчеркнем, что в ходе технико-типологического анализа каменных индустрий желательно сравнивать не типы орудий, а типы редукции каменных орудий, так как формальные типы чаще всего являются редукционными формами артефактов, т.е. отражают промежуточное, транзитное состояние одного типа продукции [21; 22].

Обсуждение: контекст неконтролируемого контрударного расщепления

Версия: продукты неконтролируемого контрударного расщепления – результат непреднамеренного раскалывания (износа) долотовидно-клиновидных изделий в рамках ударно-импульсной кинематики. Неконтролируемый контрударный износ возникал на различных по сложности изготовления орудиях.

Это контекст представлен в материалах культурного слоя 3 также достаточно полно. По типу заготовок эти изделия можно разделить, собственно, на долотовидные (из простых сколов) и клиновидные (в форме заготовок клиновидных нуклеусов).

Долотовидные изделия

Выделяется линия трансформации изделий со следами неконтролируемого контрударного расщепления связана с утилизацией простых отщепов. Продукция этого способа использования сколов, вероятно, в качестве долот или стамесок – вполне типичные *pièces esquillées*. Судя по форме предметов расщепления в начальной стадии использования контрударной техники, основой долотовидных служили преимущественно отщепы средних размеров, которые дополнительно не обрабатывались.

Начальная форма такого типа изделий представлена на рис. 9, 1 *a-b*. У него отмечена биполярная изношенность на боковых участках.

В двух случаях качестве заготовок использовались сколы с фрагментами сколов с клиновидным продольным сечением (рис. 9, 2 a-b, 3 a-b). Возможно, они отбирались специально; площадки на торцах сломов заготовок специально не обрабатывались, несут следы контрударного скальвания по краям. Заостренное в профиле основание – со следами двусторонней чешуйчатой непреднамеренной обработки, фактически износа.

Серийно представлены небольшие по размеру изделия с долотовидным износом в начальной стадии (рис. 10, 1 a-b, 2 a-b, 3 a-b, 4 a-b, 5 a-b, 6 a-b), что означает использование также мелких сколов и обломков для выполнения непродолжительных и несложных производственных задач. Не исключено, что часть из них была отделена от контрударных ядрищ.

Более системный долотовидный износ отмечен на серии орудий, которые могут быть описаны как вполне типичные *pièces esquillées* (splintered pieces) (рис. 11, 1 a-b, 2 a-b, 3 a-b, 4 a-b). Из края с контрударной обработкой располагаются параллельно или конвергентно, чешуйчатая обработка отмечена с двух сторон.

Единственным установленным нами орудием с ударно-импульсной кинематикой (с функцией стамески) является изделие нуклевидных очертаний (рис. 12, 1 a-c, 2 a-b, 3 a-b). Это небольшой фрагмент со следами контрударной обработки заготовки. На противоположном слому конце продольно-диагональным сколом сформирован стамескообразный рабочий край с фасетками мелкой двусторонней ретуши утилизации с признаками «замятости» – легким округлением кромки за счет микросколов. На этой же поверхности, ближе к затупленной кромке, прослежены пятна заполировки, которые, в целом, характерны для следов работы по твердым органическим материалам – кости-рогу-бивню. Косвенным образом на возможность использования данного орудия в функции долбления-строгания твердого органического материала указывает удивительное сходство отпечатков этого орудия на воске со следами обработки предметов из бивня мамонта этого же культурного слоя (рис. 12, 4).

Подобную нуклевидную форму имеет складень 43-б (рис. 12, 5 a-b, 6).

Клиновидные изделия

Наиболее сложно организованными и трудозатратными являются клиновидные в продольном профиле изделия в форме заготовок нуклеусов и, в силу своей конструкции, приспособленные для расклинивания и обработки органических материалов. Они изготавливались по той же схеме, что и заготовки торцевых нуклеусов для микропластин и могут являться их заготовками.

Безусловно, клиновидным нуклеусом вторичного использования является предмет, собранный в складне 45 из трех элементов – чешуйки и 2-х вполне типичных долотовидных орудия с характерным двусторонним контрударным износом на концах (рис. 13, a-g). В сборке они образуют торцевый нуклеус для микропластин – с выделенной поперечной площадкой, заостренным двусторонней обработкой основанием, торцовым фронтом. Именно удар по поперечной площадке привел к фрагментации такого фактически клина на две половинки и появлению признаков контрударного расщепления. Судя по

характеру трещины, удар наносился соосно продольной оси предмета, т.е. его вбивали в какой-то плотный материал ударами по широкой части (по поперечной площадке).

Определенно в качестве клина использовалось массивное изделие из складня 66.

Двоякое толкование (использование?) касается изделия из складня 44 (рис. 14, 1 *a-c*). Этот предмет подковообразной формы, клиновидным продольным сечением и округлым основанием также по конструкции напоминает заготовку торцового нуклеуса для микропластин. Площадка, однако, не сформирована, края обработаны противолежащей ретушью – т.е. контрударным способом; поверхность торцового фронта не образована. Исходя из технологического контекста, вероятнее всего, заготовкой данного ядрища послужил контрударный скол с гальки. Участок галечной поверхности сохранился на левом продольном крае. Основная площадка, предназначенная для формирования зон расщепления и приложения усилий, расположена под острым углом к поверхности скальвания, она образована односторонней оббивкой мелкими сколами. Левый край обработан на тыльную сторону, правый – на поверхность скальвания. Основание оформлено бифасиальной оббивкой. Единственный мелкий скол с площадки был сделан с левого края, вдоль ребра; скол сломался по трещине в сырье. Все плоскости, края и межфасеточные ребра на всех поверхностях изделия имеют хорошо выраженные следы неутилитарного износа (рис. 14, 2 *a-b*, 3 *a-b*). «Свежие» сколы, перекрывающие эти следы, не обнаружены. Иными словами, клиновидное изделие длительное время переносилось в сумке в качестве клина, контрударного ядрища, или заготовки торцового нуклеуса для микропластин.

В индустрии слоя 3 в качестве клиньев, возможно, использовались еще 3 остаточные нуклеусы для микропластин. В исследованиях подобный факт отмечается достаточно часто [15]. Очевидно, клиновидные изделия и клиновидные заготовки торцовых нуклеусов для микропластин образуют одну сопряженную группу предметов, которые делались по одной технологии, но использовались/трансформировались древними мастерами, исходя из текущих ситуационных потребностей.

Вероятно, с контрударным расщеплением связаны достаточно многочисленные в коллекции слоя 3 «наковальни» из каменных галек со специфическими полями износа в центральной части уплощенных сторон. Подобные изделия достаточно часто встречаются в комплексах позднего палеолита Енисея [11, рис. 30, 3; 23, рис. 50, 5, 7; 24]. В ряде случаев похожие поля забитости в виде совокупности точечных деформаций связывают с воздействием долотовидных инструментов. В частности, в мезолитическом горизонте 6 стоянки Усть-Менза II П.Н. Мороз выделяет «зоны утилизации долотовидных орудий» на плоской поверхности крупных галек [25, рис. 19, 15-17].

Заключение

Удельный вес продуктов контрударного (биполярного) расщепления в каменной индустрии культурного слоя 3 стоянки Стрелка-1 весьма значителен. Приведенные наблюдения дают дополнительные аргументы для интерпретации этой техники расщепления камня как результата совмещения нескольких технологических контекстов, направленных на решение различных производственных задач. Важное место в технологической базе индустрии слоя 3 занимала особая техника контролируемого контрударного расщепления. Она была хорошо адаптирована к сырьевой базе (значительный удельный вес кварца и кварцита), в ней тесно переплетены приемы первичного и вторичного расщепления, отмечена модульность переносимых в сумке заготовок, которые в зависимости от текущих производственных потребностей могли использоваться и как нуклеусы, и как готовые орудия. Своеобразный трек этой технологической традиции позднего палеолита Среднего Енисея мы наблюдаем в мезолитических и неолитических материалах Северо-Западной Сибири. Подобно контрударным ядрищам Стрелки-1, контрударные изделия из Луговского и более поздних кондинских памятников несут следы длительной транспортировки, использовались как нуклеусы и, в ряде случаев, как орудия для обработки шкур строганием [26; 27]. Возможно, публикуемые материалы внесут некоторую корректировку в понимание технологической базы позднего палеолита Среднего Енисея, за счет очевидной роли контрударной (биполярной) техники расщепления. Контролируемое биполярное раскалывание впервые выявляется в материалах палеолита Енисея на основании данных технологического анализа, ремонта и трасологических исследований, и требует дальнейшего обоснования.

Благодарности

Работа выполнена в рамках ведомственного исследовательского проекта «Палеолит стрелки рек Енисей и Кача: материальная культура, хронология, хозяйственые стратегии» ООО «Красноярская Геоархеология», программы ФНИ FMZF-2022-0012 и государственного задания № госрегистрации НИР 124012400356-4. Неоценимую помощь оказали О.А. Полякова и А.А. Чуб. Графическое оформление А. Халтаевой и А. Тришкиной, фото Е.Ю. Гири и Н.Н. Желябовского. Авторы выражают признательность директору ООО «Красноярская Геоархеология» Д.Н. Лысенко за поддержку проекта.

Список источников и литературы:

1. Bardon L., Bouyssonie J., Bouyssonie A. Outils Ecaillés par Percussion. Revue de l'École d'Anthropologie, 1906, no. 16. – P. 170-175.

2. Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 282 с.
3. Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Г.А., Вишняцкий Л.Б., Гиря Е.Ю., Грибченко Ю.Н., Желтова М.Н., Тихонов А.Н. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. – СПб., 2007. – 262 с.
4. Синицын А.А. Долотовидные орудия в палеолите Европы: распространение, типология, информативность // Верхнедонской археологический сборник научных трудов, посвященный 70-летию Н.Д. Праслова. – Липецк; Санкт-Петербург: Изд-во ЛГПУ, 2007. – С. 6-16.
5. Акимова Е.В., Анойкин А.А., Васильев С.К. и др. Позднепалеолитическая стоянка Афонтова Гора II: итоги мультидисциплинарных исследований 2014 года / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии; Красноярская Геоархеология. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – 260 с.
6. Hayden B. Confusion in the bipolar world: bashed pebbles and splintered pieces. *Lithic Technology*, 1980, no. 9 (1). – P. 2-7.
7. Le Brun-Ricalens F. Les pièces esquillées: état des connaissances après un siècle de reconnaiss-sance. *Paleo*, 2006, no. 18. – P. 95-114.
8. Kolobova K.A., Kharevich V.M., Kharevich A.V., Fedorchenko A.Yu., Bocharova E.N., Kurbanov R., Flas D., Krivoshapkin A.I., Olsen J.W. Archaeological and experimental studies of splintered pieces in the Central Asian Upper Paleolithic. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2021, no. 13 (28). – P. 2-18.
9. Ауэрбах Н.К., Сосновский Г.П. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова гора // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. – Л, 1932. – Т. 1. – С. 45-113.
10. Абрамова З.А. Палеолит Енисея: Кокоревская культура. – Новосибирск, 1979а. – 200 с.
11. Абрамова З.А. Палеолит Енисея: Афонтовская культура. – Новосибирск, 1979б. – 158 с.
12. Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А. и др. Палеолит Енисея. – Л.: Наука, 1991. – 157 с.
13. Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская позднепалеолитическая культура. – Новосибирск: ИАЭТ, 1998. – 335 с.
14. Лисицын Н.В. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: ИИМК РАН, 2000. – 229 с.
15. Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Кольцова В.Г., Орлова О.А. Палеолит Енисея. Лиственка. – Красноярск: КГПУ «Универс», 2005. – 184 с.
16. Деревнина А.С. Долотовидные изделия финально-верхнепалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина) // МНСК-2022, Материалы 60-й Международной научной студенческой конференции. – Новосибирск. Изд-во: Новосибирский

национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск), 2022. – С. 9-10.

17. Харевич А.В., Харевич В.М., Федорченко А.Ю., Колобова К.А. Экспериментальный анализ долотовидных изделий из верхнепалеолитических комплексов Центральной Азии // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2021. – Т. 20, № 5: Археология и этнография. – С. 55-68.

18. Барков А.В., Колесник А.В. Клад микропластин из позднепалеолитического слоя стоянки Стрелка-1 в Красноярске // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2024. – Т. 23, № 7. – С. 73-84.

19. Гиря Е.Ю., Барков А.В., Хлопачев Г.А., Колесник А.В. Уникальное изделие из бивнёвого отщепа со стоянки верхнего палеолита Стрелка-1 (Красноярск) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – СПб; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2025. – № 1. – С. 315-331.

20. Колесник А.В., Гиря Е.Ю., Барков А.В., Артемьев Е.В. К определению полноты технологических контекстов в каменной индустрии культурного слоя 3 позднепалеолитической стоянки Стрелка-1 в г. Красноярске (на примере скребел) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология, 2025. – Т. 24, № 5. Археология и этнография. – С. 39-51.

21. Колесник А.В., Зоров Ю.Н., Данильченко А.Ю., Титов В.В., Константинов Е.А., Фролов П.Д., Сычев Н.В. 2023. Николаево-Отрадное II – новый памятник раннего и среднего палеолита в Северо-Восточном Приазовье. Археология, этнография и антропология Евразии, 2023. – № 3. – С. 25-31.

22. Колесник А.В. Двусторонне обработанные изделия D-образной формы из памятников среднего палеолита Донбасса и Северо-Восточного Приазовья // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований, 2024. – № 1. – С. 5-23.

23. Васильев С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 224 с.

24. Филатов Е.А., Клементьев А.М. Отложения палеопочв каргинского термохона левобережья р. Енисей в г. Красноярске в контексте палеолитических индустрий. Геология палеолита Северной Азии: к столетию со дня рождения С.М. Цейтлина. Материалы докладов международной геолого-археологической конференции (симпозиума). – Красноярск, 2020. – С. 108-112.

25. Мороз П.Н. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцене Западного Забайкалья: к IV Международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири (Чита, 2013)». – Чита: ЗабГУ, 2014. – 182 с.

26. Гиря Е.Ю., Малютина А.А., Степанова К.Н., Цюань Цянькунь, Фан Чи. Концепция российско-китайской лаборатории доказательной интерпретации археологического источника // Археологические вести. 44, 2024. – С. 231-251.

27. Клементьева Т.Ю., Погодин А.А., Дубовцева Е.Н. Поселение раннего неолита Шоушма 10 в верховьях реки Конды // Поволжская археология, 3(33), 2020. – С. 84-99.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.62)+930

DOI: 10.5281/zenodo.15771876

EDN: ZXWVXM

Г.Г.Чепига

кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории и права

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет»

E-mail chepiga_galina@mail.ru

СЛАВЯНОСЕРБСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ ДОНБАССА И НОВОРОССИИ

Аннотация

В статье рассматриваются история возникновения военно-территориальной автономии Славяносербии в контексте заселения Донбасса и основные историографические направления в её изучении. Особенность изучения историками этого национально-административного образования связана с влиянием историографических традиций, а также наличия большого количества субъективных обобщений. Славяносербская тема представляет особый интерес в связи с тем, что является переходным звеном от истории южнорусских окраин к формированию Новороссии.

Ключевые слова: заселение, южное пограничье России, Славяносербия, историография, Донбасс, региональная история

Summary

The article examines the history of the emergence of Slavyanoserbia's military-territorial autonomy in the context of the Donbass settlement and the main historiographical trends in its study. The peculiarity of the study of this national-administrative entity by historians is related to the influence of historiographical traditions, as well as the presence of a large number of subjective generalizations. The Slavyanoserbian theme is of particular interest due to the fact that it is a transitional link from the history of the southern Russian outskirts to the formation of Novorossiya.

Keywords: settlement, southern borderlands of Russia, Slavjanoserbia, historiography, Donbass, regional history.

Донецкий регион как часть России формировался с XVII в. в противостоянии с Крымским ханством и Османской империей. Этот край относился к южному пограничью Русского царства, и был частью Великой границы – степного евразийского коридора. Местное население концентрировалось там, где сейчас расположены города Славянск и Артемовск, в районе среднего Подонцова. Оно целиком принадлежало к военному сословию, проживающему на этой территории, и несло службу по охране

рубежей. Полевая окраина Российского государства сформировала свой тип хозяйственно-культурной жизни и характера жителя военного пограничья.

Продолжением традиций военно-земледельческого заселения южного пограничья России стало основание в степной округе Бахмута в среднем Подоцовое военно-территориальной автономии Славяносербии из бывших австрийских подданных сербских гусар. Не смотря на логичность данного правительственного мероприятия в контексте всего предыдущего развития региона, это событие продолжает привлекать внимание исследователей и краеведов внезапным появлением нового народа издалека – из Сербии. Особенность изучения историками этого национально-административного образования связана с влиянием историографических традиций, а также наличия большого количества субъективных обобщений. Этим вопросам посвящена данная статья.

В XVII в. северная часть Донбасса представляла собой южный предел Белгородского Разряда, располагавшийся в окрестностях р. Северский Донец с его лесными массивами в пойме реки. Однако южнее его притока – р.Бахмут- продолжалась степная история Крымского ханства и ногайских орд.

Заселение степей Донбасса в этот период почти не происходило, как писал источник в 1704 г.: «*По осмотру на Крымской стороне р. Сев. Донца городов, кроме Изюма, и Маяцкого, и Тору, и Бахмута, никакого поселения нет*» [1, с.100].

Азовские походы Петра I не изменили его geopolитическое положение. Пограничье осталось в окрестностях Северского Донца и его притоков, селиться в степи было опасно. Земледелие развивалось только на левом, менее опасном берегу реки.

В результате административных преобразований южные земли Белгородского полка и Разряда вошли в состав Азовской губернии, переименованной в 1725 г. в Воронежскую. В начале XVIII в. изменилось положение гг. Бахмута (совр. Артемовска) и Тора (совр. Славянска), которые стали представлять собой сильные пограничные крепости с бастионными укреплениями, расширившие свои территории. По новому административному делению 1719 г. Бахмут стал столицей одной из провинций Азовской губернии. К Бахмутской провинции было приписано три города – Тор, Маяки и Цареборисов, а также 12 слобод [18, с.35]. В Бахмуте находилась российская таможня. Занятия местного населения практически не изменились, хотя и проводились различные преобразования в военной сфере. Традиционно это был соляной промысел и доставка дров к месту выварки соли, военная служба, различная промысловая деятельность: рыболовство, охота, пасечничество, скотоводство, кое-где появлялись мельницы и обрабатывались участки земли. Но земледелие в начале XVIII в. не было ведущей отраслью местного хозяйства.

В XVIII веке борьба с татарами и турецкими нападениями продолжалась. В середине XVIII в. российской армией были одержаны значительные победы над Османской империей. В состав России (1742 г. – демаркация новых границ) перешли незаселенные степные просторы в северном Приазовье.

Вслед за этим началось медленное расселение местных жителей на территории Бахмутской провинции, появляются хутора солеваров, однодворцев, военных поселен и пр. Встал вопрос об их защите. Из-за отсутствия природных преград обороны степь сложнее, чем лесные или лесостепные территории. Западнее и восточнее Донбасса были очаги вольного казачества – донского и днепровского. Однако серьезных укреплений не было как на Дону, так и в Поднепровье. К югу от Северского Донца лежала открытая степь.

Относительная стабилизация военно-политической ситуации на южных границах в период 1739 – 1768 гг. привела к тому, что правительство Российской империи отказалось от проектов продолжения строительства сплошных укреплённых линий в степи. Планы, которые предусматривали создание линий для прикрытия Бахмутской провинции, так и не были реализованы. Зато проблема слабой заселённости и безопасности южных уездов оставалась. Российское правительство выбрало компромиссный вариант – заменить практику возведения сплошных линий устройством военных поселений с опорой на небольшие земляные укрепления в виде шанцев. Желание части балканских славян Австрийской империи переселиться в Россию ускорило соответствующие решения в правительственные кругах. Так в степном Донбассе возникло сербское административно-территориальное формирование – Славяносербия.

Рис.1. Граничар Поморишкой краины (авт.Мартин Энгельбрехт)

Для военизованных поселений юга России Петр I чётко сформулировал задачу: «*что им без указу в. г. ис того поселения никуды не сходить*» [18]. Эта же задача была поставлена российским правительством перед сербскими поселенцами на юге Бахмутской провинции. Когда на этот трудный участок степной границы российская императрица Елизавета Петровна пригласила представителей православного народа из военного сословия, привыкших к условиям пограничья – сербских граничар, начался новый этап заселения

степных просторов Донбасса и Новой России. Именно с этого события ведется отсчёт разработки новой государственной политики колонизации иноземцами не заселенных или слабозаселенных земель Северного Причерноморья. На первом этапе предпочтение отдавалось православным переселенцам из Балкан, на следующем дозволялось переселение в Российскую империю людей разного вероисповедания. Сербские переселенцы повлияли на организацию гусарских полков в России, были у истоков формирования многонационального состава населения Донбасса, наряду с поселёнными полками ландмилиции составили основу первой Новороссийской губернии.

Вопрос о сербской колонизации в России привлекал ранее и привлекает до сегодняшнего дня внимание исследователей и более широкого круга любителей истории.

Рис.2. Пограничная пехота 1762 г. Австрийская империя (авт. Р.Кнётель)

В историографии сербской колонизации новороссийских земель выделяется несколько периодов изучения – традиционно это дореволюционный, советский и постсоветский. Однако, с нашей точки зрения, закономерно постсоветский дополнить новейшим – с 2014 г. до сегодняшнего дня. Постсоветский период от двух предыдущих отличается разделением на украинскую и российскую историографию, однако деление достаточно условно, т.к. массив источников и историографическая база была общая. Т.н. украинская историография выделяется из общего массива не столько фактологией, сколько наличием интерпретаций и субъективных комментариев. Так, в интересной по собранному количеству фактов работе С.П. Каленюка и М.М.Ломако уже в предисловии поставлена задача доказать то, что никто не опровергал – что сербские мигранты поселиены в Бахмутской провинции, которая естественно имела свое немногочисленное население. Авторы пишут, очевидно, по аналогии с Новой Сербией, что кем-то планировалось выселить местное население, и далее

в книге встречаем больше количества бездоказательных утверждений с гипертрофией запорожского влияния в регионе [13, с.6].

В период с 2014 г. эти отличия украинской и российской историографии соответственно усугубились. Перспективными для развития славяносербской темы могут стать сербские исследования по этому вопросу или сопутствующим темам. Это дало бы возможность сопоставления условий жизни, народного быта, обычая, менталитета сербов на родине и на новых землях. К удивлению, на родине донецких граничар – в Сербии, нет в полной мере осознания того, что в Донбассе читят и изучают эту страницу общей истории. Данный тезис прозвучал, в частности на Круглом столе «Славяносербия: годовщина переселения сербов в Россию», организованном обществом «Славяносербия» в честь годовщины Указа российской императрицы Елизаветы I от 29 мая 1753 г. о переселении сербов в Российскую Империю 29 мая 2024 г. Мероприятие происходило в Русском Доме в г. Белград, Сербия [17]. Российско-сербские мероприятия инициирует Русский Дом в Сербии (председатель ассоциации «Славяносербия» О.Милунович) с целью расширения сотрудничества на русской земле и актуализации исторических знаний в самой Сербии.

В историографии сербского переселения в Российскую империю имеется несколько постоянных тем, к которым обращаются исследователи различных эпох, уделяя им отдельное внимание. Они касаются как общих, так и конкретных вопросов. Их можно представить следующим образом.

1. Переселенческая политика Российского государства, в т.ч. ее практическое воплощение в Северном Причерноморье, а также влияние на демографические процессы. К таким обобщающим работам относятся классические труды Г.Г.Писаревского, Е.И.Дружининой, В.М.Кабузана. А. А. Скальковского, В. А. Пирко [20; 8; 12; 25; 26; 19].

2. Обзор причин переселения сербских граничар с Австрийской границы и усилия российских дипломатов для поддержания этого движения, также дипломатические усилия по привлечению переселенцев из Европы разных наций и конфессий (А.П.Бажова, Ю.В.Костяшов и др.) [5; 15].

3. Обстоятельства переселения, обустройство и функционирование военно-земледельческих колоний, накопление фактического материала, архивных данных, т.н. описательно-прагматические работы [23; 21; 7; 14].

4. Роль в освоении и заселении отведенных территорий после отмены автономий с экстраполяцией в современность, определение значения, целесообразности, и т.п. Последний вопрос привлекает наибольшее количество субъективных оценок на сегодняшний день, различно трактуется в открытых источниках, наименее исследован и наиболее подвержен полярным оценкам. Данные темы могут пересекаться в работах разных авторов. До сих пор нет надежных критериев, по которым можно было бы вынести ту или иную качественную оценку, поэтому такие вопросы как удача или неудача сербской (и любой другой) колонизации остаются на совести авторов.

В ряде работ уделяется внимание первым попыткам создания сербских военных формирований или отдельных зачислений на русскую службу жителей

Балкан до середины XVIII в., однако для самой темы развития переселенческой политики правительства в Новороссию этот фактор не был существенным, т.к. имел очень ограниченное влияние.

Рис.3. Русские гусары 1756 – 1762 гг. (авт. Р.Кнётель)

Одной из основных особенностей историографии сербского переселения в Россию в середине XVIII в. является объединение двух объектов исследования – Новой Сербии и Славяносербии. В научной литературе принято объединять историю Новой Сербии и Славяносербии в одну тему из-за многочисленных параллелей [10, 24]. На деле в таких работах основное внимание уделяется Новой Сербии, в то время как по отношению к Славяносербии складывается впечатление, что там все происходило или «аналогично», или заслуживает меньшего внимания, или вообще воплощение идеи было неудачным [11, с. 138]. Это замечание касается и имеющихся словарей, и различных справочников. Тем не менее, Славяносербия имела собственный вектор развития в Донбассе, много своих особенностей, и потому особый интерес представляют работы, посвященные конкретно ей (В.И.Подов, Ю. Дегтярев, Г. Половинко и др.) [21; 7; 22].

Комплекс проблематики, характерной для Новой Сербии, как правило, имеет слабое отношение к славяносербским реалиям, не смотря на объединяющий их этнический фактор. Это влечет необходимое различие методологии в исследованиях этих двух административно-военных формирований.

Так, например, для Донбасса актуальной проблемой остается роль сербских переселенцев в формировании современного населения Донбасса, вклад сербов в его историю, участие в заселении степного Донбасса. Данные вопросы мало относятся к территории Новой Сербии, имеющей другое

геополитическое расположение, иное этническое окружение, другой вмещающий ландшафт и пр.

Проблема взаимоотношений переселенцев с местным населением также имеет совершенно иной характер в реалиях Бахмутской провинции. Исследователями редко отмечается, что первым встретившимся С.Пищевичу представителем местного населения, причем оказавшем ему помощь, был именно русский человек – однодворец слободы Норвый Айдар, по определению русский и наследник военизированного русского населения пограничья XVII в. [16, с. 364].

Вопрос о взаимоотношениях балканских мигрантов с местным населением нередко политизируется, если речь идет об украинских изданиях, однако проблема состоит еще и в наличии ошибочной историографической традиции. Мифологема запорожцев, поддержанная епископом Феодосием (Макарьевским О.Г.) о якобы принадлежности им Северного Приазовья «стародавнее запорожское займище, где грели животы запорожцы» [27], трансформировалась в работах ряда историков в парадигму о «исторической» принадлежности земель вплоть до Миуса Войску Запорожскому (еще до середины XVIII в.) [30]. Работа Феодосия нередко рассматривается как исторический источник, так, официальной датой основания г.Макеевки на данный момент является 1696 г., что абсолютно невероятно с точки зрения исторической обстановки эпохи и из-за отсутствия каких-либо документов [28]. Так же обстоит дело и со славяносербской историографией, которая несет на себе давление этой парадигмы в то время, как наличие зимовников в местах будущего основания шанцев не только не доказано, но и противоречит историческим данным [29].

При обращении к вопросу сербской миграции встает вопрос о терминологии и тут единый подход отсутствует. Авторы XIX в. относили сербскую тематику к истории Новороссийского края в том понимании, которое существовало на тот момент в общественном представлении. Основатель концепции Новороссийской истории А.Скальковский первый включил историю сербских переселенцев в новое понимание Новороссии в трудах «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края» и «Опыт статистического описания Новороссийского края», которые были изданы в течение 1836-1838 гг. и в 1850-1853 гг. соответственно [31]. Ему наследовал преосвященный Гавриил Розанов в работе «Отрывок повествования о Новороссийском крае, из оригинальных источников почерпнутый», напечатанный в 1851 г. [6] и Е.О.Загоровский с работой «Славянская колонизация Новороссии в XVIII веке» (1909 г.) [10].

В дальнейшем название края определялось политической конъюнктурой. Так, Д.И.Багалей, автор превосходных работ по заселению степной окраины Русского государства [3], в период так называемых «національних змагань» в 1918-1920 х гг. пишет работу «Заселення Південної України (Запоріжжя й Новоросійського краю) і перші початки її культурного розвитку» [4], а также «Історію Слобідської України». Даные названия работ появились не только в связи с влиянием буржуазных националистов из Киева, но и с присоединением

территорий бывшей Новороссии и слободских губерний к новому политическому образованию украинских коммунистов – УНР, а затем УССР.

В советское время в историографии данную территорию называли по ее географическому расположению (Е.И. Дружинина «Северное Причерноморье в 1775-1800 гг.» [8], историческому принципу – В. М. Кабузан монография «Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX в. (1719-1858 гг.)» [12] или политическому: монография «Заселение Степной Украины в XVI-XVIII ст.» донецкого ученого В. А. Пирко [20]. Также был в употреблении термин «Южная Украина».

С 2014 г. термин Новороссия возродился в трудах российских и донецких ученых. Так, в 2017 г. славяносербская тема снова в контексте новороссийской истории зазвучала в коллективной монографии «История Новороссии» [11] и в коллективном труде «Очерки истории Донецкого края (с древнейших времен до 1917 года)» [16], где сербам удалено внимание и в контексте истории Донбасса, и их роли в формировании Новороссийского края. Фундаментальный труд «История Новороссии» вобрал в себя огромное количество тем и сюжетов, показал в динамике процесс формирования Новороссии, возродив в общественном сознании понимание этого феномена. Второе указанное издание имело большое значение для оформления и возрождения самосознания жителей Донбасса, т.к. одной из причин национально-освободительного движения на его территории было навязывание украинской властью чужого для них менталитета и многочисленных фальсификаций исторических событий, в том числе и тех, что касались истории Донбасса. Указанная работа донецких ученых опубликована в Музейном вестнике Республики № 1 Донецкого республиканского краеведческого музея.

В связи с результатами русско-турецкой войны 1735 – 1739 гг. и присоединением большого массива степных земель встал вопрос об их заселении и охране. Практика привлечения военных на границу была известна. К этому моменту возникла возможность привлечь военных из Балканских стран.

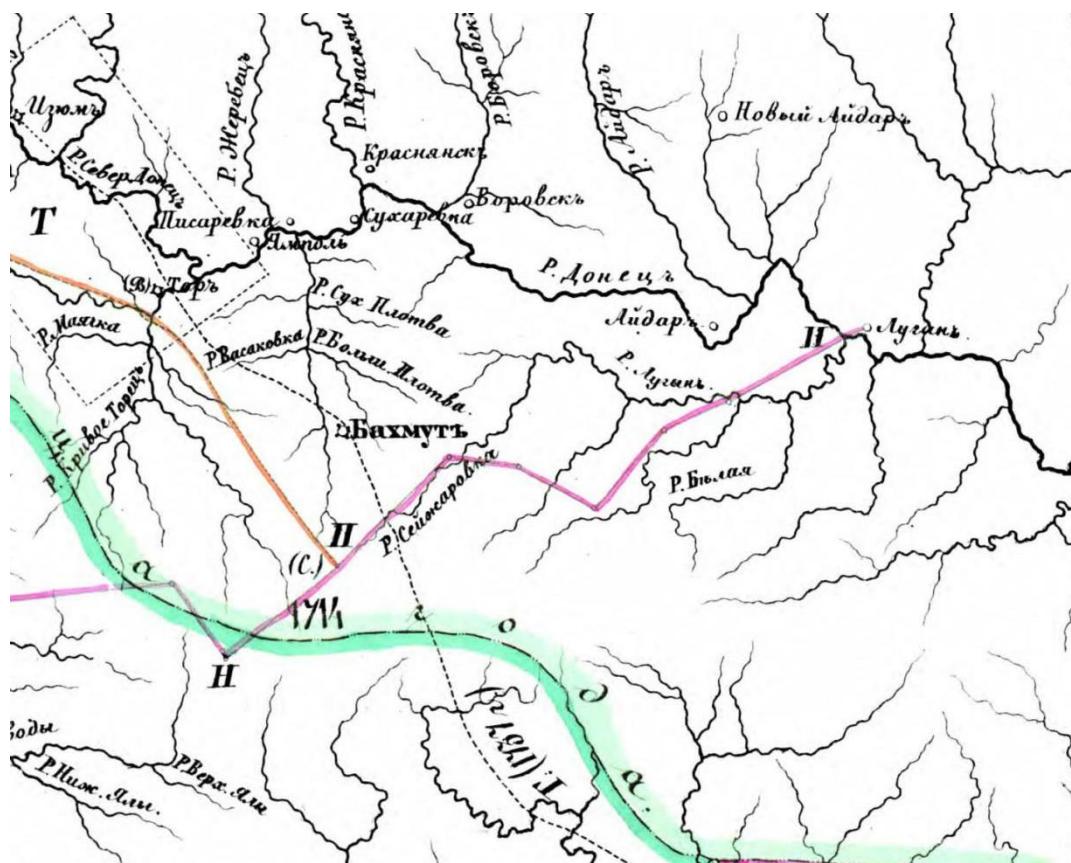

Рис. 4. Территория для поселения полков Шевича и Депрерадовича (Карта границ XVIII в. Ф.Ласковского, фрагмент)

Политическое решение правительством было принято в 1751 г., 24 декабря в именном указе Елизаветы Петровны провозглашались основные принципы для сербов, которые захотят переселиться в Россию, их права и привилегии. Вслед за императорским вышел сенатский указ 29 декабря того же года. Так были заложены правовые основы российской переселенческой политики. Императрица обещала «сколько бы из их Сербского народа в Нашу Империю перейти похотело, все оные, яко единоверные, с Нами в службу и в подданство Наше приняты будут...» [2, с 554], а так же «пространныя и плодоносныя земли даны им будут» [2]. Уже в 1752 г. офицеры Шевич и Депрерадович со своими людьми были в России.

В сенатском указе от 29 мая 1753 г. «О распоряжениях по поселению сербов Шевича и Прерадовича с их единоземцами между Бахмутом и Луганью» [2, с. 840-844] указано расположение территории для поселения, которая в дальнейшем обретет свое название – Славяно-Сербия. Сербские полки Шевича и Депрерадовича были поселены в Бахмутской провинции, север которой был относительно заселен, а юг оставался открыт для нападений противника. В эти места с очень малочисленным населением были приглашены сербские гусары и их семьи создать военизированные поселения в степи между реками Северский Донец и Лугань. Реальное заселение происходило в 1756 г. и тут сербы совершили своего рода подвиг, который хорошо описал в своих мемуарах Симеон Пишчевич. Они преодолели очень большие трудности, построили в

степи укрепления – шанцы и прикрыли собой этот участок российской границы. Тем самым они способствовали дальнейшему укреплению и расцвету Донбасса, многонациональный состав населения которого стал формироваться как раз вследствие сербской миграции.

Рис. 5. Сербский национальный костюм (Источник: О.Милунович)

Сербы органично влились в состав населения южнороссийского пограничья. С местным населением их сближала вера, образ жизни, занятия, жизнь, подчиненная главной задаче – службе Российскому государству. Подобное совпадение интересов способствовало появлению в историографии дискурса о том, стоит ли обращать внимание на миграцию из Балкан, представив ее как один из малозначительных эпизодов, т.к. они смешались с местным населением, и, *как будто* (курсив авт.), не имели влияния на дальнейший ход истории. Существует две полярные точки зрения на этот вопрос, носящие скорее мировоззренческий характер, чем научный, но многие прагматические работы также стремятся дать эту оценку.

В целом, кроме охраны территории в историографии признается вклад сербов в хозяйственное освоение края, так как они основали много поселений, существующих до сегодняшнего дня. Особенно подчеркивается этот факт в трудах луганских ученых, т.к. большая часть Славяносербии находилась на территории современной ЛНР [9]. Они способствовали привлечению новых переселенцев, т.к. люди идут жить туда, где безопаснее.

Таким образом, проблема изучения сербской колонизации в Донбассе включает в себя культурное наследие как предмет местной этнографии, ментальные стратегии, историографический дискурс и накопление фактологии. Являясь частью истории Новороссийского края, славяносербская тема продолжает играть особую роль в формировании менталитета жителей Донецкого региона. В исторической науке ДНР высоко оценивают вклад сербов

в оборону, заселение и развитие Донецкого края в XVIII в., закономерен их вклад в формирование многонационального народа Донбасса. Во всех курсах истории в Донбассе в высшей и в средней школе обязательно присутствует тема сербской колонизации, как одной из самых заметных и ярких страниц нашей истории.

Список источников и литературы:

1. 1704 г. октября 19. Память из Разряда в Посольский приказ по поводу спора между донскими казаками и Изюмским полком о Бахмутских соляных варницах и др. угодьях // Булавинское восстание (1707-1708). Труды историко-археографического института АН СССР. Т. XII. – Москва: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопереселенцев, 1935. – С. 87–106.
2. Полное собрание законов Российской Империи: Том 13. 1749-1753. – СПб: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 959 с.
3. Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М. : Тип. университета, 1887. XVI; 614 с.
4. Багалій Д. І. Заселення Південної України (Запоріжжя й Новоросійського краю) і перші початки її культурного розвитку / Багалій Д.І. – Харків: Союз, 1920. – 111 с.
5. Бажова А. П. Из югославских земель – в Россию / А. П. Бажова // ВИ. – 1977. – №2. – С. 124-137.
6. Г.А.Т. и К. [Гавриил (Розанов)]. Отрывок повествования о Новороссийском крае из оригинальных источников почерпнутый // ЗООИД.- Одесса, 1853. – Т.3. – С. 79-130.
7. Дегтярёв Ю. Сказание о земле Славяносербской: Славяносербия, 1753 – 1764. // Ю. Дегтярёв / Сеоба Срба у Руско царство половином XVIII века. – Нови Сад, 2003. – С.222-242.
8. Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. / Дружинина Е. И. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 279 с.
9. Ефремов А. С История Луганского края: Учебное пособие / [Ефремов А. С., Курило В. С., Бровченко И. Ю. и др.]. – Луганск : Альма-матер, 2003. – 432 с.
10. Загоровский Е. Славянская колонизация Новороссии в XVIII веке. Сербские военные поселения / Загоровский Е.А. – Киев, 1913. – 59 с.
11. История Новороссии / отв. ред. В.Н. Захаров; Российское историческое общество; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 864 с.
12. Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губернии) в XVIII - первой половине XIX в. (1719 – 1858 гг.) / Кабузан В.М. – М.: Наука, 1976. – 306 с.
13. Каленюк С. П., Ломако М. М. Роти полку Депрерадовича. Мандрівка Лисичаїським краєм у пошуках першопоселенців. – Лисичанськ: НП «Пріпекспрес», 2010. – 162 с.

14. Кандаурова Т.Н. Военные поселения в Европе и России XVIII-XIX веков // Т.Н. Кандаурова / Новая и новейшая история. – №5. – 2010. – С. 84-109.
15. Костяшов Ю.В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке: Монография / Костяшов Ю.В. – Калининград: Калинингр. ун-т., 1997. – 220 с.
16. Кравченко Э.Е., Кузин В.И., Чепига Г.Г., Ляшенко В.Г. Очерки истории Донецкого края (с древнейших времён до 1917 года). // Э.Е.Кравченко и др. / Музейный вестник Республики. – Донецк: Типография «РА ДОН», 2017. – 495 с.
17. Круглый стол «Славяносербия: годовщина переселения сербов в Россию», организованный обществом «Славяносербия» в честь годовщины Указа российской императрицы Елизаветы I от 29 мая 1753 года о переселении сербов в Российскую Империю. 29 мая 2024 г. в Русском Доме г. Белград, Сербия. [Электронный ресурс] / Русский Дом в Белграде. – Режим доступа: <https://t.me/russkydombelgrad/4738>
18. Круглый стол «Славяносербия: годовщина переселения сербов в Россию», приуроченный к важной исторической дате – подписанию Указа императрицы Елизаветы I от 29 мая 1753 года «О переселении сербов в Российскую империю» [Электронный ресурс] / Общественная организация «Союз землячеств Луганщины». – URL: <https://zemlug.ru/2025/06/02/sostoyalsya-kruglyj-stol-slavyanoserbiya-godovshchina-pereseleniya-serbov-v-rossiyu-v-chest-godovshchiny-ukaza-imperatriczy-elizavety-i-ot-29-maya-1753-g-o-pereselenii-serbov-v-rossi/>
19. Пирко В.А. Заселение Донбасса в XVI-XVIII веках. // Новые страницы в истории Донбасса. – Донецк, 1992. – С.35-45.
20. Пірко В. О. Заселення Степової України в XVI-XVIII ст. / В.О. Пірко. – Донецьк: Український культурологічний центр, 1998. – 124 с.
21. Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909. – 438 с.
22. Подов В.И. Славяносербия. Очерки из истории заселения Донбасса в 18 в. Документы / В.И. Подов. – Луганск: GLOBUS, 1998. – 120 с.
23. Половинко Г. Сербська гілка луганського дерева: з історії заселення нашого краю вихідцями з Балкан в середині XVIII ст. / Г. Половинко – Луганськ: Знання, 2004. – 200 с.
24. Попов Н. Военные поселения сербов в России // Н. Попов / Вестник Европы. – 1870, №6. – С. 597-620.
25. Посунько О.М. Історія Нової Сербії та Слов'яносербії / Посунько О.М. – Запоріжжя: Тандем-У, 1998. – 80 с.
26. Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края / Скальковский А.А. – Одесса: Тип. Францова и Нитче, 1850. – Ч.1. – 366с.; 1853. – Ч. 2. – 552 с.
27. Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731-1823 / Скальковский А.А. – Одесса: Гор. типография, 1836. – Ч. 1. – 289 с.; 1838. – Ч. 2. – 350 с.;

24. Феодосій (Макаревський О.Г.). Матеріали для історико-статистичного опису Катеринославської єпархії. Церкви та приходи минулого XVIII століття / Феодосій / Репрінт. Екатеринослав, 1880 г. – Дніпропетровськ: Дніпрокнига, 2000. – 1080 с.
28. Чепига Г.Г. К вопросу о датах основания некоторых городов Донбасса (по данным историографии и письменным источникам) Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – Том 7: Исторические и политические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. – С. 284-286.
29. Чепига Г.Г. «Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии» Феодосия (О.Г. Макарьевского) как исторический и историографический источник / Г.Г. Чепига // Наука. Релігія. Суспільство. – 2014. – № 1. – С. 19-28.
30. Чепига Г.Г. О казацкой составляющей истории Донбасса: исторический миф и реальность // Сборник материалов Первой научной конференции историков ДНР. История Донбасса: анализ и перспективы. – Донецк: Донецкий республиканский краеведческий музей, 2015. – С. 12–20.
31. Чепига Г.Г. Особенности освещения истории Новороссии на примере трудов А. Скальковского (к вопросу о сохранении исторической памяти): Актуальные проблемы информационного противоборства в современном мире: вызовы и угрозы для России и Русского мира: Материалы Международной научно-практической конференции (Донецк, 30 октября 2019 г.) / Под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – С.81-84.

УДК 93 [325.11: 332,3] (470.6+470,7) "19-20"

DOI: 10.5281/zenodo.15771882

EDN: QSVEDF

А.В. Замуруйцев

кандидат исторический наук, доцент кафедры истории

ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет»

E-mail: grifon632@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У НЕМЦЕВ И МЕНОНИТОВ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация

В статье рассматривается комплекс вопросов связанных с эволюцией поземельных отношений у немецкоязычных колонистов Таврической губернии в пореформенный период. На основании архивного материала и письменных источников, прослеживаются основные черты и характерные особенности этого процесса. Его развитие постепенно превратило колонистское землевладение в важную экономическую силу всего южного региона и его широкому распространению на новые территории Российской империи.

Ключевые слова: немцы, менониты, поземельные отношения, колонии, колонистское землевладение.

Summary

The article examines a complex of issues related to the evolution of land relations among the German-speaking colonists of the Taurida Governorate during the post-reform period. Based on archival materials and written sources, the main features and characteristics of this process are traced. Its development gradually transformed the colonial landownership into an important economic force throughout the southern region and its widespread expansion to new territories of the Russian Empire.

Keywords: Germans, Mennonites, land relations, colonies, and colonial land ownership.

Актуальность выбранной темы связана с недостаточной ее изученностью в современной отечественной историографии. Следует также отметить общую важную роль немецкоязычных колонистов в экономическом развитии Таврической губернии и всего южного региона Российской империи в исследуемый период. Основной пласт информации по данному вопросу, содержится в работах еще дореволюционных авторов (А. Клауса, К. Вернера, С. Харизоменова и др.), однако в большинстве случаев, она носит скорее больше публицистический, чем научный характер. Подобная ситуация вызывает необходимость более углубленного изучения данной тематики.

Автор ставит своей целью проследить общий процесс трансформации поземельных отношений в колонистской среде, позволившей немцам и меннонитам превратить свое землевладение в мощную и влиятельную экономическую силу всего южного региона тогдашней России.

Важной чертой внутренней жизни многочисленных немецких и меннонитских колоний юго-западных губерний Российской империи было так называемое миноратное право, которое определялось Законом от 19 марта 1764 г. и регулировало наследственные права колонистов. По этому праву передавать свои земельные наделы по наследству можно было только одному из потомков. Другие наследники должны были получать вместо земли только соответствующую денежную компенсацию в долях, предусмотренных законом. Правительство долгое время не решалось отменить эти правила из-за опасений подорвать экономическую основу немецких хозяйств, вследствие их возможного быстрого раздробления между многочисленными наследниками. Этот же закон предусматривал предоставление права голоса на колонистском собрании (сходе) и несение общественной службы в колониях только поселенцам, которые вели самостоятельное хозяйство.

Оставшись без земли, колонисты должны были арендовать ее или идти в найм к более состоятельным хозяевам. Часто земля арендовалась у местного населения. Так, по данным А. Клауса, в середине XIX в. молочанские немцы и меннониты охотно арендовали землю на льготных условиях у ногайцев Мелитопольского уезда Таврической губернии. Это явление было настолько распространенным, что после ухода последних в Турцию в начале 60-х гг. XIX в., немецкие колонисты оказались в очень трудном экономическом положении [1, с. 22].

Государство время от времени принимало определенные меры, чтобы наделить землей безземельных колонистов за счет свободных земельных резервов в пределах самих колонистских округов. Однако, к 60-м гг. XIX в. эти возможности были почти исчерпаны. Именно в это время в пределах колонистских округов, возникших еще до середины XIX в., образуются последние новые поселения. В дальнейшем этот путь становится бесперспективным. Правительство не желало продолжения старой колонистской политики начала века, когда немецкие переселенцы из-за рубежа щедро наделялись государственными землями, из-за ее экономической неоправданности. В подобных условиях в колониях начинает быстро расти количество безземельных колонистов [2, л.43].

Наличие значительного количества безземельных колонистов во многих тогдашних поселениях губерний всего южного региона подтверждают многочисленные архивные документы. Согласно данным X государственной ревизии 1858 года, 36,9% всех колонистов мужского пола проживавших тут, не имели своей надельной земли. Подобная ситуация была характерна и для Таврической губернии. Самая высокая численность колонистов наблюдалась в Мелитопольском (39,4%), Симферопольском (37,3%) и Феодосийском (41,6%) уездах [3, с. 22, 25-42].

Стоит отметить, что этот процесс был длительным и имел четкую тенденцию к росту. Отчасти, он затянулся по меньшей мере до начала 1870-х гг. Так, в пришибских колониях количество безземельных хозяйств постепенноросло с 20% в 1841 г. до 46% в 1872 г. от их общего числа [4, с. 72].

Постепенный рост численности безземельных приводил к усилению социальной напряженности, поскольку старое колонистское законодательство ограничивало их имущественное и правовое положение.

В письме Опекунского комитета от 7 апреля 1866 г. на имя надзирателя молочанских колоний Б. Гофмана, в частности отмечалось, что такая ситуация обусловила появление как бы двух отдельных классов среди колонистов. Первый образовывали хозяева с полными наделами, а второй – безземельные, так называемые анвониры, имевшие лишь усадьбу и небольшой приусадебный земельный участок. Противоречия между ними усиливались. Безземельные колонисты требовали от колонистских общин уравнять их в правах с землевладельцами, а также провести уравнительное перераспределение земель в колониях. Они неоднократно обращались к правительству с просьбой оказать им помочь в решении этих вопросов [5, л. 10-16].

Позиция правительства в новых условиях пореформенной России состояла в том, чтобы решить эту проблему без очередных новых расходов со стороны государства, за счет внутренних резервов самих колоний. Летом 1864 г. было принято решение о наделении безземельных меннонитов участками в 32,5 десятин на семью, за счет пастушьих и резервных земель округа.

Но эти и другие одноразовые меры правительства имели, как правило, временный эффект и не могли кардинально изменить ситуацию. Многочисленные ходатайства на имя государственных учреждений продолжали поступать из разных немецкоязычных колоний Таврической губернии [6, л. 66-72].

Однако позиция правительства в этих вопросах постепенно менялась. Старая колонистская политика, предусматривавшая решение этой проблемы за счет и средства государства, в новых условиях капиталистического развития страны экономически себя не оправдывала, и кроме того, становилась совсем не популярной среди значительных слоев российского общества. Новый курс правительства был направлен на то, чтобы проблемы малоземельных в немецких колониях решались, прежде всего, самими колонистскими общинами.

Важным шагом в этом направлении в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. стало преобразование овчарных и запасных земель в колонистских округах в так называемые оброчные статьи. Этими землями, которые ранее использовались для выпаса скота, совместно владели все колонии одного округа. В это время, в связи с общим снижением значения скотоводства в экономике всего региона, они постепенно переориентируются на реализацию новых функций. Отныне эти земли могли арендовать все желающие за соответствующую плату. Собранные так средства должны были идти на приобретение земли для своих безземельных колонистов и обустройство их на новых местах. Фактически речь шла о создании

определенного постоянно действующего механизма сбора значительных средств для решения проблемы безземелья среди колонистов.

Такие оброчные земли имели все более или менее крупные колонистские округа (с 1871 г. – волости). Например, Гальбштадская и Гнадельфельдская волости – 11 743 десятины, Пришибская и Эйгенфельдская волости – 6 505 десятин. Использование оброчных земель предоставило колонистам ощутимое преимущество в экономической сфере и способствовало увеличению и распространению их землевладения не только на территории губернии, но и в других районах Российской империи. Однако стоит отметить, что сначала такую политику поддерживали далеко не все колонисты. Поэтому правительство часто прибегало к прямому давлению, пытаясь заставить колонистов использовать оброчные участки только по их непосредственному назначению.

Так, в конце 60-х гг. XIX в. правительство фактически обязало зажиточных хозяев-землевладельцев молочанских колоний приобрести за собственные средства 18 000 десятин земли для 600 безземельных семей своего округа. Взамен им передавалась в общественную собственность 6.395 десятин пастушьей земли с ее движимым и недвижимым имуществом. К такому имуществу принадлежали: 9 000 овец, дома, а также денежные капиталы в сумме 6 184 руб., которые хранились в Одесском банке и 122 493 руб. 18 коп., которые должны были поступать в течение 10 лет от 100 семей колонистов, переехавших за год до этого в Екатеринославскую губернию за счет округа. Покупка земли должна была обойтись приблизительно в 370 – 380 тыс. руб., в свою очередь общая стоимость компенсации составляла 386 452 руб. Хозяева, которые не имели возможности внести всю денежную сумму сразу, могли платить ее частями, в частности используя капиталы Одесского банка, средства от продажи части овец – 15 000 тысяч голов стоимостью 3 руб. за 1 голову – всего 15 000 руб. и сооружений при овцеводческих землях (5 000 тыс. руб.), а также за счет ежегодных выплат по 12 249 руб. в течение 10 лет от тех колонистов, которые переехали в Екатеринославскую губернию (всего 122 493 руб.).

С этой же целью колонистов округа обязывали превратить 4 000 десятин и 36 365 десятин их пастушьей земли в оброчную статью, которую надлежало сдавать в аренду по цене 5 руб. за 1 десятину в год, что давало еще 20 000 руб. прибыли. Если средств не хватало, разрешалось расширять площадь оброчных земель до 4 500 десятин. В конце официального письма Опекунского комитета за № 1181 на имя смотрителя молочанских колоний, в котором рассматривалось это дело, особенно подчеркивалось на двух важных моментах, а именно: а) полная справедливость ситуации, когда состоятельные хозяева-землевладельцы должны были заботиться о своих безземельных односельчан и покупать для них землю; б) необходимость использования и в дальнейшем средств от аренды оброчных земель исключительно с целью покупки земель для обедневших колонистов [7, л. 72-75].

Определенное представление о возможностях немецких колоний, использовавших такую систему, дают данные по некоторым колонистским волостям Таврической губернии. Так, в рапорте Гальбштадского волостного

правления Таврическому губернскому присутствию от 24.X.1914 г. сообщалось о наличии оброчной статьи, площадью в 11 545 десятин земли, которой совместно владели 57 меннонитских колоний Гальбштадской и Гнаденфельдской волостей Бердянского уезда Таврической губернии. Общая прибыль с оброчного участка, полученная на протяжении 1903 – 1913 гг. составляла 1 490 012 руб. 70 коп.

За весь этот период (1870 – 1914 гг.) молочанские меннониты приобрели 89 828 десятин земли, на которых расселили 1 804 семьи. Однако стоит отметить, что в этом случае указаны только земли, купленные всей общиной. Условия приобретения земли, как правило, были стандартными. Колонисты-переселенцы платили общине полную стоимость участков без процентов, но условия этой выплаты зависели от размеров участков. При проведении земельных операций меннониты обращались к услугам банков. Именно поэтому, на 1914 г. за ними насчитывалось 88 174 руб. 10 коп. долга Харьковскому земельному банку (41 838 руб. 92 коп.) и Самарско-Нижегородскому банку (46 435 руб. 17 коп.).

Кроме прямых расходов на приобретение земли, суммы с оброчных статей расходовались на:

- выплаты без возврата 790 семьям переселенцев в Сибирь, по 400 руб. на семью – всего 316 000 руб., а также займы на обустройство их хозяйств на новых землях – 383 245 руб.
 - ссуды для переселенцев в Бузулукский уезд Самарской губернии – 130 903 руб. 40 коп.
 - то же для переселенцев в Оренбургскую губернию – 85 559 руб. 58 коп.
- Общая сумма расходов, составляла 915 807 руб. 98 коп. [8, л.37-41].

Архивные данные свидетельствуют о том, что по-прежнему полученный капитал использовался для приобретения помещичьих земель. Эти покупки проводились централизованно, силами всей общины. Так, в 1882 году было куплено 17 200 десятин земли у графа Канкрина в Екатеринославской губернии, по цене 45 руб. за 1 десятину. Однако почти сразу после этого часть земли, а именно – 8 200 десятин – была продана так называемым «свободным покупателям», поэтому для безземельных осталось лишь 9 000 дес. Свободные покупатели – это состоятельные немецкие колонисты, которые могли приобрести землю за свой счет. Среди них 13 хозяев купили участки по 30 десятин, 8 – по 90 десятин, 7 – по 120 десятин, 1 – по 180 десятин и 1 – 450 десятин, 62 – по 60 десятин (всего – 92 фамилии). На последних 9 000 десятин земли основали 9 колоний для 297 семей (Викторфельд, Эйгенгин, Нейкрон, Шенталь, Шенфельд, Либенталь, Розенгоф, Георгебург, Фрейденфельд).

Колонисты всех 9-ти колоний получили участки, площадью в 30 десятин, из которых 12 десятин предоставлялось бесплатно, а 18 – за оплату с отсрочкой платежа. Кроме того, некоторые из них прикупили еще землю к своим участкам, общей площадью в 910 десятин.

В 1889 году у помещика Милорадовича приобретено 8 200 десятин земли в Полтавской губернии, стоимостью 80 руб. за 1 десятину.

Земля предоставлялась участками по 30 десятин (12 десятин бесплатно и 18 десятин за деньги с отсрочкой платежа). Ее получили 167 семей (4 950 десятин), часть из которых (25 семей) приобрела за собственные средства еще 1 148 десятин земли (23 семьи по 30 десятин; 3 – по 60 десятин; 1 – 90 десятин). Часть земли (1 860 десятин) приобрели также свободные покупатели (131 фамилия). Общая площадь земли составляла 7 950 десятин [9, л. 2-5,14-21,27-28,33-35].

Еще одним важным источником мобилизации средств для покупки земли стала достаточно развитая система колонистских банков, которые аккумулировали значительные денежные суммы, в частности за счет распространенной у колонистов системы страхования имущества и так называемых «сиротских» средств. Последние откладывались родителями для своих несовершеннолетних наследников в банк под проценты. Размеры этих сумм были довольно значительными. В конце 80-х гг. XIX в., например, по отдельным уездам соседней Екатеринославской губернии размеры страховых сумм равнялись: в Екатеринославском уезде – 340 426 руб., Мариупольском уезде – 74 669 руб., Новомосковском уезде – 7 452 руб. К тому же следует добавить средства отдельных, так называемых сиротских касс. Так, в Хортицкой волости на 1 04.1888 г. их сумма составляла 235 854 руб. 80 коп. [10, с. 145-146].

Как свидетельствуют документы, приобретение земли имело разные формы. Значительную ее часть немцы покупали за счет средств так называемых отдельных общин колонистов, или по-другому поселян-собственников. Организационно они объединяли отдельные колонии или колонистские округа. Земля покупалась для их безземельных колонистов, которые основывали на ней новые отдельные поселения. Переселенцы получали землю на льготных условиях, а часто даже бесплатно. Такие мероприятия проводились достаточно регулярно и имели целью уменьшить общее количество безземельных колонистов. Фактически же таких приобретений было значительно больше, поскольку их осуществляли не только колонистские округа, но и отдельные поселения, которые были составляющими округов [11, л. 33-35].

Еще одной формой приобретения земли стала организация отдельных колонистских обществ. В этом случае, в отличие от общин поселян-собственников, земля приобреталась не колонистскими общинами, а отдельными группами колонистов из одной или разных колоний за их счет, а также через займы в колонистских банках. На приобретенных землях переселенцы основывали новые поселения, где селились вместе со своими родными. Количество таких обществ было большим и постоянно росло. Юридическое положение этих поселений было таким же, как и остальных колоний. В то же время у немцев и меннонитов в этот период начался процесс формирования частного землевладения.

Общую картину сосуществования различных форм немецкого землевладения можно воспроизвести на примере только одного Перекопского уезда Таврической губернии. На 1 февраля 1914 г. здесь насчитывалось 47 общин поселян-собственников, 31 общество поселян-собственников, 305 отдельных частных немецких землевладений. Всего в то время совокупность всех форм

немецкого землевладения на территории Перекопского уезда составляла 240 360 десятин земли или более 45% от его общей площади [12, л. 75-77].

Во второй половине XIX – начале XX в. немецкое землевладение распространялось почти исключительно за счет покупки казенных или частных земель. Но разные районы характеризовались определенными региональными различиями. Так, в Екатеринославской губернии основным «поставщиком» земли немецким колонистам было дворянство. Последнее только в течение 1861 – 1897 гг. потеряло 1 109 203 десятины земли, что составляло 43,6% от их общего землевладения в губернии. Около 40% этих потерь пришлось на период с 1887 по 1897 г. (для сравнения: в 1861 – 1871 годах было потеряно лишь 23 746 десятин, или 0,9 % от общих потерь) [13, с. 3-5, 21, 73-74].

Аналогичная ситуация была характерна и для Херсонской губернии. В ней в начале XX в. 78% немецкого землевладения сформировалось через покупку дворянских земель. В отличие от предыдущих губерний, колонисты Таврической губернии значительную часть своих земель приобрели у местных крестьян, в частности татар, а также за счет казенных земель [14, л. 54, 60-61].

В 60-х годах XIX в. правительство отменило миноратное право, которым устанавливался порядок наследования земли в немецких колониях, внес этот вопрос в пределы общего российского законодательства. Последнее предусматривало свободное распределение земли между всеми потомками. Теоретически это давало возможность за счет раздробления крупного колонистского землевладения хотя бы на некоторое время уменьшить остроту земельного голода в колонистской среде. Однако в реальной жизни этот процесс был очень медленным. Фактически все дореволюционные исследователи, изучавшие этот вопрос, подчеркивали, что немцы и меннониты старались сохранить от раздробления свои стандартные участки и допускали это только в исключительных ситуациях.

Вместе с тем, необходимо отметить, что отказ от миноратного права и развитие частной собственности на землю ускорил немецкую колонизацию, чему способствовал рост оттока переселенцев из немецких колоний на новые земли. Значительную их часть, кроме безземельных, отныне составляли хозяева так называемых «малых участков», площадью 12 – 14 десятин, которые часто были экономически нерентабельными. Переселенцы продавали их более состоятельным хозяевам. Это усилило тенденции постепенной концентрации земли в пределах колонии в руках отдельных зажиточных колонистов. Уже в 1880-х годах в немецких округах было немало случаев, когда отдельные хозяйства одновременно владели несколькими наделами. Однако колонистские общины пытались во что бы то ни стало ограничить этот процесс. В частности, в начале 1890-х годов, меннониты приняли решение, по которому колонисты не имели права одновременно владеть более чем двумя полными наделами в пределах своих округов. Это также побудило часть состоятельных колонистов покупать землю в других районах, где бы они имели возможность развивать свое частное землевладение [15, с. 11].

В целом, уже с середины 80-х годов XIX в. общее количество безземельных колонистов в немецких колониях Таврической губернии значительно уменьшилось (в пришибских и молочанских поселениях, например, до 18-20% от общего количества хозяйств) и эта тенденция сохранилась и в дальнейшем [16, с. 111,116-119].

Развитие немецкой колонизации отныне зависело, прежде всего, от экономических факторов, таких как: экстенсивное развитие сельского хозяйства того времени, рост товарности сельского хозяйства, производства зерновых культур, развитие частного землевладения и т.п.

Проанализировав изложенный выше материал, мы пришли к следующим выводам:

- с прекращением российским правительством предыдущей политики поддержки внешней колонизации, в колонистской среде постепенно усиливаются кризисные явления, обусловленные особенностями социально-экономического развития тогдашних немецкоязычных поселений.

- в отличие от предыдущего периода, освоение немцами новых территорий происходило почти исключительно через покупку или аренду земли. Уже в 60-70 гг. XIX в. они создали достаточно эффективную систему накопления значительных средств для регулярной покупки земли и развитую систему колонистских банков.

- это давало немцам и менонитам значительное экономическое и финансовое преимущество по сравнению с другими социальными слоями населения Российской империи и способствовало быстрому росту их землевладения и его распространению на новые территории.

- отмена миноратного права в 60-х гг. XIX в. и развитие частной собственности на землю в пореформенный период, не только не прекратили этот процесс, а придали ему новый импульс. С одной стороны, из-за оттока на новые земли безземельных и малоземельных колонистов было временно снято социальное напряжение в колонистской среде, а с другой – новые земли стали основой возникновения у немцев и меннонитов крупного частного землевладения.

Список источников и литературы:

1. Клаус А. Наши колонии / А. Клаус. – СПб.: Тип. В.В. Нусвольта, 1869. – 455 с.
2. ГКУ ГА РК (Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым»). – Ф.44 Таврическое губернское по крестьянским делам присутствие (1861-1892 гг.). – Оп. 1.– Дело 501. – Л.46.
3. Клаус А. Указ. соч.
4. Крестьянское хозяйство в Мелитопольском уезде. Составители К. Вернер и С. Харизоменов., - Ч. 1., - Отд. 1., – М. 1887. - 128+131+51 с.
5. ГКУ ГА РК. – Ф.44. – Оп. 1.– Дело 1720. – Л. 17.
6. ГКУ ГА РК. – Ф.44. – Оп. 1.– Дело 1164. – Л.82.

7. ГКУ ГА РК. – Ф.41 Таврическое губернское присутствие (1892 –1917 гг.). – Оп. 1.– Дело 16210. – Л. 90.
8. ГКУ ГА РК. – Ф.44,. – Оп. 1.– Дело 4505. – Л. 76.
9. ГКУ ГА РК. – Ф.41,. – Оп. 1.– Дело 16210. – Л. 90.
10. Велицин Г.А. Немцы в России / Г.А. Велицин. – СПб.: Изд. Русского вестника, 1893. – 282 с.
11. ГКУ ГА РК. – Ф.41,. – Оп. 1.– Дело 12039. – Л. 166.
12. ГКУ ГА РК. – Ф.41. – Оп. 1.– Дело 16210. – Л. 90.
13. Екатеринославская губерния. Вып.1. Памятная книга и адрес-календарь на 1900 год. – Екатеринослав, 1899. – 224 с.
14. ГКУ ГА РК. - Ф. 26. Канцелярия Таврического губернатора (1803-1917). - Оп. 2. - Дело 4602. – Л. 61.
15. Постников В.Е. Южнорусское крестьянское хозяйство / В.Е. Постников – М., 1891. – 391 с.
16. Сборник на основной статистике. Подворная перепись Бердянского узда. Выпуск.1, – Симферополь: Статистическое Бюро Таврической губернии, 1909. – 1143 с.

УДК 94 (470.6):323.11 (=112.2) "18/19"

DOI: 10.5281/zenodo.15771889

EDN: EGHJYN

Ю.Н. Красноносов

кандидат исторических наук

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail:ur.kr@yandex.ru

Е.А. Дмитриченкова

исследователь, краевед

E-mail:eliseeva_rina@inbox.ru

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ
СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Аннотация

Статья посвящена этнокультурной адаптации немецких колонистов в Северном Приазовье (XIX – начало XX вв.). Анализируется влияние государственной политики Российской империи, а также религиозных, культурных и хозяйственных факторов на жизнь колонистов и процесс их интеграции. Рассматриваются формы и характер взаимодействия немецких переселенцев с полигэтническим окружением региона, включая украинцев, русских и ногайцев. Показана диалектика сохранения идентичности и интеграции в новых условиях.

Ключевые слова: немецкие колонисты, Северное Приазовье, межэтнические отношения, адаптация, религиозная политика, Российская империя.

Summary

The article is devoted to the ethnocultural adaptation of German colonists in the Northern Azov region (XIX – early XX centuries). The influence of the state policy of the Russian Empire, as well as religious, cultural and economic factors on the life of the colonists and the process of their integration is analyzed. The forms and nature of the interaction of German settlers with the polyethnic environment of the region, including Ukrainians, Russians and Nogais, are considered. The dialectic of preserving identity and integration in the new conditions is shown.

Keywords: German colonists, Northern Azov region, interethnic relations, adaptation, religious policy, Russian Empire.

Изучение межэтнических отношений в Северном Приазовье XIX – начала XX вв. является важным аспектом истории России. Этот регион, активно заселявшийся различными этническими и конфессиональными группами, стал ареной сложного культурного взаимодействия, во многом сформированного национальной политикой Российской империи. Особое место в полигетничном пространстве Юга России занимали немецкие колонисты, приглашенные со второй половины XVIII в. для освоения присоединенных земель. Находясь в условиях диаспоры, в отрыве от основного этнического массива и без поддержки своих исходных государств, немецкие переселенцы создали самобытные общины и внесли существенный социально-экономический и культурный вклад в развитие своей новой родины.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмыслиения исторических процессов, которые формировали этническую идентичность и культурные традиции народов России в условиях миграции и колонизации. Понимание этих процессов важно для анализа современных межэтнических отношений, особенно в контексте сохранения межнационального согласия и мира Отечества. Исследование проблем взаимодействия немецких колонистов с полигетничным населением Северного Приазовья в указанный период времени позволит раскрыть важность культурного обмена и взаимопомощи в условиях многонационального общества, будет полезным для современных исследований с точки зрения ретроспективного анализа межкультурного диалога и социального согласия.

Отечественную историографию по истории немецкой колонизации Северного Приазовья можно разделить на три периода: дореволюционный, советский и современный периоды исследования.

1. Дореволюционный период представлен трудами, которые характеризуются описательным подходом и отсутствием системной методологии. Авторами часто были не профессиональные историки, а публицисты, чиновники, духовенство и военные, которые опирались на документы государственных ревизий, земскую статистику, архивные материалы и личные наблюдения. Среди ранних исследований выделяется труд А.А. Клауса [1], который впервые сделал попытку систематизации историю немецкой колонизации Юга России, указав на ее причины и социально-экономические аспекты. А.А. Велицин [2] дополнил исследования Клауса данными земской статистики, критикуя немецкую колонизацию за экономическое засилье и негативное влияние на местное население. Д.А. Багалий [3] рассматривал немецкую колонизацию как часть истории Новороссии, отмечая высокий уровень развития хозяйства колонистов благодаря государственным льготам. Работы чиновников Таврической губернии [4] содержат анализ социально-экономического положения немецких колоний, включая процессы социальной дифференциации.

2. Советский период историографии отличался систематизированным подходом освещения проблемы на основе марксистско-ленинской методологии с использованием значительной источниковедческой базы. Так, на данном этапе

появились работы, основанные на архивных материалах, которые при этом ограничивались историописанием раннего этапа немецкой колонизации региона (до середины XIX века). Среди советских исследователей следует отметить работы Е.И. Дружининой [5], В.М. Кабузана [6], В.И. Наулко [7], в которых получили освещение целый ряд проблем немецкой колонизации Юга России, в том числе и Северного Приазовья.

3. Современные исследования. В постсоветский период интерес к истории немецких колоний возрос. Современные работы отличаются глубоким анализом архивных материалов и междисциплинарным подходом. Исследования И.М. Кулинич и Н.В. Кривец [8], а также труды В.Б. Евтуха и Б.В. Чирко [9], посвящены роли немцев в экономическом развитии региона. В.М. Васильчук [10] изучил историю немецкой общины от истоков колонизации до современности. Донецкий исследователь А.А. Дынгес [11] также внес значительный вклад в изучение культурных и этнических составляющих адаптации немецких колонистов Северного Приазовья. Религиозные аспекты жизни колонистов исследовала А.В. Безсонова [12], а социально-экономическое развитие меннонитов Северного Приазовья – Н.В. Осташева [13] и М.В. Беликова [14]. Т.К. Захарченко [15] и А.С. Берестень [16] изучали социокультурные аспекты жизни колонистов, включая образование и политическую активность. Донецкий историк Ю.Н. Демура подготовил комплексное исследование, посвященное хозяйственному развитию иностранных колоний [28]. На основании анализа материалов восьми архивных учреждений Москвы, Петербурга и Юга России рассмотрены, в частности, миграционные процессы немецкого населения в регион, а также формирование их поселений, адаптация к новым условиям, становление и развитие экономической деятельности.

Цель статьи – исследовать этнокультурную адаптацию немецких колонистов в Северном Приазовье (XIX – начало XX вв.), проанализировать влияние религиозных, культурных и хозяйственных факторов на данный процесс, а также определить их место и роль в системе межэтнических взаимодействий на территории региона.

Процесс адаптации немецких колонистов в Российской империи в XIX – начале XX вв. представлял собой многогранное взаимодействие экономических, политико-правовых факторов, языка, культуры и идентичности в новых условиях. В этническом прочтении адаптация подразумевает как сохранение собственной культурной самобытности, так и взаимодействие с окружающим населением и средой. Немецкий язык стал краеугольным камнем культурной идентичности колонистов, способствуя формированию сильного чувства общности и преемственности традиций, несмотря на ассимиляционное давление [17]. Исследование этнокультурных процессов требует комплексного подхода, учитывающего как государственную политику Российской империи, так и повседневные практики взаимодействия между переселенцами и местным населением [18]. Государственная политика, поддерживавшая определенную обособленность немецких переселенцев в Российской империи, способствовала

сохранению их идентичности. При этом история немецких колонистов также показывает, что этническая идентичность может укрепляться не вопреки, а благодаря межкультурному диалогу и способности переосмысливать традиции в меняющемся контексте, интегрируясь в региональный ландшафт [5].

Немецкие колонисты начали массово переселяться в Российскую империю в конце XVIII – начале XIX веков. Массовый исход в южные плодородные регионы начался в период правления Екатерины II. Основными причинами миграции были экономические трудности на родине (нехватка земли, высокие налоги, перенаселение) и религиозные преследования (особенно в отношении меннонитов и вюртембергских сепаратистов) [18].

Российская империя была заинтересована в освоении новых, особенно южных степных, территорий. Поэтому правительство активно привлекало иностранных переселенцев, предлагая им комфортные условия. Колонистам предоставляли землю на льготных условиях, значительные временные налоговые льготы, финансовую поддержку для переезда и обустройства, а также, что было критически важно для многих групп, свободу вероисповедания [5].

Стратегия российских властей была направлена на регулирование статуса колонистов. Имперское правительство сознательно поддерживало этническую и конфессиональную обособленность переселенцев. Эта политика, с одной стороны, отвечала интересам самих колонистов, стремившихся сохранить религиозную идентичность, а с другой – позволяла власти использовать принцип «разделяй и властвуй» для контроля над многонациональным регионом. Государство гарантировало переселенцам свободу вероисповедания и культурную автономию, но при этом регламентировало землепользование и изначально стремилось ограничивать контакты с местным населением [19].

Анализ нормативных актов демонстрирует развитие и двойственность имперского подхода к немецким колонистам. Основополагающим документом правовой регуляции колонизационных процессов в стране стал Манифест Екатерины II 1763 года и «Устав о колониях» 1764 года, гарантировавшие широкие права и привилегии иностранным переселенцам.

В дальнейшем государственная политика иностранной колонизации России корректировалась. С одной стороны, государство подтверждало автономию и свободы, с другой – усиливало контроль и регламентацию. Например, законы 1830-х годов запрещали продажу колонистской земли представителям других этносов, что способствовало консервации немецких поселений и их этнической обособленности.

Однако, к середине XIX века хозяйствственные потребности степного региона привели к необходимости найма колонистами местного населения – малороссов и ногайцев, что потребовало корректировки законодательства. В 1896 году Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета детально регламентировало межконфессиональные трудовые отношения, устанавливая правила работы в религиозные праздники и взаимное уважение религиозных обычаем (Ст. 430 Устава о промышленности, Ст. 88 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, Ст. 482 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми

судьями) [20]. Эти нормы создали правовую основу для хозяйственной кооперации между различными этноконфессиональными группами.

Переломным моментом государственного регулирования религиозных отношений в империи стал Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 года, предваренный Манифестом 1904 года, декларировавший религиозную терпимость. Этот акт коренным образом изменил правовое положение неправославных конфессий. В пункте 5 Манифеста говорилось о необходимости пересмотра законов, касающихся прав раскольников и представителей других вероисповеданий, и устранении ограничений в их религиозной жизни. Это ознаменовало новую эпоху в отношениях государства и различных религиозных общин, формально расширив их права и выведя Русскую Православную Церковь из положения монопольно защищаемой законом [21].

Немецкие колонисты имели особый правовой статус. Они подчинялись непосредственно центральным властям – изначально через Канцелярию опекунства иностранных, позже Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России, затем соответствующие департаменты, – а не местной администрации, что обеспечивало им значительную автономию во внутренних делах. Даже получив российское подданство, они долгое время сохраняли статус «иностранных колонистов», что подчеркивалось особым правовым режимом [15].

Колонисты получали землю в наследственное пользование, но она оставалась общинной собственностью. Продажа или передача земли вне общины требовала разрешения. Часто действовал институт минората, когда земельный надел наследовал младший сын. К началу XX века земельный фонд немецких колонистов только в Северном Приазовье достиг 2,1 млн десятин. К середине XIX века в этом регионе насчитывалось более 100 тысяч немецких колонистов, проживавших в 175 колониях.

Основными центрами немецкой колонизации на юге империи стали Северное Приазовье, Поволжье, Крым, Бессарабия, Северный Кавказ. Переселенцы прибывали из различных германских земель: меннониты преимущественно из Западной Пруссии (окрестности Данцига), вюртембергские сепаратисты и многие лютеране – из Вюртемберга, Бадена, Гессена, Пфальца, католики – часто из Баварии, Эльзаса и Бадена [22]. Это обуславливало разнообразие диалектов и культурных традиций внутри немецкой общности.

Немецкоязычное население Северного Приазовья в XIX – начале XX века представляло собой три основные конфессиональные группы:

- католики: составляли меньшинство (около 2% немецкого населения к 1913 году, ~36 тыс. чел.). Проживали в основном в городах Бердянск, Мариуполь, Таганрог и в колониях вблизи портов. Имели костелы в крупных городах, но часто использовали и небольшие молитвенные дома [23].

- лютеране: составляли значительную часть немецкого населения. Проживали как в сельских колониях, например, Мариупольского округа, так и в городах. Их религиозная жизнь регулировалась пасторами, богослужения

проводились в кирках в готическом стиле, рядом с которыми строились школы [24]. Лютеране подчинялись Генеральной консистории Лютеранско-евангелической церкви, до 1877 г. также Попечительскому комитету, затем Департаменту иностранных исповеданий [15]. Среди лютеран выделялись сепаратисты (пиетисты), отличавшиеся стремлением к большей автономии, самостоятельным выбором пасторов и проведением дополнительных библейских собраний [25]. Пример – приход Нейгофнунг в Бердянском уезде с 1823 года, где попытки лютеранской церкви подавить автокефалию привели к конфликту в 1840 году.

- меннониты: протестантская группа анабаптистского происхождения, известная пацифизмом и общинным укладом [18]. Получили особый статус с главной привилегией – освобождением от военной службы по религиозным убеждениям, а также правом на самоуправление и свободу ремесел. Основали крупнейшие колонии в Северном Приазовье – Хортицкую (с 1789 года, поселения Хортица, Розенталь, Айнлаге и др.) и Молочанскую (с 1804 года, поселения Гальбштадт, Молочна, Тигенхаген и др.) округа. Их общины отличались высокой степенью организации и замкнутости: «Основанные меннонитские колонии были маленькими островками, полностью отделены от окружающих, с которыми имели только необходимые контакты» [15].

Культурная жизнь всех групп находилась под сильным влиянием религиозных учений и институтов, что способствовало сохранению их самобытности. Однако, с конца XIX века государство стремилось усилить контроль над всеми церквями и проводить политику русификации, что приводило к определенному давлению и процессам секуляризации, хотя взаимосвязь между колонистской и церковной общинами не была разрушена.

Немецкие переселенцы основывали на юге России процветающие общины, которые способствовали экономическому развитию региона, особенно в сельском хозяйстве и торговле. К середине XIX века немецкие колонии Северного Приазовья, благодаря применению передовых агротехник, стали центрами сельскохозяйственного прогресса. Поселенцы активно культивировали новые для региона культуры (например, картофель, улучшенные сорта пшеницы), внедряли многопольные севообороты, использовали усовершенствованные орудия труда (железные плуги, сеялки, жатки, молотилки, часто собственного производства или импортные), занимались лесоразведением в степи [26]. Это выгодно отличало их хозяйство от традиционных экстенсивных методов ведения сельского хозяйства их великорусских, малороссийских и ногайских соседей. Несмотря на первоначальную замкнутость, к концу XIX века немецкие колонисты стали активными участниками региональной экономики, выступая не только производителями товарной сельскохозяйственной продукции, но и развивая ремесла, перерабатывающую промышленность (мельницы, маслобойни, пивоварни) и торговлю. Они также выступали посредниками в передаче сельскохозяйственных технологий [18].

Несмотря на политику государства, изначально поощрявшую обособленность и стремление самих колонистов сохранить идентичность, что проявлялось, например, в редкости смешанных браков и сохранении религиозных барьеров, контакты с окружающим населением были неизбежны и со временем расширялись. Выживание в степных условиях и хозяйственные работы вынуждали колонистов нанимать местных жителей – малороссов и ногайцев [26]. Как уже упоминалось, это привело к законодательному регулированию трудовых отношений между представителями разных конфессий к концу XIX века [20]. Первоначально вынужденное сотрудничество постепенно перерастало во взаимопомощь и определенный культурный обмен. Так, малороссы, нанимаясь на работу к немцам, перенимали их агротехнические новшества. В свою очередь, колонисты заимствовали некоторые элементы местного быта и хозяйствования, адаптируясь к степным условиям. Со временем возникли и другие формы экономических связей, например, аренда земли колонистами у соседних помещиков или, наоборот, сдача части своей земли в аренду безземельным русским и малороссийским крестьянам [26]. Торговые отношения на местных рынках также были важной сферой контактов.

Взаимодействие с ногайцами, кочевавшими в Приазовье до прихода колонистов, носило сложный характер и было ограничено во времени. Немецкие поселения часто основывались на землях, ранее использовавшихся ногайцами, что могло приводить к спорам за пастища и водные источники. Имели место и торговые контакты. Однако, после массовых миграций ногайцев, особенно в Османскую империю вследствие Крымской войны данные контакты в Северном Приазовье практически прекратились [27].

Взаимодействие немецких колонистов с русским населением происходило на нескольких уровнях. К примеру, контакты с имперской администрацией, чиновниками были постоянными и касались вопросов управления, налогов, землеустройства. Отношения с русскими крестьянами зависели от географической близости поселений; в некоторых районах они были соседями, в других – жили раздельно. Особую группу составляли русские сектанты – духоборы и молокане, переселенные правительством в регион, в том числе и по соседству с немецкими колониями, например, на Молочных Водах. Отношения с ними могли быть как добрососедскими и носить общий статус «инославных», так и конкурентными.

Религиозная карта Северного Приазовья была сложной. Помимо немецких лютеран, католиков, меннонитов, а также православных русских и украинцев, регион стал местом проживания сектантов [23]. К концу XIX века появились и новые группы: штундисты, адвентисты, иеговисты, чьи учения проникали через портовые города [21, с. 276-284.]. Это создавало поле для конкуренции и взаимодействия. Православная церковь, представленная русским и украинским духовенством и паствой, реагировала на распространение «сектантства», создавая миссионерские комитеты, организуя диспуты, открывая школы и библиотеки. Отмечалось, что сектанты часто избегали прямой полемики,

используя методы «тихой экспансии» через экономическую помощь и образовательные кружки [21, с. 335-345.].

Так, несмотря на внешнюю замкнутость и сохранение этнического ядра через эндогамию, язык, религию, немецкоязычное образование, немецкие колонисты к концу XIX века стали активными участниками региональной жизни, активно взаимодействуя с представителями других этнических общин. Данный синтез изоляции и интеграции стал возможен благодаря гибкой адаптивной стратегии колонистов [19].

История немецких колонистов в Северном Приазовье XIX – начала XX веков представляет собой уникальный пример масштабной миграции, адаптации и социокультурного развития в условиях Российской империи. Вызванная экономическими трудностями и религиозными гонениями на родине, миграция немцев была активно поддержана российским правительством, заинтересованным в освоении южных земель. Государственная политика, предоставляя колонистам значительные привилегии и автономию, одновременно способствовала их этноконфессиональной обособленности.

Нормативно-правовая база эволюционировала от широких гарантий начального периода к более жесткой регламентации и попыткам интеграции и контроля со стороны государства, особенно с конца XIX века, кульминацией чего стали изменения в законодательстве о веротерпимости в начале XX века. Немецкие колонисты, представленные различными конфессиональными группами (меннониты, лютеране, католики) и происходившие из разных германских земель, сформировали особый правовой и социальный статус.

Процесс адаптации немецких переселенцев характеризовался диалектикой сохранения идентичности и взаимодействия с окружающим миром. Несмотря на значительную степень самоизоляции, особенно в религиозной сфере, экономическая необходимость и повседневная жизнь вели к неизбежным контактам с русским, малороссийским, ногайским и другим населением. Эти контакты включали наем рабочей силы, хозяйственную кооперацию, торговые связи и ограниченный культурный обмен.

Таким образом, немецкие колонисты Северного Приазовья не только создали процветающие и самобытные общины, но и стали неотъемлемой частью сложной этнокультурной мозаики региона, оказав значительное влияние на его экономическое и социальное развитие. Их опыт демонстрирует сложную динамику адаптации и сохранения идентичности диаспорной группы в рамках многонациональной империи.

Список источников и литературы:

1. Клаус А.А. Наши колонии / А. Клаус. – СПб.: Тип. В.В. Нусвольта, 1869. – 455 с.
2. Велицин Г.А. Немцы в России / Г.А. Велицин. – СПб.: Изд. Русского вестника, 1893. – 282 с.

3. Багалий Д.И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его на пути культуры. Исторический этюд / Д.И. Багалий. – К.: Типография Корсакова-Новицкого, 1889. – 115 с.
4. Крестьянское хозяйство в Мелитопольском уезде. Составители К.Вернер и С.Харизоменов., - Ч. 1., - Отд. 1., – М.: 1887. - 128+131+51 с.
5. Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма, 1825-1860гг. / Е.И. Дружинина. – М.: Наука, 1981. – 215 с.
6. Кабузан В. М. Заселение Новороссии в XVIII –первой половине XIX ст. / В.М. Кабузан. – М.: 1969. – 307 с.
7. Наулко В.І. Етнічний склад населення Української РСР / В.І. Наулко. – К., 1965. – 165 с.
8. Кулінич І.М., Кривець Н.В. Нариси з історії німецьких колоній в Україні / І.М. Кулінич, Н.В. Кривець. – К.: Наукова думка, 1995. - 272 с.
9. Євтух В.Б., Чірко Б.В. Німці України / В.Б. Євтух, Б.В. Чірко. – К., 1994. – 210 с.
10. Васильчук В.М. Німці в Україні. Історія і сучасність (друга половина XVIII – початок XXI ст.) / В.М. Васильчук. – К., 2004. – 245 с.
11. История немцев Украины в воспоминаниях, исследованиях и документах: [сб. статей и док.] / ред. А. А. Дынгес; Совет немцев Украины, Ассоциация немцев Украины, Донецкое областное национально-культурное общество немцев «Видергебурт». – Донецк: Апекс, 2007. – 312 с.
12. Безсонова О.В. Позднее протестантское сектантство юга Украины (1850–1905 гг.): дис...канд. ист. наук: 07.00.01 / Оксана Володимирівна Безсонова. – Днепропетровск. ДГУ, 1997. – 257 с.
13. Осташева Н.В. Криза менонітської спільноти на Україні та закордонна менонітська допомога (1914 – поч 30-х років ХХ ст.): дис...канд. ист. наук: 07.00.01 / Н.В. Осташева. – Дніпропетровськ, 1996. – 192 с.
14. Бєлікова М.В. Менонітські колонії півдня України (1789 – 1917 pp.) – дис...канд. ист. наук: 07.00.01 / М.В. Бєлікова. – Запоріжжя, 2004. – 257 с.
15. Захарченко Т.К. Соціокультурний розвиток німецьких і менонітських колоній Північного Приазов'я (XIX – початок ХХ ст.): дис...канд. іст. наук. 07.00.02 / Т.К. Захарченко. – Дніпропетровськ, 2005. – 225 с.
16. Берестень О.Е. Суспільно-політична та культурно-просвітницька діяльність німецьких і менонітських колонистів Півдня України (1905 – 1917 pp.): дис...канд. іст. наук. 07.00.01 / Олена Євгенівна Берестень. – Дніпропетровськ. ДДНУ, 2006. – 199 с.
17. Mateusz Brodowicz. The Impact of German Language on European Culture and Identity. – 2024. URL: <https://aithor.com/essay-examples/the-impact-of-german-language-on-european-culture-and-identity>
18. Лях К.С. Німецькомовні колоністи Півдня України в мультинаціональному оточенні: проблема взаємодії культур (XIX – початок ХХ ст.) – Донецьк: 2005. – 265 с.

19. Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. – Одесса, 1850. – Ч. 1-2. – 218 с.
20. Собр. узак. распор. правит., № 25 за 1896 г. // Екатеринославские епархиальные ведомости. – 1896. – № 10. – С. 195-196.
21. Русанов М. Состояние сектантства и раскола в Екатеринославской епархии за 1904 г. / М. Русанов // Екатеринославские епархиальные ведомости. Издание братства св. Владимира при духовной семинарии. – 1905.
22. Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. По неизданным архивным документам. – М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1909. – 442 с.
23. Мариупольский колонистский округ // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгаузена и И.А. Эфрана. – Санкт-Петербург: 1896. – Т. XIII. – С. 669 -670.
24. Бердянск и весь его уезд. Адресно-справочная и торговая книга. – Симф., 1911. – 56 с.
25. История евангелистских христиан-баптистов в СССР. – М., 1989. – 624 с.
26. Brandes, Detlef. Von den Zaren adoptiert: Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurußland und Bessarabien 1751–1914.1 – München: R. Oldenbourg Verlag, 1993. – 563 S.
27. Kappeler, Andreas. The Russian Empire: A Multiethnic History / Translated by Alfred Clayton. – Harlow, England; – New York: Longman, 2001. – 455 p.
28. Демура Ю.Н. Иностранные колонисты в социально-экономическом развитии Северного Приазовья (вторая половина XVIII – начало XX ст.): автореф. дисс. канд. ист. наук: спец. 07.00.01. – Донецкий национальный университет – Донецк, 2008. – 19 с.

УДК 94: 356.15 (470.6) «1941-1943»

DOI: 10.5281/zenodo.15771895

EDN: EPCIUL

Г.В. Мишечкин

кандидат исторических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

E-mail: mishechkin2213@mail.ru

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ОТСТУПАЮЩЕГО ПРОТИВНИКА В ХОДЕ ДОНБАССКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ ЛЕТА-ОСЕНИ 1943 ГОДА: ИЗ ОПЫТА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ОБЩЕВОЙСКОВЫХ АРМИЙ ЮЖНОГО ФРОНТА

Аннотация

В статье анализируется опыт боевых действий общевойсковых армий Южного фронта по преследованию отступающего противника в ходе Донбасской стратегической наступательной операции лета-осени 1943 года. Автор опирается, в первую очередь, на армейские и фронтовые оперативно-тактические документы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная Армия, вермахт, Донбасская стратегическая наступательная операция, Южный фронт, Ф.И. Толбухин, общевойсковые армии.

Summary

The experience of the combined arms armies of the Southern Front in the pursuit of the retreating enemy during the Donbass strategic offensive operation in the summer and autumn of 1943 are analyzed in the article. The author relies primarily on army and front-line operational and tactical documents.

Keywords: The Great Patriotic War, the Red Army, the Wehrmacht, the Donbass strategic offensive operation, the Southern Front, F.I. Tolbukhin, combined arms armies.

В год 80-летия Великой Победы в Великой Отечественной войне еще острее поднимаются вопросы сохранения исторической памяти, обращения к героико-трагическим страницам отечественной истории, формирования высоких гражданско-патриотических чувств и традиционных ценностей, преемственности и духовно-культурной связи между поколениями.

Донбасская стратегическая наступательная операция, хронологические рамки которой в отечественной историографии традиционно определяются с 13 августа по 22 сентября 1943 года, представляла собой, к сожалению, не первую

попытку освобождения «всесоюзной кочегарки» – Донбасса, за который нацистское руководство вцепилось «мертвой хваткой». Войска Юго-Западного и Южного фронтов в указанный период должны были не только овладеть важным промышленным регионом, но и в целом переломить ситуацию на южном фланге советско-германского фронта. На сегодняшний день обнародован достаточно широкий круг советских и немецких архивных документов, что позволяет исследователям более полно и многосторонне анализировать те или иные аспекты Донбасской операции, но часть из них ещё не получила исчерпывающего освещения.

С нашей точки зрения, необходимо дальнейшее более глубокое и основательное изучение такого аспекта указанной операции как преследование отступающего противника, которое осуществлялось соединениями Южного фронта (далее – ЮФ), который возглавлял на тот момент генерал-полковник Ф. И. Толбухин.

Историография представленной темы состоит из научных публикаций советского и постсоветского периодов, включает монографии, статьи, очерки, общие работы по освобождению Донбасса, мемуарную литературу [1-14]. На современном этапе над указанной темой плодотворно работают В.Л. Агапов, В.И. Афанасенко, А.В. Исаев, Е.Ф. Кринко, Г.Г. Матишов, М.В. Медведев, А.А. Полищук и др.

Среди новейших научных публикаций по анализируемой теме отметим исследование «Донбасс 1943. Освобождение индустриального сердца России», вышедшее в год 80-летия Освобождения Донбасса [15]. Указанная работа выполнена на основе анализа рассекреченных советских и немецких архивных документов, что свидетельствует о ее первостепенной значимости для отечественной исторической науки.

В отличие от событий на Курской дуге в 1943 г., зарубежные исследователи меньше интересуются выделенным нами аспектом, но он все же фрагментарно отражен в зарубежной историографии, в частности в публикациях Э. Земке, К. Пауля, Р. Теппеля, К.-Х. Фризера, В. Хаупта, Т. Хоффмана и др. [16-22]. К сожалению, эти труды характеризуются высокой степенью субъективности.

Историографическая база изучаемой темы расширяется, складывается все более объективная картина наступательной операции, все меньше остаётся «белых пятен» и «чёрных дыр», в т. ч. за счёт введения в научный обиход и анализа новых ранее неизвестных документов.

Архивная революция, открывшая доступ к ранее засекреченным документам и материалам, способствовала вовлечению более широкого круга источников. Так, на официальном сайте «Память народа» обнародуется все больше документов и материалов, которые в той или иной степени отражают различные аспекты боевой деятельности частей и соединений ЮФ в ходе Донбасской стратегической наступательной операции. В дополнении к сказанному заметим, что при написании работы использовались документы 6 немецкой полевой армии (далее – 6 А вермахта), с которыми можно

ознакомиться на Интернет-ресурсе «Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г.». В небольшом по объему исследовании сложно сделать всеобъемлющий историографический и источниковедческий обзор обозначенной темы.

Учитывая представленные выше аргументы, в работе поставлена цель – проанализировать опыт боевых действий общевойсковых армий ЮФ по преследованию отступающего противника в ходе Донбасской стратегической наступательной операции лета-осени 1943 года, выявив проблемы и недочёты, опираясь на фронтовые и армейские оперативно-тактические документы.

Отдавая дань уважения участникам операции напомним, что в апреле 2025 года исполнилось 125 лет со дня рождения непосредственного её участника – командующего 28-й армии ЮФ генерал-лейтенанта Василия Филипповича Герасименко.

Предваряя изложение основного материала, укажем, что к началу Донбасской стратегической наступательной операции ЮФ состоял из пяти общевойсковых армий: 5-я ударная армия (далее – 5 УА), 2-я гвардейская армия (2 Гв. А), 28-я армия (28 А), 44-я армия (44 А) и 51-я армия (51 А). Кроме указанных соединений к фронту относились 8-я воздушная армия, а также части прифронтового подчинения и приданые подразделения. На земле войскам ЮФ главным образом противостояла 6 А вермахта, включавшая IV, XVII и XXIX армейские корпуса.

Согласно плану Донбасской операции, каждая общевойсковая армии должна была достигнуть конкретной цели и выполнить определенные задачи. Основной удар в центре на участке около 25 км должны были нанести 5 УА, 2 Гв. А и 28 А, в то время как правофланговая – 51 А – была нацелена на то, чтобы сковать противника на участке в 65 км и через время войти в наступление, а левофланговая – 44 А – должна была на своём участке не допустить прорыва своей обороны и блокировать таганрогскую группировку вермахта.

Советская военная наука определяла оперативное преследование завершающим этапом наступательной операции. При этом, цель преследования состояла не только в том, чтобы уничтожить отходящего противника, но и, подходящих из глубины, его оперативных резервов. Особо отмечалось, что «преследование надлежало вести более высокими темпами», используя «быстроходные части». При этом указывалось, что преследование могло вестись в масштабе фронта или армии, но чаще во фронтовой операции. Основным организатором оперативного преследования признавалась армия [23].

Эффективность преследования противника зависела от многих факторов, среди которых на первый план выходили характер действий противника, степень механизации и мобильности наших соединений, наличие опыта в организации и проведении указанного вида боевых действий [24].

В большинстве случаев для немецких подразделений было характерно ведение круговой обороны. Еще в ходе войны, в 1942 г было Штабом инженерных войск Красной Армии издана инструкция «Оборона и полевые фортификационные сооружения немецкой армии», в которой указывалось:

«Немецкая оборона построена на принципе создания целой системы опорных пунктов и узлов сопротивления, являющихся костяком обороны. Сплошного характера, как правило, оборонительная полоса не имеет; опорные пункты и узлы сопротивления запирают основные вероятные направления нашего наступления» [25]. Далее говорилось, что узлы сопротивления включают в себя несколько опорных пунктов, глубина немецкой обороны достигает обычно 1,5 – 2 км, а на наиболее важных направлениях и участках – 5–6 км [26]. В целом эти положения подтверждались в оперативных документах общевойсковых армий ЮФ, относящихся к периоду Донбасской наступательной операции [27]. В документах указанных армий часто отмечалось умение противника хорошо использовать рельеф местности, а также включение естественных преград в оборонительную систему [28].

Практика боевой деятельности немецких армий, в т. ч. 6 А свидетельствовала, что чаще всего арьергарды должны были держать наступающие советские части в течении не менее 24 часов [29]. В Журнале боевых действий 6 А за 11 сентября 1943 г. зафиксировано замечание её командующего генерала пехоты К.-А. Холлидта, что арьергарды не нужно отводить слишком быстро [30].

Отметим, что скорость передвижения на запад командного пункта (КП) 6 А в сентябре 1943 г. была достаточно высокой. Так, уже 5 сентября КП армии из Сталино переехал в Константинополь (сегодня – Великоновоселковский район ДНР), а до конца Донбасской операции он транзитом через Басань (с. Басань Запорожской области) и совхоз Терпение (в 15 км от г. Мелитополь) переместился в Каюковку (Херсонская область). Для справки укажем, что расстояние между Сталино и Каюковкой даже по прямой составляет около 350 км.

Как правило, оперативное преследование отступающего противника происходило двумя путями: в результате разгрома первого оперативного эшелона или преднамеренного отхода врага [31].

Опыт боевых действий в годы Великой Отечественной войны свидетельствовал, что во втором случае, т. е. предпринимая преднамеренный отход, противник всегда в большей или меньшей степени добивался своей цели. Ему удавалось сформировать необходимую группировку войск для борьбы с наступающими соединениями Красной Армии, отход основных сил прикрывался подвижным арьергардом [32].

Оперативные документы общевойсковых армий ЮФ подтверждают тот факт, что, как правило, частям и соединениям 6 А вермахта удавалось преднамеренно уходить. Так, в документе 51 А прямо зафиксировано: «...противник безнаказанно отводил свои основные силы на запад» [33].

При отходе немецкие войска чаще всего создавали видимость сосредоточения крупных сил перед наступающими частями Красной Армии. Для этого применялись массированные артиллерийские налеты, интенсивный пулеметный огонь и освещение местности ракетами [34]. В отдельных случаях немецкие войска, наоборот, показывали слабую оборону, завлекая советские танки в глубину своей обороны и создавая «огневые мешки». Подобные факты,

имеющие непосредственное отношение к Донбасской операции, отражены в документах 28 А [35].

Одной из самых характерных особенностей немецких арьергардов, действовавших в Донбасской операции, являлась их подвижность, что подтверждалось в документах общевойсковых армий ЮФ, в частности в отчётах 28 А и 5 УА [36 ; 37]. В оперативном документе 44 А констатировалось, что противник прикрывал свой отход «незначительными отрядами смертников, которые упорно сопротивляются, демонстрируют огнем, создавая видимость упорной обороны» [38].

В Журнале боевых действий 6 А вермахта арьергардные отряды часто назывались «пожарными командами» [39]. Не только немецкие арьергарды характеризовались мобильностью, но и немецкая разведка, что особо отмечалось в советских документах. Разведка велась самолетами, танками, бронемашинами. Пехота вермахта без технической поддержки редко участвовала в разведывательной деятельности, а даже если такие случаи имели место, то, как правило, это была разведка боем с целью выявления сил и средств противника [40].

В свою очередь, общевойсковые армии ЮФ не могли похвастаться мобильностью своих подразделений, преследующих отступающего врага. В документе 51 А констатировалась малоподвижность отечественной пехоты, отсутствие мобильных отрядов преследования [41]. Послевоенные исследователи указывали на то, что только со второй половины 1943 г. стали заметны качественные подвижки в вопросе механизации Красной Армии [42].

Необходимость создания мобильных отрядов при преследовании противника – положение, характерное для всех общевойсковых армий ЮФ. К примеру, в отчетном документе 5 УА подчеркивалась острая необходимость формирования подвижных отрядов, использующих машины, мотоциклы и т. д. [43]. В документе 2 Гв. А предлагалось сформировать в каждой дивизии не менее двух подвижных отрядов для преследования противника. Каждый отряд должен был представлять собой усиленный стрелковый батальон (с придаными ему батареей, взводом саперов, радиосвязью и др.), использовать все «машины, освободив их от барахла» [44]. Указанный документ датируется 10 сентября 1943 г. и в нем прямо указывалось, что «преследование противника в данный момент – это главное». В данном документе также отмечалось, что дивизиям, как правило, необходимо преследовать отступающего противника по двум дорогам [45].

Слабым местом боевой деятельности общевойсковых армий ЮФ в процессе преследования противника в ходе Донбасской операции называлось ведение разведки. Так, в документе 51 А прямо фиксировалась «плохая работа разведки» и говорилось, что из-за слабой работы разведки, «артиллерия открывала огонь без подготовки данных» [46]. Оперативники 2 Гв. А отмечали, что «разведка ведется не активно», особенно специализированная разведка (инженерная, артиллерийская, химическая, авиационная), что приводило к незнанию обстановки на тех или иных участках фронта. Подчеркивалась

острейшая необходимость усилить работу всех видов разведки, а штабам систематически суммировать данные всех видов разведки [47].

При преследовании отступающего противника важное значение отводилось эффективному применению артиллерии [48]. О данном компоненте боевой деятельности также шла речь в оперативных документах общевойсковых армий ЮФ. При этом, в ряде случаев отмечалось, что артиллерия усиления отставала, часто не хватало артиллерийских боеприпасов. Рекомендовалось обязательно иметь неприкосновенный запас (не менее $\frac{1}{4}$ боекомплекта) и спецтранспорт для тяжелой артиллерии [49].

Как известно, эффективное взаимодействие между соединениями – залог успеха в любой операции. В ходе Донбасской наступательной операции были эпизоды, когда связь между соединениями, даже находящимися по соседству, работала плохо [50]. В документе 44 А указывалось, что радио должно использоваться как основное средство связи [51]. Напомним, что у противника радиосвязь рассматривалась как один из решающих факторов превосходства, особенно отдельных броне- и моторизованных частей [52].

Несмотря на то, что шла уже вторая половина 1943 года, в практике боевой деятельности соединений Красной Армии, присутствовали ошибки, которые были присущи начальному периоду войны. Так, в документе 51 А, имеющем отношение к Донбасской операции, зафиксировано, что узлы сопротивления и опорные пункты противника «брались в большинстве случаев в лоб» [53].

В свете анализируемой нами проблемы особый интерес представляет документ соседа 51 А – 3-й гвардейской армии (3 Гв. А) Юго-Западного фронта (ЮЗФ), который датируется 16 сентября 1943 года, имеет отношение к Донбасской операции и во многом отражал общие проблемы армий ЮЗФ и ЮФ. В нем прямо говорилось: «Преследование отходящего противника организовывается неудовлетворительно, по сути происходит выталкивание противника, вместо выхода на пути отхода, заход во фланги и тыл противника». Командующий 3 Гв. А Д.Д. Лелюшенко особо подчеркивал: «В бою требую искусства, применять широкий маневр, обходя противника с флангов и с тыла» [54].

После анализа армейских оперативных документов, в которых была отражена проблема преследования отступающего противника в ходе Донбасской наступательной операции, обратимся к соответствующим документам ЮФ. В этой связи наиболее ценным представляется «Краткая сводка обобщенных выводов из опыта боевых действий войск Южного фронта за сентябрь 1943 г. [при преследовании отходящего противника в операции по освобождению Донбасса]», подготовленный после операции и датируемый 22 ноября 1943 года [55]. В сводке констатировалось, что армии ЮФ, преследуя отходящего противника, в период с 1 по 20 сентября 1943 года прошли около 300 км при среднем темпе наступления 10-15 км в сутки [56].

В обозначенном документе подтверждался ряд выводов, содержащихся в документах общевойсковых армий. Прямо указывалось, что под прикрытием арьергардов, главные силы противника заранее выводились из боя и

направлялись на запад по основным дорогам. Констатировалось умелое использование противником естественных преград, а также тот факт, что враг при отступлении часто создавал видимость устойчивости обороны, используя массированные артиллерийские налеты, интенсивный пулеметный огонь, контратаки и «даже переходы в наступление» [57].

По данным штаба ЮФ, немецкие арьергардные отряды выделялись от каждой дивизии и, как правило, представляли усиленную роту или батальон, вооруженный автоматами, самозарядными винтовками, 2-3 самоходными орудиями, 2-4 танками, 4-6 75-мм пушками, 2-4 противотанковыми орудиями и бронетранспортерами. В особых случаях в арьергард входило до 15-20 танков [58]. Приведенные в документе конкретные примеры в основном подтверждали правило. Так, арьергардный отряд «Дора» 3-й горнострелковой дивизии 6 А включал до батальона пехоты, дивизион артиллерии, 12-14 танков, 2 самоходных орудия. Напомним, что 3-я горнострелковая дивизия на 1 сентября 1943 г. была одним из самых крупных соединений 6 А и состояла из 11 882 человек [59].

О том, что немецкие арьергардные отряды характеризовались высокой степенью мобильности, достаточно красноречиво свидетельствует фраза из анализируемого нами фронтового документа: «Арьергарды обеспечивались автотранспортом на весь состав» [60].

Если часто немецкие арьергарды вели бои в течение суток, как об этом говорилось в армейских документах, то в экстренных случаях они вели более продолжительные бои, которые шли в течение трех суток. Такое время сопротивлялись арьергардные отряды 306-й и 17-й пехотных, уже упоминавшейся 3-й горнострелковой дивизий на рубеже реки Мокрые Ялы, способствуя отходу основных сил по шоссейным и улучшенным грунтовым дорогам [61]. Во фронтовой «Краткой сводке...» отмечалось, что отошедшие с оставленного рубежа арьергарды направлялись в резерв, заменялись арьергардными отрядами нового состава.

В данном документе засвидетельствовано, что несмотря на определенно высокий уровень оперативно-тактического искусства, в немецких подразделениях 6 А при отступлении в ходе Донбасской наступательной операции иногда царила «паника и разброда» [62].

После анализа боевой деятельности противника при отступлении, в обозначенной «Краткой сводке...» выделены и проанализированы особенности действий советских войск в ходе преследования врага, в первую очередь охарактеризована деятельность пехоты, артиллерии и разведки. Необходимо подчеркнуть, что чаще всего в качестве позитивных примеров упоминаются соединения 5 УА. К примеру, называя маневренность одной из основных особенностей наступательных действий ЮФ, указывалось, что маневр 5 УА к северу после прорыва оборонительной полосы на реке Миус, «подорвал устойчивость всей группировки противника в восточной части Донбасса и вынудил его к поспешному отступлению» [63].

Передовые отряды подразделений ЮФ, как правило, формировались по 1-2 от дивизии. Типичный такой отряд представлял собой стрелковый батальон

или полк, усиленный артиллерией, саперами, разведывательной ротой и подразделение противотанковых ружей. Однако, слабое место передовых отрядов ЮФ – мобильность. В анализируемом документе констатировалось, что только «в отдельных случаях» создавались подвижные передовые отряды, а автотранспорт в необходимом количестве отсутствовал [64].

Как нами уже подчеркивалось выше, в качестве примеров эффективной работы передовых отрядов приводились боевые действия подвижных соединений 5 УА. Так, отряд 40-й гвардейской стрелковой дивизии (31 стрелковый корпус, 5 УА), состоявший из 170 бойцов, вооруженный 80 автоматами, 3 орудиями полковой артиллерии, 4 противотанковыми орудиями, 2 82 мм минометами, 6 противотанковыми ружьями, 2 станковыми пулеметами, разгромил артиллерийскую колонну противника в районе г. Орджоникидзе (сегодня – г. Енакиево ДНР) [65].

Кроме некоторых вышеобозначенных проблемных мест в боевой деятельности передовых отрядов ЮФ, во фронтовом документе назывались и другие: нехватка радиостанций и мотоциклов, отставание артиллерии, плохое взаимодействие родов войск. В частности, в документе фиксировалось, что на конной тяге использовалось только 30 - 40 % огневой возможности полковой и дивизионной артиллерии, управление которой часто было децентрализованным. В «Краткой сводке...», в отличие от армейских документов, подчеркивалась необходимость надёжного прикрытия конно-механизированных соединений авиацией [66].

Фронтовой документ полностью солидаризируется с армейскими в отношении плохой («недостаточно энергичные действия разведорганов») работы войсковой разведки, которая зачастую также, как и передовые пехотные отряды, не отличалась мобильностью [67]. Разведывательные подразделения, как правило, были непосредственно включены в передовые отряды. В качестве позитивного примера штабные работники называли опыт боевой деятельности подвижных разведывательных отрядов 130-й и 221-й стрелковых дивизий 28 А. Указанные разведотряды включали в себя 20-30 автоматчиков, 4-5 противотанковых ружей, 45-мм пушку, передвигались на трех автомашинах [68].

При всех недочетах и проблемных местах, которые имели место в процессе преследования отступающего противника в Донбасской наступательной операции, войска ЮФ во взаимодействии с ЮЗФ, немногим более чем за 40 дней изгнали оккупантов из Донбасса, освободили промышленный центр СССР.

При всей скромности, строгой рациональности в выражениях, отсутствии эмоций в немецких оперативных документах на первый взгляд сложно найти панические нотки и пессимистические характеристики положения 6 А вермахта в Донбассе в ходе операции августа-сентября 1943 года. Однако, в журнале боевых действий армии за 6 сентября 1943 г. указано: «Физическое состояние войск катастрофическое» [69]. Последнее выражение как нельзя точно характеризует положение 6 А вермахта в Донбассе в указанный период.

Таким образом, проведенный анализ армейских и фронтовых документов ЮФ позволяет констатировать, что в процессе преследования противника в ходе

Донбасской стратегической наступательной операции летом-осенью 1943 г. общевойсковые армии ЮФ имели еще ряд проблем, которые требовали решения и отражены в армейских и фронтовых документах.

Среди них, в первую очередь, назывались такие: незначительное количество мобильных передовых отрядов, малоподвижность и в связи с этим плохая работа разведки, ненадлежащий уровень механизации авангардных отрядов и эффективного взаимодействия между родами войск и подразделениями, отставание артиллерии и нехватка боеприпасов, не использование радио в качестве основного средства связи, тактические ошибки и т. д. Арьергардные и разведывательные отряды б А вермахта, наоборот, характеризовались высокой степенью мобильности, наличием хорошо работающей и широко распространенной радиосвязи, высоким уровнем взаимодействия родов войск и подразделений. Однако, стратегическая инициатива именно в данный период войны перешла к Красной Армии, которая совершенствовалась и повышала эффективность своей боевой деятельности. Все сказанное в полной мере относилось и к общевойсковым армиям ЮФ, которые в ходе Донбасской стратегической наступательной операции набирались бесценного опыта, в том числе, в вопросах преследования отходящего противника, и приближали Великую Победу.

Список источников и литературы:

1. Агапов В.Л. Боевые действия войск Южного фронта по освобождению Мариуполя 4-10 сентября 1943 г / В. Л. Агапов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2023. – № 3. – С. 3-10.
2. Бирюзов С.С. Когда гремели пушки. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1961. – 280 с.
3. Ботев Ю. Л. Битва за Донбасс: к 80-летию Донбасской наступательной операции / Ю. Л. Ботев, В. В. Изонов, В. С. Хохлов // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2023. – № 3(128). – С. 144-154.
4. Василевский А.М. Дело всей жизни / А.М. Василевский. – М.: Вече, 2014. – 608 с.
5. Горбунов А. М. 2-й гвардейский механизированный корпус в боях на реке Миус / А. М. Горбунов // Брянский краеведческий вестник. – 2024. – № 1(6). – С. 62-70.
6. Донбасская наступательная операция // Вестник Академии военных наук. – 2023. – № 3(84). – С. 178-181.
7. Ершов А. Г. Освобождение Донбасса: военно-ист. очерк / А. Г. Ершов. – М.: Воениздат, 1973. – 240 с.
8. Исаев А.В. Освобождение 1943. «От Курска и Орла война нас довела...» / Алексей Исаев. – М.: Яузा: Эксмо, 2013. – 544 с.

9. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 2-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 228 с.
10. Медведев М.В. На ростовском направлении. Южный фронт в боях на Миусе. Январь-август 1943 г. – М.: Центрполиграф, 2022. – 191 с.
11. Мишечкин Г. В. Предварительные итоги Донбасской стратегической наступательной операции в оперативных документах общевойсковых армий Южного фронта / Г. В. Мишечкин // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15 – 17 октября 2024 года. – Донецк: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», 2024. – С. 127-129.
12. Мишечкин Г. В. 5-я ударная армия в Донбассской стратегической наступательной операции (август-сентябрь 1943 Г.): подготовка, ход и итоги / Г. В. Мишечкин // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2023. – № 4 (87). – С. 81-94.
13. Твои освободители, Донбасс: очерки, воспоминания / сост. Г. В. Тепляков. – 5-е изд., доп. – Донецк : Донбасс, 1976. – 423 с.
14. Чуйков В. И. Гвардейцы Сталинграда идут на запад. – М.: Советская Россия, 1972. – 256 с.
15. Донбасс 1943. Освобождение индустриального сердца России // Под общей ред. А.В. Драбкина. – М.: Яузा, 2023. – 736 с.
16. Земке Э. От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта. 1942 – 1945 / Пер. с англ. А.Л. Андреева. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 604 с.
17. Манштейн Э. Утерянные победы. / Сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. – М.: ACT; СПб Terra Fantastica, 1999. – 896 с.
18. Пауль К. Восточный фронт. Книга вторая. Выжженная земля. 1943 – 1944. – М.: Изографус, ЭКСМО, 2003. – 432 с.
19. Теппель, Р. Курск 1943: Величайшая битва Второй мировой войны / Роман Теппель; [пер. с нем. С.В. Вельможкина]. – М.: Вече, 2019. – 304 с.
20. Frieser, Karl-Heinz, Die Ostfront 1943/44. Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten. München. Deutsche Verlags-Anstalt, 2007. – 1319 p.
21. Хаупт, Вернер. Сражение группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта / Вернер Хаупт; [пер. с нем. С. Липатова]. – Москва: Яуза: Эксмо, 2006 (Тверь: Тверской полиграфкомбинат). – 445 с.
22. Хоффман Т. «Викинги» Гитлера. Эсэсовский интернационал / Теодор Хоффман; пер. с нем. Ю. Бема. М.: Яузапресс, 2011. – 130 с.
23. Тур М. Из опыта преследования во фронтовых наступательных операциях // Военно-исторический журнал. 1967. № 3. – С. 15-23.
24. Там же. – С. 15.

25. Оборона и полевые фортификационные сооружения немецкой армии / Штаб инженерных войск Красной армии; Гербановский С.Е. (ред.). – М.: Воениздат НКО СССР, 1942. – 96 с. – С. 3
26. Там же. – С. 4.
27. ЦАМО. Ф. 442. Оп. 8465. Д. 64. Л. 33.
28. Там же. Л.33-34.
29. Журнал боевых действий 6-й армии № 6. 1-20 сентября 1943 г. (Данные за 2 сентября 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. URL. - <https://donbass43.ru/> (Дата обращения: 09 марта 2025 г.).
30. Журнал боевых действий 6-й армии № 6. 1-20 сентября 1943 г. (Данные за 11 сентября 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. URL. - <https://donbass43.ru/> (Дата обращения: 09 марта 2025 г.).
31. Тур М. Из опыта преследования во фронтовых наступательных операциях // Военно-исторический журнал. 1967. № 3. – С. 16.
32. Там же. – С. 16.
33. Сводка обобщенных кратких выводов из боевых действий войск 51 А за период проведенной операции по преследованию противника и освобождение Донбасса // ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 443. Л. 259.
34. ЦАМО. Ф. 442. Оп. 8465. Д. 64. Л. 33.
35. Там же.
36. ЦАМО. Ф. 442. Оп. 8465. Д. 64. Л. 33-35.
37. Донбасская операция войск 5 Уд. А (августовский прорыв немецкой обороны «Миус-фронт» и преследование отходящего противника по опыту боев за Донбасс в период август-сентябрь 1943 г.). // ЦАМО. Ф. 333. Оп. 4885. Д. 27. Л.105-107.
38. ЦАМО. Ф. 1351. Оп. 0000001. Д. 0011. Л. 124-125.
39. Журнал боевых действий 6-й армии № 6. 1-20 сентября 1943 г. (Данные за 2 сентября 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. URL. - <https://donbass43.ru/> (Дата обращения: 09 марта 2025 г.).
40. ЦАМО. Ф. 442. Оп. 8465. Д. 64. Л. 33-35.
41. ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 443. Л. 259-259 об.
42. Тур М. Из опыта преследования во фронтовых наступательных операциях // Военно-исторический журнал. 1967. № 3. – С. 17.
43. ЦАМО. Ф. 333. Оп. 4885. Д. 27. Л.105-107.
44. ЦАМО. Ф. 1049. Оп. 1. Д. 42. Л.165.
45. Там же.
46. ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 443. Л. 259 об.
47. ЦАМО. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 91. Л. 114-114 об.

48. Тур М. Из опыта преследования во фронтовых наступательных операциях // Военно-исторический журнал. 1967. № 3. – С. 20.
49. ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 443. Л. 260.
50. ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 443. Л. 259 об.
51. ЦАМО. Ф. 13043. Оп. 0084352с. Д. 0002. Л. 29.
52. Симонов Н.С. Несостоявшаяся информационная революция: условия и тенденции развития в СССР электронной промышленности и средств массовой коммуникации. Часть I. 1940 – 1960-е годы. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. 280 с. – С. 83.
53. ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 443. Л. 259.
54. ЦАМО. Ф. 899. Оп. 0000001. Д. 0003. Л. 38.
55. Краткая сводка обобщенных выводов из опыта боевых действий войск Южного фронта за сентябрь 1943 г. [при преследовании отходящего противника в операции по освобождению Донбасса]. 22 ноября 1943 г. // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 28. – М.: Воениздат, 1956. С. 80 – 89. URL. - <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/279292> (Дата обращения: 12 марта 2025 г.).
56. Там же. – С. 80.
57. Там же. – С. 80-81.
58. Там же. – С. 81.
59. Журнал боевых действий 6-й армии № 6. 1-20 сентября 1943 г. (Данные за 1 сентября 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. URL. - <https://donbass43.ru/> (Дата обращения: 09 марта 2025 г.).
60. Краткая сводка обобщенных выводов из опыта боевых действий войск Южного фронта за сентябрь 1943 г. – С. 82.
61. Там же. – С. 82.
62. Там же. – С. 83.
63. Там же. – С. 83.
64. Там же. – С. 83-84.
65. Там же. – С. 84.
66. Там же. – С. 84-86.
67. Там же. – С. 82.
68. Там же. – С. 88.
69. Журнал боевых действий 6-й армии № 6. 1-20 сентября 1943 г. (Данные за 6 сентября 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. URL. - <https://donbass43.ru/> (Дата обращения: 09 марта 2025 г.).

УДК 37.035.4

DOI: 10.5281/zenodo.15771909

EDN: HEWKLC

А.Х. Василиади

преподаватель

Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»

E-mail: vasilex97@mail.ru

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СВО НА НОВЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

Данная работа посвящена роли патриотизма и патриотического воспитания молодежи на новых территориях Российской Федерации в условиях проведения Специальной Военной Операции. Патриотическое воспитание молодежи является сегодня основной задачей нашего государства. На данной проблематике обосновано делает акцент президент нашей страны – Владимир Владимирович Путин. Тема патриотизма является как никогда актуальной сегодня для дальнейшего существования нашего народа и нашего государства, а также, с учетом текущей военно-политической и международной обстановки.

Ключевые слова: патриотизм, СВО, молодежь, президент, воспитание, Родина, история, Россия, личный пример.

Summary

This scientific work is devoted to the role of patriotism and patriotic education of youth in the new territories of the Russian Federation in the context of a Special Military operation. Patriotic education of young people is the main task of our state today. The President of our country, Vladimir Vladimirovich Putin, has been justifiably emphasizing this issue. The topic of patriotism is more relevant than ever today for the continued existence of our people and our state, as well as taking into account the current military, political and international situation.

Keywords: patriotism, SMO, youth, president, upbringing, Homeland, history, Russia, personal example.

Патриотическое воспитание молодого поколения является важной составляющей на протяжении всей истории нашего государства. Особенность данному фактору придает его важность для отечественной педагогики, институту семьи, для формирования традиционных, нравственно-культурных, исторических ценностей среди молодежи. За тысячелетнюю историю нашего

государства это сыграло одну из важнейших ролей, во многом, благодаря чувству патриотизма, необходимости в защите Родины: как это было в 1812 году, в 1941 году, так и в наши дни.

Цель данной статьи состоит в изучении патриотического воспитания молодежи в условиях СВО на вновь присоединенных исторических территориях России.

Патриотическое воспитание в новых регионах Российской Федерации является основополагающей целью формирования ценностей, воспитания будущего поколения. Особо пристально следует уделить внимание тому, что до сентября 2022 года часть населения новых субъектов Российской Федерации находилась в информационном поле киевской власти, что не могло не сказаться на их восприятии истории, которая за весь прошлый период подменялась и переписывалась, исходя из чего формировалось искаженное самосознание молодёжи. Сегодня основной задачей патриотического воспитания молодёжи в новых регионах является не просто изучение истории, а уважение к своей культуре, к традиционным ценностям, к поколениям, к подвигам прошлого и настоящего. Тем не менее, с 2022 г. по 2024 г. участники и ветераны СВО проделывают весомый труд для прививания патриотических чувств молодому поколению, показывая личным примером, что это значит. В декабре 2023 года в прямом эфире президент нашего государства Владимир Владимирович Путин подводил итоги уходящего года и отвечал на вопросы журналистов и жителей нашей страны. Отвечая на вопрос журналистов о создании военно-патриотической структуры для нашей молодежи, президент сказал следующее: «Может быть, не к месту будет Бисмарка вспоминать, но тем не менее он служил когда-то в России и жил в России, хоть и стал выдающимся немецким деятелем. Он как-то сказал, что войны выигрывают не полководцы, а школьные учителя и священники. И это правильно, это точно абсолютно. Это воспитание молодых людей в духе патриотизма в самом хорошем, а не квасном смысле этого слова, оно чрезвычайно важно, и мы уже начинаем это делать. Уже свыше тысячи ваших коллег и ваших товарищей по оружию, которые отслужили, вернулись к мирной жизни, свыше тысячи работают в школах и с детскими, подростковыми коллективами. И мы обязательно будем это делать дальше, совершенно точно будем расширять эту работу. Потому что одно дело – прочитать в книжке или даже кино посмотреть патриотического характера, а другое дело – передать что-то на личном примере. Самое лучшее воспитание – это личный пример», – заявил Владимир Владимирович Путин [1].

Также, особое внимание стоит уделить информационному воздействию с Запада на молодое поколение нашей страны. Проводя информационно-психологические операции против нашей страны, наши враги пытаются воздействовать на уязвимые группы населения путем вербовки, подталкиванию к совершению террористических актов, поджогов, диверсий, сборов информации и ее передачи украинским и западным спецслужбам, предлагая денежное вознаграждение [2]. В свою очередь силовые структуры стараются максимально предотвращать данные преступления, задерживая преступников.

Стоит обратить внимание, что половину из злоумышленников, совершающих вышеперечисленных преступления составляют подростки и молодые люди от 16 до 30 лет. В целях недопущения вышеуказанных преступлений следует проводить профилактические мероприятия с молодежью. В частности, проводить встречи с участниками СВО, которые поделятся своим опытом, знаниями, в которых молодежь должна увидеть пример для подражания, чувствовать гордость за наших солдат [3, с. 93].

Проблемой в патриотическом воспитании молодежи в новых субъектах Российской Федерации также является формирование у обучающихся принадлежности к своей Родине, поскольку многие молодые люди выросли в условиях войны, геополитической неопределенности, тяжелой экономической и гуманитарной ситуации. Сегодняшней важной задачей является информационная работа с нашим молодым поколением, формирование чувства гражданской принадлежности к России, что, в свою очередь, заложит фундаментальные основы для ее защиты в любое время.

В современных условиях военно-политической напряженности, а также идеино-политической палитры у молодежи из-за часто недостоверных источников информации формируется искаженное мировоззрение и взгляды, что может перерасти в деформацию наследования традиционных, культурных, духовных и, конечно, исторических ценностей как основы для скрепления российского общества [4, с. 11-13].

Для молодого поколения создано множество возможностей, в частности в условиях СВО, в новых регионах Российской Федерации этому уделяется особое внимание. В частности, прикладывается немало усилий к созданию программ военно-патриотического воспитания у молодежи, что, в свою очередь, набирает большую популярность в нашей стране. Стоит отметить, исторические и культурные мероприятия для обучающихся дают возможность окунуться в атмосферу событий героического прошлого нашей страны. В частности, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, посещение исторических музеев, выставок, форумов, исторических программ и площадок для дискурса, поисковые и археологические работы [5, с. 174]. Огромную и народную популярность имеет акция «Бессмертный полк», ежегодно проводимая 9 мая в честь празднования Дня Великой Победы над фашизмом. Большинство наших молодых людей проносят портреты своих родных, шествуя по улицам городов, отдавая дань уважения и памяти их героическим подвигам, их борьбе за свой народ, за свое Отечество, отдавшим жизнь за свою Родину, за будущее ее народа.

Немаловажным остается также значимость исторической правды и ее сохранение Конституцией Российской Федерации от 12.12.1993 г., законопроект от 14.01.2021 г. «О защите исторической памяти». Актуальное законодательство не содержит четкого определения такого понятия, как «популяризация памятников истории и культуры», также не определен перечень мероприятий, способствующих этому процессу. В законопроекте предлагается размещать на памятниках и мемориалах специальные метки, которые будут служить ссылками на подробные описания героев и событий, в честь которых установлены

мемориалы. В пояснительной записке к законопроекту также говорится, что «предлагаемый законопроектом подход будет способствовать сохранению памяти о защитниках Отечества, обеспечению защиты исторической правды и недопущению умаления значения подвига нашего народа при защите Отечества, что прямо предусмотрено в Конституции Российской Федерации [6].

Таким образом, в условиях Специальной Военной Операции стоит уделить внимание патриотическому воспитанию молодого поколения в новых регионах нашей страны – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей. Также, следует уделить внимание проведению патриотической и просветительской работы с молодежью, содействовать популяризации достижений военно-исторической науки [7, с. 214]. На протяжении всей истории нашего государства, западные страны создают угрозы безопасности, сознательно искажают историю нашего прошлого, стараются всячески подменить традиционные ценности нашей культуры, тем самым ставя под угрозу не только нашу государственность, суверенитет и историческую правду, но и наши сегодняшнее и будущее поколения. Патриотическое воспитание является ключевым фактором в обеспечении политической, экономической, социокультурной и национальной безопасности Российской Федерации, поскольку наше молодое поколение – это будущее лицо нашего государства. Трудной, но выполнимой задачей является трансформация патриотизма не просто в желание служить на благо своей стране, а в формирование национальной идеи России.

Как никогда являются актуальными и останутся бессмертными слова Маршала Советского Союза, Маршала Победы и Героя Великой Отечественной войны – Константина Константиновича Рокоссовского: «Только тот народ, который чтит своих героев, может считаться великим» [8].

Список источников и литературы:

1. Официальный сайт Кремля. Итоги года с Владимиром Путиным // Владимир Путин в прямом эфире подвёл итоги года и ответил на вопросы журналистов и жителей страны, 14 декабря 2023 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994> (дата обращения: 05.05.2025).

2. Коллективная статья сотрудников Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет (НЦПТИ) // Актуальные подходы к профилактической работе в молодежной среде через призму специальной военной операции, 1 сентября 2023 года. г. Ростов-на-Дону. – URL: <http://nac.gov.ru/hronika-sobytiy-stati-knigi-broshyury/aktualnye-podhody-k-profilakticheskoy.html> (дата обращения: 06.05.2025)

3. Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации: методические рекомендации Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи». – М.: Роспатриот, 2022. – С. 93

4. Дротенок О.А. О воспитании историей / О. А. Дротенок. – Текст: непосредственный // Теория и практика образования в современном мире: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2014 г.). – Санкт-Петербург: Заневская площадь, 2014. — С. 11-13. — URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/145/6828/>, (дата обращения: 08.05.2025).
5. Лутовинов В.И. Военно-патриотическое воспитание российской молодежи. – М.: РАГС, 2010. – С. 174.
6. Законопроект о защите исторической памяти. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 14.01.2021. URL: <http://duma.gov.ru/news/50499/> (дата обращения: 06.05.2025).
7. Василиади А.Х., Кононенко О.В. Консолидация российского общества как феномен сохранения исторической памяти // Социальная консолидация и социальное воспроизведение современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы: материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 24 февраля 2025 г. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2025. (дата обращения: 08.05.2025).
8. Дюгаева, О. П. О героях былых времен... / О. П. Дюгаева // Культурно-досуговый центр «Юность» [сайт]. – URL: <http://xn--32-6kcdaytbth8a0c.xn--p1ai/?page=culture&action=show&id=9433> (дата обращения: 02.05.2025).

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94:327(560)17/18

DOI: 10.5281/zenodo.15771925

EDN: DDGYBM

В.В. Разумный

кандидат исторических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

В.Р. Иванов

студент магистратуры

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: ivanov.ladislav18@gmail.com

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВВ.

Аннотация

В данной работе рассматриваются ключевые аспекты внешнеполитической стратегии Османской империи в условиях меняющегося баланса сил на международной арене конца XVII – первой половины XVIII вв. Выявляются обстоятельства, повлиявшие на эволюцию взаимодействий с европейскими, кавказскими и ближневосточными государствами, а также оценивается эффективность дипломатических и военных мер Порты в этот период.

Ключевые слова: Османская империя, внешняя политика, дипломатия, военная стратегия, международные отношения.

Summary

This paper examines the key aspects of the Ottoman Empire's foreign policy strategy in the context of the changing balance of power in the international arena of the late XVII-th and first half of the - XVIII-th centuries. Identifies the circumstances that influenced the evolution of interactions with European, Caucasian and Middle Eastern states, and evaluates the effectiveness of diplomatic and military measures taken by the Porte during this period

Keywords: The Ottoman Empire, foreign policy, diplomacy, military strategy, international relations

Изучение основных направлений внешней политики Османской империи в конце XVII – первой половине XVIII вв. представляет интерес, поскольку в этот

период Османская империя переживала значительные изменения в международной обстановке, что требовало адаптации внешнеполитической стратегии. После ряда поражений в войнах с европейскими державами, такими как Священная лига и войны с Австрией и Россией, Османская империя была вынуждена пересмотреть свои подходы к дипломатическим отношениям и военным альянсам. Это время стало свидетелем постепенного перехода от агрессивной экспансионистской политики к более оборонительной стратегии, следовательно, изучение внешней политики этого периода позволяет лучше понять механизмы адаптации к новым геополитическим реалиям.

Цель статьи в чем заключается в изучении основных направлений внешней политики Османской империи в конце XVII – первой половине XVIII веков.

Историография данной проблемы представлена трудами отечественных и зарубежных историков. Нужно подчеркнуть важность работ А.П. Семенова [1], И.В. Шмидта [4], А.В. Павлова [12], В.К. Тимофеева [13], В.С. Сайганова [18]. Тема внешней политики Османской империи в указанный исторический период нашла свое отражение в трудах зарубежных исследователей С. Кафадара [6], И. Урсу [10] и Дж.Кесела [17].

На наш взгляд, основной интерес представляет северное направление внешней политики, где главной силой, с которой Османская империя вступала в соперничество, выступала Россия, начиная с момента ее участия в Священной лиге, созданной в 1684 г. [1].

Страны-члены Священной лиги, включая Австрию, Речь Посполитую и Венецианскую республику, стремились ослабить влияние султанской власти в Европе, опираясь на разновекторную военную и дипломатическую поддержку. В 1700 г. был заключен Константинопольский договор между Османской империей и Россией, который зафиксировал определенные территориальные уступки Порты и способствовал укреплению позиций России на южных рубежах [2].

Но фактическое соблюдение обязанностей по этому договору вызывало у Османской империи опасения, так как Петербург активно укреплял Черноморский флот и поддерживал христианское население в южных территориях. Очередной этап противостояния пришелся на Прутский поход 1711 г., в ходе которого Петр I стремился закрепить успехи, достигнутые в предыдущих конфликтах, и обезопасить южные рубежи России. Однако ограниченность ресурсов экспедиции и сложные условия ведения боевых действий привели к тому, что османские силы под командованием Балтаджи Мехмед-паши отразили наступление, вынудив Петра I пойти на существенные уступки в Прутском договоре 1711 г. [3].

Результаты Прутского похода показали, что Османская империя все еще способна добиваться дипломатических выгод, несмотря на политическую нестабильность, а также усиливающийся нажим европейских держав. В 1735 – 1739 гг. вспыхнула очередная русско-турецкая война, спровоцированная взаимоисключающими интересами в Крыму и на Кавказе, а также стремлением

России получить выход к Черному морю и утвердить свое влияние на Балканах [4].

Итогом стала серия сражений и военных походов, завершившихся Белградским договором 1739 г., который с одной стороны позволял Османской империи удержать часть позиций, утерянных ранее, а с другой не решал ключевых стратегических противоречий и свидетельствовал о динамике сил в Причерноморье, где Россия продолжала стабильно нарастать как военно-политический фактор [5].

На западе в обозначенный период возрастал интерес Османской империи к налаживанию отношений с Францией, поскольку королевский двор Людовика XIV и его преемников был одним из ключевых партнеров Порты, поставлявшим ей военно-технологическую помощь и торговую поддержку [6].

Посольские миссии при султанском дворе пытались смешать акценты в союзнических соглашениях, подкрепляя их привилегиями для французских купцов в восточном Средиземноморье и на Балканах. Одновременно обострились османско-венецианские противоречия: в 1684 – 1699 гг. Венецианская республика при содействии Австрии, Польши и России противостояла Османской империи, стремясь воспрепятствовать военному присутствию Порты в Восточном Средиземноморье [7].

Венеция опасалась потерять свои торговые привилегии в регионе, а также стремилась вернуть некоторые портовые территории, утраченные в предшествующие десятилетия. После Карловицкого мира 1699 г. напряженность сохранялась, и очередная война 1714 – 1718 гг. не только показывала неоконченный характер османско-венецианского конфликта, но и указывала на активное вовлечение других государств в этот спор, в первую очередь империи Габсбургов [8].

На фоне данного противостояния сложились особые отношения Османской империи с Габсбургской монархией, которая исторически оставалась одним из главных противников Порты. По результатам Великой Турской войны (1683 – 1699 гг.) Османская империя утратила значительные владения на Балканах, и Габсбургская держава, усилившись, продолжала представлять серьезную угрозу для турецких султанов [9].

Одновременно Великобритания, преследуя свои коммерческие цели, называла важным сохранение баланса сил в регионе и регулярно направляла своих дипломатов для ведения переговоров с султанскими визирами. Поддерживая дипломатические контакты, британские представители стремились расширить торговлю с Левантом и закрепить экономические привилегии, апеллируя к идеи «сдерживания» Франции и других континентальных держав [10].

Очень сложными были отношения Османской империи и Речи Посполитой в этот период. Обе страны в этот период переживали кризис. Польша страдала от произвола и вседозволенности магнатов и шляхты, которые отстаивали исключительно свои интересы и срывали работу Сейма, а Османская империя страдала от произвола янычар, которые пиявкой присосались к государственной

казне и считали нормой менять султанов по собственному усмотрению, требуя себе все новых даров и наград.

Восточные вызовы для Османской империи формировались через регулярные конфликты с Ираном, имеющие глубокие корни в соперничестве суннитского и шиитского исламских государств. В конце XVII в. османо-сефевидские отношения уже были отягощены многолетними спорами за приграничные территории (например, Курдистан или Закавказье), а также религиозными противоречиями, подогреваемыми междинастическими интересами [11].

В первой половине XVIII в. Иран ослаблялся внутренними смутами, в том числе афганским восстанием, что предоставляло Османской империи возможность укрепить контроль над спорными областями и расширить влияние на территории Южного Кавказа. Однако в условиях геополитического переплетения интересов России, Персии и Османской империи конфликтные линии не исчезали. Персидский поход Петра I 1721 – 1722 гг. внес существенные корректизы в расстановку сил. Захватив ряд важных городов вдоль побережья Каспийского моря, Российская империя приблизилась к владениям Порты и претендовала на достижение контроля над ключевыми торговыми маршрутами региона [12].

В ответ на эти действия Османская империя пыталась усилить присутствие в Закавказье, опираясь на соглашения с местными князьями, и стремилась заручиться поддержкой влиятельных горских обществ Северного Кавказа, часть которых видела в султане религиозного покровителя. Оценка грузинского вопроса во внешней политике Порты также была тесно переплетена с общим стремлением Османской империи к сохранению и приумножению владений на восточных рубежах, поскольку за контроль над Грузией велась постоянная дипломатическая борьба между Стамбулом, Петербургом и Сефевидами [13].

Происходили временами краткосрочные перемирия, на деле же ни одна из сторон не готова была уступать стратегические позиции, в результате чего участились пограничные стычки и практиковалось выдвижение лояльных к султану местных правителей. В целом, ирано-турецкие конфликты стали тем фактором, который определял большую часть ресурсных и военных затрат Порты на восточном направлении, а частые распри внутри Ирана лишь разнообразили формы столкновений, где дипломатические договоры скреплялись недолговечными компромиссами [14].

Южное направление внешней политики Османской империи соответствовало стремлению Порты регулировать конфликты в арабских провинциях, где местные племена и правящие элиты регулярно выступали против чрезмерного налогового давления и против попыток центральной администрации контролировать стратегически значимые караванные пути [15].

В особенности в конце XVII – первой половине XVIII вв. обстановка в Египте и на Аравийском полуострове была крайне нестабильной, поскольку династические конфликты и активное проникновение европейцев в этот регион стимулировали сепаратистские тенденции и стремление отдельных правителей

добраться автономии от Стамбула. Правители Марокко формально признавали власть турецкого султана. Деи Алжира действовали в автономном формате. Несмотря на то, что местные правители Марокко и Алжира формально признавали власть султана, они все же во многом руководствовались собственными интересами, поддерживали пиратские операции в Средиземном море. Это порождало трения в отношениях с европейскими монархиями, которые пытались гарантировать безопасность своих торговых судов [16].

В то же время Османская империя прилагала усилия, чтобы не потерять выгоду от контроля над магрибскими землями, выступая при необходимости в качестве арбитра между местными властителями. Восточная Африка в рассматриваемый период видела лишь первоначальные шаги османской дипломатии, которые касались в основном установления торговых связей на побережье Красного моря и попыток конкурировать с португальцами и другими европейскими державами в регионе [17].

Однако из-за постоянных военных кампий против европейцев и иранцев ресурсы Порты оставались ограниченными, и полноценная экспансия к югу не реализовалась. Османы предпочитали поддерживать лояльные к султану силы или влиять на важные порты, чтобы сохранять стратегическое присутствие, не вдаваясь в затяжные военные конфликты.

Анализируя основные направления внешней политики Османской империи в конце XVII – первой половине XVIII вв. можно охарактеризовать как многоуровневую систему, где каждое направление имело собственные приоритеты и перечень непростых вызовов.

Наиболее успешными для Порты в этот период во многом оказывались дипломатические маневры на Балканах, позволяющие временами заключить для себя выгодные мирные соглашения с Австрией или Венецианской республикой, а также выстраивать стратегические контакты с Францией, которая выступала желанным партнером для противодействия возросшей силе Габсбургов и России

В то же время северное и восточное направления представлялись наиболее сложными, поскольку именно там происходили регулярные столкновения с Россией, которая постепенно выходила на роль крупной державы как в военно-политическом, так и в экономическом плане. Многочисленные войны с Россией (Прутский поход, русско-турецкая война 1735 – 1739 гг.) и Ираном напрягали военные и финансовые ресурсы Порты, не давая добиться непрерывной экспансионной политики

Южное направление, хоть и менее масштабное в военном смысле, оборачивалось для Османской империи постоянными локальными конфликтами с племенами и восстаниями, которые истощали казну, поскольку регулярная армия и административные структуры были вынуждены подавлять многочисленные проявления сепаратизма. Несмотря на попытки обеспечить стабильность через назначение лояльных губернаторов или соглашения с влиятельными кланами, центральные власти не всегда могли отстроить системный контроль над арабскими провинциями и побережьем Северной Африки.

Итоги внешнеполитического курса Порты в конце XVII – середине XVIII вв. можно считать умеренно эффективными в плане сохранения ключевых османских владений и поддержания известного авторитета на международной арене. Однако если оценивать с точки зрения долгосрочных последствий, то неизбежная конкуренция с растущими могуществами Европы и России, а также с Ираном, постепенно ослабляла административные и финансовые системы империи, препятствовала глубоким реформам и ставила императоров перед необходимостью регулярно искать внешних союзников или прибегать к быстротечным военным акциям.

Формирование оборонительных союзов представлялось Порте альтернативой прежним агрессивным методам, но ни один формат союза не обеспечивал полного урегулирования конфликтов, так как внешние условия постоянно менялись, а сами османские политики были вынуждены следовать за переменами в расстановке сил. Наиболее неблагоприятными для Османской империи были фронты, где сосредотачивались интересы нескольких крупных держав, например, на Балканах и в Причерноморье, поскольку там османские потери в людских ресурсах и экономические затраты превосходили выгоды от удержания территорий.

В то же время отдельные договоры, на примере Карловицкого, Прутского или Белградского, позволяли Османской империи отсрочить дальнейшее ослабление, добиться передышки и перегруппировать силы. Политика компромиссов, дипломатических миссий и кратковременных соглашений в итоге стала характерной чертой османской внешней политики рассматриваемого периода. Эффективность этой политики лежала в плоскости тактических выигрышей, но в стратегическом плане указывала на необходимость глубинных преобразований военной системы и государственного управления, которые на тот момент еще не были реализованы.

Таким образом, исследование основных направлений внешней политики Османской империи в конце XVII – первой половине XVIII вв. привело к выводу о том, что несмотря на успешные дипломатические маневры на Балканах и стремление поддерживать баланс сил с европейскими державами, империя сталкивалась с серьезными вызовами на северных и восточных фронтах. Конфликты с Россией и Ираном значительно истощали ее ресурсы и затрудняли проведение устойчивой внешней политики. Южное направление также требовало значительных усилий для подавления локальных восстаний и поддержания контроля над арабскими провинциями. В результате, внешнеполитический курс Порты характеризовался умеренной эффективностью, однако не смог предотвратить долгосрочное ослабление административных и финансовых систем империи.

Список источников и литературы:

1. Семенов А.П. Формирование коалиций против Османской империи / А.П. Семенов. – М.: Изд-во МГУ, 2012. – 320 с.

2. Иналджик Х. Османская империя: классический период / Х. Иналджик. – М.: Наука, 2015. – 456 с.
3. Hammer-Purgstall, J. Geschichte des Osmanischen Reiches / J. Hammer-Purgstall. – Pesth: Druckerei des Verlags, 1834. – 640 s.
4. Шмидт И.В. Русско-турецкие отношения и мирные договоры XVIII в. / И.В. Шмидт. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 392 с.
5. Bodger A. The Treaty of Belgrade and Ottoman Diplomacy / A. Bodger. – London: Oxford University Press, 2008. – 278 p.
6. Kafadar C. Between Two Worlds: The Construction of the Ottoman State / C. Kafadar. – Berkeley: University of California Press, 1995. – 272 p.
7. Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches / N. Jorga. – Gotha: Perthes, 1909. – 720 s.
8. Shaw S.J. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey / S.J. Shaw. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – 620 p.
9. Hochedlinger M. Austria's Wars of Emergence / M. Hochedlinger. – London: Longman, 2003. – 488 p.
10. Ursu I. Relations between the Ottoman Empire and Britain in the 18th century / I. Ursu. – Oxford: Blackwell, 1981. – 302 p.
11. Roemer H.R. Persien auf dem Weg in die Neuzeit / H.R. Roemer. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1989. – 512 s.
12. Павлов А.В. Восточная политика Петра Великого / А.В. Павлов. – СПб.: Изд-во РАН, 2001. – 344 с.
13. Тимофеев В.К. Кавказская дипломатия Османской империи в XVIII в. / В.К. Тимофеев. – М.: Изд-во Инс-та востоковедения РАН, 2007. – 256 с.
14. Farrokh K. The Armies of Persia / K. Farrokh. – New York: Savas Beatie, 2011. – 352 p.
15. Har-El S. Struggle for Domination in the Middle East: Ottoman-Mamluk Relations / S. Har-El. – Leiden: Brill, 1995. – 400 p.
16. Martínez-Esquível C. The Ottoman Maghreb: Autonomous Entities under the Sublime Porte / C. Martínez-Esquível. – Madrid: CSIC, 2016. – 290 p.
17. Casale G. The Ottoman Age of Exploration / G. Casale. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 304 p.
18. Сайганов В. С. Дипломатические отношения Османской империи и Речи Посполитой в XVII веке / В. С. Сайганов // Энigma. – 2020. – № 24. – С. 119-123.
19. Керолайн Финкель. История Османской империи. Видение Османа. – М.: ACT, 2014. – 1190 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.5:339.5(410:470.62)-048.79

DOI: 10.5281/zenodo.15771930

EDN: AEGYKT

А.И.Минаев

Доктор исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: aiminaev68@yandex.ru

А.И.Шабалдас

аспирант

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: anna.shabaldas.00@mail.ru

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА НА ДОНБАССЕ

Аннотация

Статья посвящена анализу эволюции экономических отношений между Великобританией и Россией в условиях политической напряженности после 2014 года. Особое внимание уделено влиянию санкционной политики на торговый оборот, инвестиционную активность и ключевые статьи импорта и экспорта. Рассматриваются причины сокращения двустороннего сотрудничества и попытки сохранения диалога.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, санкции, экономика, международные отношения.

Summary

The article examines the evolution of economic relations between the UK and Russia amid rising political tensions since 2014. It focuses on the impact of sanctions on trade volume, investment activity, and key import-export categories. The study outlines the causes of reduced bilateral cooperation and efforts to preserve economic dialogue.

Keywords: UK, Russia, sanctions, economy, international relations.

Современные международные отношения неразрывно связаны с экономическими интересами стран, особенно в условиях глобальной нестабильности. После 2014 года и событий на Украине экономические связи

России с западными странами, в частности Великобританией, подверглись масштабной трансформации. Введение санкций, ответные меры и политическая напряженность повлияли на инвестиционный климат, торговый оборот и дипломатические механизмы. Несмотря на политическое охлаждение, бизнес-структуры обеих стран стремятся сохранить каналы взаимодействия. Анализ торгово-экономических процессов в контексте санкционного давления позволяет глубже понять, как политика влияет на международную экономику. Тема особенно важна для оценки будущего российско-британских отношений в новых geopolитических реалиях. Исследование таких процессов способствует формированию более гибких стратегий международной экономической политики.

Целью статьи является анализ динамики и структуры экономических отношений между Великобританией и Россией в контексте политических кризисов 2014 – 2022 гг., с акцентом на влияние санкционной политики на торгово-инвестиционное сотрудничество.

Историография вопроса опирается на официальные данные Посольства РФ, ТАСС, ЭКОНС и HM Revenue & Customs, которые фиксируют активный рост российско-британской торговли и инвестиций до 2022 года и резкое ее сокращение в условиях усиления санкционного давления. В западных источниках – «Financial Times», «Business Insider», «The Guardian» – подчеркивается эффективность санкций, формирование устойчивой политики экономической изоляции России и переход к долгосрочной стратегии давления. Эти оценки дополняются данными о снижении объемов торговли, падении экспорта и изменении структуры экономического взаимодействия.

Экономические отношения между Великобританией и Россией до начала конфликта на Донбассе в 2014 году характеризовались значительным объемом торговли и инвестиций. Великобритания была одним из крупнейших иностранных инвесторов в России, особенно в секторе энергетики и финансовых услуг. Российский экспорт в Великобританию традиционно включал энергоресурсы, металлы и химическую продукцию, в то время как британский экспорт в Россию в основном состоял из машин, оборудования и фармацевтических товаров.

В период 2017 – 2021 гг. наблюдалось оживление торгово-экономических связей, которые вышли на пиковые значения в 2020 и 2021 гг. Так, по данным британской статистики, объем всей двусторонней торговли между Россией и Великобританией по итогам 2021 г. достиг 15,9 млрд ф.ст. (на 19% больше, чем за 2020 г.). Наиболее значимыми элементами структуры товарного импорта из нашей страны являлись нефть и нефтепродукты (40%, почти четверть всех британских закупок этой категории товаров за рубежом), цветные металлы (11,2%), природный газ (9,9%). В структуре британского товарного экспорта в Россию главные позиции занимали машины и оборудование (19%), автомобили (10,7%), медицинская и фармакологическая продукция (10,3%) [1].

После присоединения Крыма к России в марте 2014 года и последующего вмешательства в конфликт на Донбассе, Великобритания, согласно общей

политике ЕС, начала вводить серию экономических санкций против России. Санкции были нацелены на ограничение доступа российских компаний к финансированию на европейских рынках, запрет на экспорт товаров двойного назначения, а также введение персональных санкций против российских государственных и военных деятелей, причастных к действиям на Украине.

Двусторонний товарооборот за первые десять месяцев 2016 года сократился почти на 14% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и составил лишь \$ 8,4 млрд. По инициативе Лондона было приостановлено взаимодействие с ключевыми официальными механизмами сотрудничества, включая Объединенный руководящий комитет по торговле и инвестициям Великобритании и России и Энергетический диалог высокого уровня. В то же время британское бизнес-сообщество, заинтересованное в продолжении нормальных отношений с нашей страной, придерживалось конструктивного подхода и не поддерживало попытки политизировать экономические отношения. Но уже в 2018 году в связи с делом Скрипалей в Солсбери, Великобритания усилила санкционное давление на Россию, расширив список физических и юридических лиц, подпадающих под ограничения.

Отмечается, что британский экспорт в Россию показал прирост в 40% по итогам 2021 года, а импорт из России вырос на 2%. Основными статьями экспорта Великобритании в РФ стали машины и оборудование (58%), а также продукция химической промышленности (25%). Основными статьями импорта из России названы драгоценные камни и металлы (69%) и минеральная продукция (25%). При этом более чем на 75% увеличились поставки древесины, на 25% вырос экспорт российской металлургической продукции [2].

Санкции также повлияли на двусторонние экономические отношения, снизив объем торговли между странами и усложнив инвестиционный климат. Но до начала специальной военной операции обе страны искали пути для сотрудничества в менее чувствительных секторах и развития диалога по ключевым международным вопросам.

В 2021 г. около половины российского товарного экспорта направлялось в страны Евросоюза, Великобританию и США. ЕС – главный для России экспортный рынок энергетического сырья и алюминия. На эти страны приходится больше половины всего объема экспорта российских нефти и нефтепродуктов, больше 60% всего экспорта газа, почти 30% экспорта угля и 35% экспорта алюминия. Великобритания закупает в России почти весь объем (более 90%) экспортного золота, а США – один из важнейших для России рынков сбыта платины (на страну приходится почти 30% экспорта этого драгметалла из России) [3].

Ситуация с экономическими отношениями и санкциями стала еще более напряженной после начала военных действий на Украине в феврале 2022 года. Великобритания в ответ на действия России ввела дополнительные санкции, которые включали запрет на импорт российского угля и нефти, замораживание активов российских банков и расширение списка запрещенных к экспорту технологий и товаров. Экономические санкции, введенные Великобританией и

ее союзниками, оказали значительное давление на российскую экономику, ограничив доступ к международным финансовым рынкам и технологиям. В ответ Россия приняла контрмеры, в том числе ограничения на импорт продовольствия из стран, введших санкции. Правительство Великобритании пообещало ввести в действие все экономические санкции ЕС. Оно также заявило, что хочет продолжать работать с ЕС над санкциями после Brexit.

В изменившихся условиях объем взаимного оборота товарами и услугами по итогам 2022 г. сократился на 50% до 8 млрд фунтов стерлингов. Связи с Россией составили 0,5% всей британской внешней торговли (для сравнения в 2021 г. – 1,7%). В списке партнеров Британии наша страна за год переместилась с 21-го на 35-е место (49-е по экспорту, 30-е по импорту) [4].

Объемы поставок отечественной продукции в Великобританию составили 5,8 млрд фунтов стерлингов (падение на 48,1% или 5,4 млрд). Снижение импорта товаров из России началось фактически с января 2022 г., а к марта принял обвальный характер. К началу второго квартала он уменьшился почти в четыре раза. В структуре прослеживается доминирование товаров (86,7%), причем исключительно сырьевой направленности: очищенная (27,5%) и сырая (8,1%) нефть; газ (9%); уголь и кокс (3%). Самой существенной статьей оказались «иные товары» (36,6%), включающие драгоценное и немонетное золото [5].

Вне зависимости от этого, в начале кризиса многие британские компании продолжали успешно работать на российском рынке. Расширялось присутствие российского бизнеса в Великобритании. К наиболее привлекательным направлениям инвестиционного сотрудничества относился финансовый сектор, розничная торговля, машиностроение, металлургия, горнодобывающая промышленность, транспорт, связь, фармацевтика, недвижимость. Двусторонний диалог между регионами также становился более активным и все активнее вовлекал как российские, так и британские регионы. Правительства двух стран активно содействовали дальнейшему расширению экономического сотрудничества, что являлось одним из основных элементов обеспечения позитивного развития российско–британских отношений.

В экономической сфере, несмотря на санкции, обе страны продолжали искать пути сохранения коммерческих связей в некоторых секторах, особенно в области энергетики и сырьевых рынков, где Великобритания испытывала острый дефицит ресурсов. Однако общий объем торговли между странами значительно снизился по сравнению с предыдущими годами [6].

Однако антироссийские санкции, введенные Западом в 2014 году после разногласий вокруг урегулирования украинского кризиса, отразились на торгово-экономических связях. С начала конфликта на Украине в конце февраля, после признания Россией Донецкой и Луганской Народных Республик и инициации военных действий, Великобритания последовательно вводила и усиливала санкционные меры против России. Среди лиц, оказавшихся под санкциями, оказались президент России Владимир Путин, министр иностранных дел Сергей Лавров, а также 386 депутатов Государственной Думы, руководители государственных компаний, предприниматели и другие фигуры. В сферу

ограничительных мер вошли крупные российские организации, включая Альфа-банк, Газпромбанк, Сбербанк, ВТБ, «Аэрофлот» и «Ростех».

Великобритания наложила запрет на экспорт в Россию товаров авиационной и космической промышленности и технологий, а также ограничила возможность страхования данных рисков для компаний. Кроме того, были введены запреты на поставки передовых технологических товаров, таких как микроэлектроника, морское и навигационное оборудование, квантовые технологии и предметы роскоши. Британия также запретила импорт из России стали, железа, серебра, изделий из дерева и икры. Вводятся увеличенные таможенные пошлины на импорт определенных видов товаров, включая водку. Дополнительно были запрещены импорт российской нефти, угля и золота на территорию страны.

В 2024 – 2025 годах экономические отношения между Великобританией и Россией продолжили демонстрировать тенденцию к сокращению. Согласно данным британской статистики, за четыре квартала до конца 2024 года общий объем торговли между двумя странами составил £1,8 млрд, что на 13,2 % меньше по сравнению с предыдущим годом. Экспорт из Великобритании в Россию снизился на 9,6 %, а импорт – на 21,7 %. Эта динамика сохраняется и в начале 2025 года: в феврале экспорт упал на 21,2 %, хотя импорт показал незначительный рост – 11,6 % [7].

Санкционная политика Великобритании продолжила усиливаться. В феврале 2025 года правительство Соединенного Королевства расширило санкционный список, добавив 67 физических лиц и 40 судов «теневого флота», использующихся для обхода нефтяных ограничений. В апреле Лондон ввел новые экспортные ограничения на программное обеспечение, используемое при разведке нефти и газа. А с мая вступили в силу меры, блокирующие предоставление trust services российским лицам и компаниям. Параллельно с этим Европейский союз предложил снизить ценовой потолок на российскую нефть с \$60 до \$45 за баррель, а также расширить список санкций в отношении банков и судоходства [8].

Анализируя текущую ситуацию, можно сделать вывод, что двусторонние экономические отношения постепенно утрачивают даже формальный потенциал восстановления. В первую очередь Великобритания стремится заместить российские энергетические поставки поставками из стран Ближнего Востока, а также наращивает внутреннее производство с ориентацией на зелёную энергетику. Россия же, в условиях санкционного давления, перераспределяет экспортные потоки в сторону Китая, Индии и Турции, одновременно теряя значительную часть валютной выручки, ранее обеспечиваемой британским рынком. Это не просто кризис – это структурный разрыв, демонстрирующий конец прежней модели взаимозависимости. При этом политico-экономическая риторика обеих сторон стала более жесткой: экономические интересы больше не рассматриваются в отрыве от идеологических противоречий. Также в ходе изучения экспертных оценок, опубликованных в начале 2025 года, прослеживается тенденция к институционализации санкционного режима – то

есть его оформление как долгосрочной политики, а не временной меры давления. Это позволяет говорить о переходе к новому этапу отношений, в котором экономическая логика больше не играет первостепенной роли.

Финансовое издание «Financial Times» отмечает, что в 2025 году начали проявляться признаки рецессии в российской экономике: сжатие промышленного сектора, рост бюджетного дефицита и дефицит валютных поступлений. По словам аналитиков, «Санкции против России работают» [9]. Журнал «Business Insider» сообщил: «Российские компании, которые приобрели активы [западных компаний], теперь лоббируют их возвращение» [10], что говорит о формировании устойчивого внутреннего давления на экономическую изоляцию.

В марте 2025 года на саммите в Лондоне премьер-министр Великобритании Кир Стармер предложил создать Коалицию желающих (англ. «coalition of the willing») – альянс стран, готовых оказывать поддержку Украине и усиливать экономическое давление на Россию. Он заявил: «Мы будем продолжать оказывать военную помощь Украине, одновременно усиливая экономическое давление на Россию с помощью скоординированных санкций.» [11]. Этот подход получил развитие в рамках нового формата Weimar+, объединяющего ЕС, Великобританию, Италию и Испанию для координации санкционных усилий.

Таким образом, анализ динамики торгово-экономических отношений между Российской Федерацией и Великобританией в период с 2014 по 2025 год позволяет констатировать их постепенное ослабление и трансформацию из взаимовыгодного партнерства в односторонне ограниченное взаимодействие. До 2014 года Великобритания стablyно входила в число ключевых экономических партнеров России, активно инвестируя в энергетический, финансовый и промышленный секторы. Однако в условиях ухудшения политической обстановки на постсоветском пространстве и начавшегося конфликта на Донбассе Лондон, следя общеверопейскому санкционному курсу, стал инициатором многочисленных ограничительных мер, направленных на сдерживание внешнеэкономической активности России.

Последовательное расширение санкционных пакетов Великобританией, особенно после 2022 года, привело к значительному снижению взаимного товарооборота, потере инвестиционной привлекательности и свертыванию кооперации в ключевых секторах. При этом российская экономика начала переориентироваться на другие рынки – в первую очередь, в странах Азии и Ближнего Востока. Британская сторона, в свою очередь, активно замещает прежние импортные позиции за счет альтернативных поставщиков и развития внутреннего производства. Несмотря на сохраняющийся интерес бизнеса к сохранению точек взаимодействия, общий вектор отношений носит устойчиво негативный характер. Политико-экономическая риторика обеих сторон за последние годы приобрела преимущественно конфронтационный оттенок, что свело к минимуму пространство для диалога. На сегодняшний день двусторонние отношения сохраняются в минимальном функциональном

формате, ограничиваясь отдельными направлениями, не затрагивающими стратегические сферы. Сегодня следует констатировать переход российско-британских экономических связей в стадию структурной изоляции, при которой прежняя модель сотрудничества полностью утратила актуальность. При отсутствии кардинальных изменений в международной повестке восстановление полноформатного экономического партнерства в краткосрочной перспективе представляется маловероятным.

Список источников и литературы:

1. Двусторонние отношения. Экономическое сотрудничество // Посольство Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, – URL: <https://er.ru/activity/news/vsyo-dlya-fronta-vsyo-dlya-pobedy-edinaya-rossiya-podvela-itogi-gumanitarnoj-missii-v-2022-godu>
2. Товарооборот России и Британии за 2021 год вырос на 6% // ТАСС, – URL: <https://tass.ru/ekonomika/13741943>
3. Демьяненко В., Кувшинова О. Российские экономические связи. 01.03.2022 / Демьяненко В., Кувшинова О. // ЭКОНС, – URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/rossiyskie-ekonomicheskie-svyazi/>
4. Двусторонние отношения. Экономическое сотрудничество // Посольство Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, – URL: <https://er.ru/activity/news/vsyo-dlya-fronta-vsyo-dlya-pobedy-edinaya-rossiya-podvela-itogi-gumanitarnoj-missii-v-2022-godu>
5. Двусторонние отношения. Экономическое сотрудничество // Посольство Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, URL: <https://er.ru/activity/news/vsyo-dlya-fronta-vsyo-dlya-pobedy-edinaya-rossiya-podvela-itogi-gumanitarnoj-missii-v-2022-godu>
6. Шабалдас А.И. Политико-экономические взаимоотношения Великобритании и Российской Федерации в рамках конфликта на Донбассе // Вестник СНО ДонГУ. – Вып. 16, том 2: социально-гуманитарные науки. - Донецк: 2024. – С. 374-378.
7. Customs declarants and declaration volumes for international trade in 2024 // HM Revenue & Customs, – URL: <https://www.uktradeinfo.com/news/customs-declarants-and-declaration-volumes-for-international-trade-in-2024/>
8. EU calls for lower price cap on Russian oil in move to tighten sanctions // The Guardian, – URL: <https://www.theguardian.com/business/2025/jun/10/eu-price-cap-russian-oil-sanctions-nord-stream>
9. Sanctions on Russia are working // Financial Times, – URL: <https://www.ft.com/content/7a5ded70-166a-4e99-9726-737f01c308a5>
10. Thibault Spirlet Putin's business buddies don't want Western companies back in Russia // Business Insider, – URL: <https://www.businessinsider.com/putin-business-allies-oppose-return-western-companies-russia-mcdonalds-2025-6>

11. PM statement to the House of Commons: 3 March 2025 // UK Government Press Office, – URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-to-the-house-of-commons-3-march-2025>

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК: 32.01(520) + 321.1(520) + 329.1

DOI: 10.5281/zenodo.15771941

EDN: LYRYIN

К.В. Черкашин

кандидат политических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: kirill.cherkashin.80@mail.ru

М.И. Иванов

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: korleone.ivanov@yandex.com

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА В ЯПОНИИ: ОТ ЭПОХИ МЭЙДЗИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация

В работе рассматриваются процессы зарождения партийной и парламентской систем в Японии в период эпохи Мэйдзи (1868 - 1912 гг.), раскрываются особенности этих систем и их влияние на государственное строительство вплоть до наших дней. Рассматриваемые процессы характеризовались неестественной ускоренностью создания парламента и политических партий, т.к. находились под существенным внешним давлением. Созданный в XIX веке парламент обладал малыми полномочиями и имел формальную власть, так как все ключевые решения принимались императором. Многие из заложенных в то время принципов институционального дизайна Японии проявляются и до сих пор. Уникальная политическая культура и особый характер государственного строительства Японии оказывают влияние и на современную политику этой страны. В частности, это выражается в длительном доминировании Либерально-демократической партии.

Ключевые слова: партийная система, парламентаризм, политическая культура, Япония, эпоха Мэйдзи.

Summary

The paper examines the processes of the birth of party and parliamentary systems in Japan during the Meiji Era (1868 - 1912). Meiji Era (1868 - 1912), reveals the features of these systems and their influence on state building up to the present day. state building up to the present day. The processes under consideration were

characterized by unnatural acceleration of the creation of parliament and political parties. political parties, as they were under considerable external pressure. Created Parliament created in the XIX century had little Parliament, established in the 19th century, had little authority and formal power, as all key decisions were made by the Emperor. Many of the principles of institutional design of Japan that were established at that time are still evident today. of Japan's institutional design are still evident today. Japan's unique political culture and special the unique political culture and the special character of Japan's nation-building have an impact on modern politics of this country. In particular, it is expressed in the long dominance of the Liberal Democratic Party.

Keywords: party system, parliamentarism, political culture, Japan, Meiji Era.

Япония до отмены изоляционного указа Сакоку (1853 г.) имела самобытный политический, исторический и культурный путь развития, что играло неоднозначную роль в развитии архипелага. Консервативная идеология являлась и является важным аспектом существования этого государства, ускоряя или замедляя те или иные процессы – и в сфере политики, в частности. Учреждение парламента и политических партий в эпоху Мэйдзи являлось уникальным явлением. Политологическая оценка тех событий важна в контексте текущих внутренних политических процессов в Японии и других современных государствах, тем более что многие из этих процессов также протекают под внешнеполитическим давлением. Результаты работы могут быть полезны при рассмотрении процессов построения институтов парламентаризма и политических партий в новых государствах, в частности, и на постсоветском пространстве.

Мировая и отечественная историография изучения политической культуры Японии очень обширна. Не претендуя на всесторонний анализ этого направления, среди отечественных работ отметим совместную монографию Т.В.Карадже, Н.В.Асонова, Н.В. Деевой и Л.С.Мазун [1], а также работу А.В.Мельникова [2]. Политическими процессами, которые происходили в Японии в период эпохи Мэйдзи, из отечественных исследователей занимались: И.П. Литвинюк [3], В.И.Балакин [4], С.Б.Антоненко [5], А.Н. Мещеряков [6]. Вместе с тем, проблемы становления парламентаризма и партийной системы Японии того и последующих периодов в отечественной историографии изучены гораздо меньше, из авторов, которые занимались этими вопросами следует назвать М.В. Пантелеева [7] и Ю.С. Пестушко [8]. Из большого количества зарубежных авторов, которые занимались указанными проблемами, отметим: японского исследователя Токутоми Соэцу [9], а также датскую исследовательницу Маргарэт Мэл [10].

Цель данной работы состоит в том, чтобы с политологической точки зрения охарактеризовать процессы зарождения партийной системы и парламентаризма в Японии в период эпохи Мэйдзи, а также проследить их изменения и преемственность в современной политической системе страны. В частности: необходимо дать краткую оценку политическим, историческим и культурным условиям внутри страны до начала эпохи Мэйдзи; определить основных

внутриполитических акторов; обозначить появившиеся политические партии и структуру парламента, а также их трансформации. Также необходимо отметить последствия и особенности организации парламента при неестественных для него условиях и, наконец, дать общую итоговую оценку процессу зарождения партийной системы в Японии, сравнив особенности и элементы этого строительства с её современным состоянием.

Для описания исторических и политических процессов того времени следует погрузиться в детали японской политической культуры, чтобы понять специфику происходивших событий. К.С. Гаджиев определяет политическую культуру, как «ценностно-нормативную систему, которая разделяется большинством населения в качестве субъекта политического сообщества, которая включает базовые убеждения, установки, ориентации, символы, обращенные на политическую систему» [1, с. 15].

В научном исследовании А.П. Мельникова описывается сущность японской политической культуры, которая зиждется на основе заимствования религиозных доктрин буддизма и конфуцианской этико-религиозной системы: уважение младших к старшим.

Становление менталитета обусловлено таким факторами, как: относительная изолированность от других культур из-за островного положения страны; этническая однородность населения; умение заимствовать и быстро адаптировать заимствования к своему быту; отсутствие в истории страны длительных периодов иноземного господства; и так далее [2]. Культура страны гомогенна и однородна, имеет традиционный характер, а также особенно выделяется уважение к иерархии и власти. В связи с этим нужно подчеркнуть, что в таких условиях демократические тенденции для единоличных правителей (или правителя – после объединения) вряд ли являлись доминирующими. Предполагается, что при таких обстоятельствах идея разделения власти с народом представлялась невозможной. Сформулированный Шарлем Монтескье в своей книге «О духе закона» принцип разделения властей крайне хорошо вписывался в европейское политическое пространство [11]. Внутри него была и централизованная власть, и определённая социальная база с достаточным политическим участием, и прочие немаловажные условия. В Японии было ещё рано говорить о столь революционных для общества идеях, а ранее упомянутая политическая культура страны не предполагает естественное развитие идеи разделения властей.

Страна долгое время была раздробленной, с постоянными междуусобными войнами единоличных правителей небольших провинций. Так было вплоть до объединения Японии в 1590 году силами полководца Тоётоми Хидэёри. Через десятилетия его потомок потерпел сокрушительное поражение от сёгуна Токугавы Иэясу. Новый правитель полностью объединил страну, а чтобы сохранить свою власть он выпустил указ Сакоку, который объявлял «нерушимую изоляцию». Он действовал с 1635 по 1853 годы и имел серьезные последствия для всех сфер японского общества. Исследователь Ю.В. Голякова дает предельно ясную оценку данному процессу: сёгунат опасался зависимости

от иностранцев, поэтому и ввел указ Сакоку в оборот. Этот процесс действительно помог укрепить внутренний рынок, развить внутрияпонские коммуникации, культуру, разорвать почти все связи с соседями. В то же время складывалась следующая картина: после отмены указа Сакоку выяснилось, что страна сильно отстала в промышленном развитии, оказавшись не готовой к внешней торговле с иностранными державами. Как следствие, она оказалась в зависимом положении от других государств. В целом, данный указ позволил Японии пойти по капиталистическому пути развития экономики и государства [12].

С точки зрения политической науки, следует отметить, что правление Сёгуната было неэффективным во многих сферах жизнедеятельности японского общества и государства. Спрос на изменение действующего строя рос вместе с развивающимся сепаратизмом в префектурах. В последующих десятилетиях, регионализм полностью исчезнет, уступив место однородному японскому национализму [9].

«Открытие Японии», сопровождавшееся подписанием ряда неравноправных договоров с США, Россией, Соединенным Королевством и Голландией, а также отсутствие достойного приемника стало спусковым крючком для начала гражданской войны в стране. Эта война получила название «войны Босин» или «войны года Дракона». В ходе ее модернизированное по западному образцу императорское войско меньше чем за полтора года разбило силы Сёгуната [5, с. 450]. После этого Япония встал перед сложным выбором: остаться прежней и стать западной колонией или же путём интенсивных реформ включиться в мировую политико-экономическую систему в качестве самостоятельного актора [3, с. 27]. Выбор однозначно был сделан в пользу второго варианта. Именно потому в стране начался период реставрации Мэйдзи.

После окончания гражданской войны император вновь обретает всю полноту власти, так как в период Сёгуната функции императора были символичными. Вместе с тем, после восстановления императорской власти Хамбацу (в переводе с японского – «клика феодалов» или «клика из княжеств») становится правящим слоем. Мы их можем понимать как олигархический класс того времени, так как согласно толковому словарю С.И. Ожегова, под олигархией понимается политическое и экономическое господство небольшой группы представителей крупного финансово-промышленного капитала, а также сама такая группа [14, с. 682]. Определение «олигархия» достаточно точно описывает суть Хамбацу.

Описываемая группа состояла из ряда аристократов и влиятельных выходцев из четырех японских феодальных земель. Их можно охарактеризовать как националистов, поскольку они были яркими представителями Кокугаку (в переводе с японского языка – «изучение [культуры] страны»). Цель этого культурно-национального движения состояла в том, чтобы доказать самобытность японской культуры и истории в противовес конфуцианским (китайским) традициям. Зачатки данной концепции существовали еще в период Эдо, как традиционалистская оппозиция сложившейся на тот момент системе.

Идеи Кокугаку во многом стали центральными в вопросе строительства императорской Японии.

Важно упомянуть, что в вопросе государственного строительства Япония имела явную западную ориентацию. Страна ориентировалась на европейские модели государства – Англии, Франции, Голландии. Японская элита также серьёзно интересовалась идеями прусского канцлера Отто фон Бисмарка, который смог объединить раздробленные немецкие земли и построить государство на авторитарных началах [4]. Стоит подчеркнуть, что политическая культура населения Японии и Германии имела явную схожесть – она была крайне однородной и консервативной. В прусской военной доктрине провозглашалась служба во имя императора. Такая формулировка политической идеи стала весьма удобной формой для её последующего переноса на существующую японскую действительность. Был выбран вполне конкретный путь построения государства: авторитарная держава с централизованной властью с правителем в лице императора.

Запрос на модель сильного государства появился не случайно. Опасения японских элит заключались в том, что страна могла стать сырьевым придатком, практически безвозмездным стратегическим пунктом снабжения иностранных морских судов, без какой-либо субъектности. Принуждение Японии к подписанию неравноправных договоров давало понять, что у страны высоки шансы окончательной и всеобъемлющей утраты суверенитета. Поэтому был провозглашен следующий политический курс: страна станет новым крупным развитым центром силы в Тихоокеанском регионе, а поэтому ей было необходимо сделать большой скачок в экономической, правовой и политической сферах жизнедеятельности, оставаясь верной своим культурно-политическим идеалам. Правительство смотрело не только на Запад, но и на саму Японию и ее будущее [10].

В День основания империи – 11 февраля 1889 года – была принята Конституции Японии. Именно в этот день, по легенде, в 660 году до нашей эры первым императором Дзимму была основана императорская династия в стране [5, с. 27]. На момент принятия этого документа, Япония уже была конституционной монархией и речь шла о преобразовании страны в парламентскую систему, в которой сохранялись значительные полномочия императора. В главе третьей принятой Конституции излагались полномочия Императорского сейма – нового парламента. Он провозглашался двухпалатным: нижняя палата – представителей, верхняя – пэров. Нижняя палата избиралась путём крайне ограниченных выборов, а верхняя назначалась императором из представителей дворянства и членов императорской фамилии. Согласно Конституции, император хоть и потерял возможность устанавливать законы собственным указом, но обладал правом вето. Полномочия парламента были невелики и отвечали интересам императора на основании статьи 39 Конституции Японии [15]. Представительный орган сам по себе имел мало полномочий, функционировал в интересах императора, в значительной степени выполнял консультативные функции. Однако даже такое учреждение явилось важным

шагом к некоторым демократическим преобразованиям.

Тем не менее, даже этот шаг к созданию парламента был сопряжен с трудностями. Японское правительство планировало создать авторитарную политическую систему, которая была бы подобна прусской, но с собственной олигархией. Изначально так и выходило: представители Хамбацу имели неограниченную власть. Однако на внутреннем рынке произошли экономические потрясения, вызванные в том числе и повышением цен на товары внутреннего потребления. Стране необходимы были серьезные экономические реформы, которые были начаты не сразу. Запрос на данные реформы сформировали представители некоторых слоев населения – прежде всего это были самураи и купцы. Последние начали терять доход, ввиду присутствия конкурентных иностранных товаров. К 1874 году позиции Хамбацу в глазах японцев пошатнулись, они стали терять доверие и неограниченную власть. В этом же году формируется «Движение за свободу и народные права» (в дальнейшем умеренная его часть перейдет в «Общество патриотов»). Фактически это было первым движением либеральной направленности, выступавшим за свободу и права человека. Важно учитывать, что у части общества возникли большие сомнения о том, как проводится Реставрация Мэйдзи, которая должна был улучшить социально-экономическое положение японского народа. В частности, это были самураи, земельное хозяйство которых в этот период пострадало сильнее всего [16, с. 445-447].

На деле получалось так: Хамбацу имели серьезное влияние на жизнь государства, а Клятва Пяти пунктов (программа демократических преобразований императора Мэйдзи, изданная им в первый год своего правления) фактически не реализовывалась. Все это привело к многочисленным протестам, стычкам, а позже вылилось в Сацумское восстание (1877 г.): бунт консервативно настроенных нетитулованных дворян, социально-экономическое положение которых сильно ухудшилось на фоне Реставрации. Это последнее выступление самурайской радикальной оппозиции закончилось провалом и казнью наиболее непримиримых и нелояльных к новому правительству элементов.

После подавления восстания спрос на общенародный парламент еще более возрос. Из остатков «Общества патриотов» формируется «Лига учреждения парламента». Последняя задается конкретной целью: созыв общенародного парламента и демократизация японского общества.

Маловероятно, что у данной организации получилось бы реализовать свои цели, поскольку Хамбацу не собирались сдаваться, однако во главе организации появляется достаточно авторитетный человек – Итагаки Тайсукэ. Он происходил из самураев, был главнокомандующим императорской повстанческой армии в период гражданской войны, а ранее активно участвовал в политической жизни страны. Во время неудачно состоявшегося на него покушения произнес крылатую фразу в адрес преступника: «Итагаки может умереть, но свобода никогда!», которая позже стала известна во всей Японии, как символ борьбы за свободу [17]. Его авторитет сделал возможным учреждение парламента, хоть и весьма

ограниченного в плане полномочий, а также открытого только для представителей высших сословий. В 1881 году «Лига учреждения парламента» переименовывается в «Либеральную партию Японии», но просуществовала последняя недолго (до 1884 года), так как из-за внутренних разногласий была расформирована. Правительство активно сопротивлялось всем этим движениям, стараясь сохранить всю полноту власти. В данном контексте, законодательные изменения и активность социальных групп связаны с ростом общественного давления на власть, которое возрастало несмотря на сопротивление олигархии.

Позже в Японии идут на важный шаг и в стране проходят выборы, которые нельзя охарактеризовать как демократические. До настоящей демократии было ещё очень далеко из-за ограничений в праве голоса. Исходя из статистики выборов, первого июля 1890 года было зарегистрировано около 450 тысяч избирателей на 43 млн 270 тысяч человек населения страны [15]. Это составило всего около 1.05% от численности населения, что крайне мало. Данный факт объясняется тем, что правом голоса на тот момент обладали лишь немногие представители привилегированных классов [6]. Право избирать имели граждане мужского пола, старше 25 лет, платившие 15 иен прямых налогов, включая земельный и подоходный налоги. Голосовать могли только граждане, постоянно проживавшие в своем избирательном округе не менее года. Женщины права голоса не имели. Также к голосованию не допускались принадлежащие к военному сословию, несостоятельные должники и те, кто был лишён гражданских прав по решению суда. Право быть избранным имел японец старше 30 лет, уплачивающий 15 иен прямых налогов. Кандидат в депутаты обязательно вносил большой денежный залог. Не могли быть избранными служащие министерства императорского двора, судьи различных инстанций, представители государственного контроля, налоговые инспекторы, полицейские агенты и комиссары, священнослужители синтоистских и буддийских храмов [7]. Выборы проходили по мажоритарной системе (которая действует и поныне). Страна была разделена на 214 одномандатных округов и 43 двухмандатных округа, в которых баллотировались 1243 кандидата. Победителем становился кандидат, который набрал больше всего голосов на выборах.

Де-факто наблюдалась ситуация, когда парламент являлся средством легитимизации власти императора и, в частности, клановой олигархии Хамбацу. Постепенно полномочия парламента сокращаются, а к началу Второй мировой войны он и вовсе перестает существовать в привычной форме, его роль заметно снижается вплоть до капитуляции страны. В любом случае, для традиционистской Японии само по себе создание парламента явилось политическим прорывом, так как это позволило снизить социальную напряжённость, а также получить международный авторитет. Экономическая индустриализация, а также ускоренная политическая модернизация позволили отстоять суверенитет от посягательств влиятельных иностранных держав.

В созданном парламенте Японии у Хамбацу появился равноправный конкурент: партия Риккэнсэйюкай («Друзья конституционного правительства»).

Также в период функционирования нового парламента были созданы и новые политические партии: Айкоку кото («Общественная партия патриотов»); Айкокуся («Общество патриотов»); Дзиюто («Либеральная партия»); Риккэнтайсэйто («Конституционно-императорская партия»); Риккэнкайсирто («Партия конституционных реформ»). Исследователь Ю.С. Пестушко описывает происходящие процессы в японском парламенте того времени, «как борьбу двух сторон, вылившуюся в качественное взаимодействие олигархии и политических партий» [8].

Следует признать, что опыт парламентаризма в Японии уникален, так как все эти события происходили на фоне мощного внешнего экономического давления со стороны США, России и Британии. Опыт описываемых исторических событий может быть полезен в условиях построения современных государств с относительно гомогенной политической культурой или, например, в странах подверженных выраженному внешнему давлению.

Построение института парламентаризма в современности часто сопряжено с экономическим давлением крупных держав извне. Японский опыт является одним из уникальных случаев борьбы с данным явлением. Политическая культура этой страны сформировала ту политическую систему, которая существует в Японии и сейчас. Консерватизм и традиционализм японцев во многом выражаются в сохранившейся клановой системе и массовой поддержке Либерально-демократической партии Японии. Последняя непрерывно (за исключением кратковременных периодов 1993 – 1994 и 2009 – 2012 года) обладает большинством в парламенте и образует так называемую «систему 1955 года» – ситуацию, когда оппозиция не может предоставить долгосрочную и качественную альтернативу доминирующей партии. К тому же, в случае резкого изменения политического курса, есть риск обрушить отношений со своим главным союзником – Соединенными Штатами. Учитывая зависимость Японии и возможность мощного экономического давления со стороны США, японцы не готовы серьезно поддерживать оппозиционные силы. Особенности политической культуры, консерватизм, международные взаимоотношения и политическая стабильность играют здесь первую скрипку в политическом выборе японской нации.

Таким образом, японская партийная система в эпоху Мэйдзи появилась в результате недовольства определённых слоёв населения, выразившихся, в частности, в виде локальных протестов и восстаний. Запрос народа на предоставление права управлять страной возник на фоне укрепления авторитарной власти группы Хамбацу. Мотивированы протесты были мыслью о том, что в случае учреждения парламента и предоставления какой-либо власти народу, это поможет смягчить последствия от экономических потрясений. Однако парламент был наделён малыми полномочиями и обладал формальной властью, так как окончательное решение государственных вопросов оставалось за императором. В течение нескольких лет после учреждения парламента, в нём существовало две группы, одна из которых представляла интересы олигархической группы Хамбацу, а другая – людей с либеральной позицией,

западников.

Всего эта система переживала несколько крупных изменений, сохраняя общий фасад. Во время начала Второй мировой войны (с образованием одной доминирующей «Ассоциации помощи трону» и фактическим прекращением внутрипартийной конкуренции), император хотел полностью подчинить себе парламент. После капитуляции страны в 1945 году происходит конституционная реформа и радикальное изменение системы в сторону либерализации и демократизации, а власть императора значительно уменьшается. Резкие перемены происходят с учётом консервативных особенностей страны, что вылилось в так называемую «систему 1955 года», сохранение клановой структуры внутри страны, а также вплетённых в экономику Кэйрацу (в переводе с японского языка – «система», «иерархический порядок») – переформатированных наследников ранее существующих Хамбацу. Во многом это перекликается с процессами зарождения в Японии институтов парламентаризма и партийной системы, с сохранением особенностей политической культуры государства. В итоге Япония стала самобытной парламентской демократией с уменьшенными полномочиями императора.

Список источников и литературы:

1. Карадже Т.В., Асонов Н.В., Деева Н.В., Мазун Л.С. Политическая культура как явление общественной жизни и объект социально-политического анализа: монография – М.: МПГУ, 2014. – 124 с.
2. Мельников А. П. Политическая культура Японии: традиции и современность // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. – 2012. – № 3. – С. 14-19.
3. Литвинюк И.П. Реставрация Мэйдзи и ее роль в истории Японии // От идеи к инновации: материалы XXVII международной студенческой научно-практической конференции – Ч. 3.– 2020. – С. 27-28.
4. Балакин В.И. Прусское влияние на формирование японской государственности периода Реставрации Мэйдзи 1868-1888 гг // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 4.– С. 112-121.
5. Антоненко С.Б. Роль Ито Хиробуми в процессе разработки и принятия Конституции Японии 1889 года // Казанский вестник молодых учёных. – 2021. – Т.5. – №3. – С. 26-28.
6. Мещеряков А.Н. Демографический взрыв в Японии периода Мэйдзи // Японские исследования. 2021. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskiy-vzryv-v-yaponii-perioda-meydzi> (дата обращения 10.02.2025).
7. Пантелеева М.В. К вопросу о становлении избирательной системы Японии // Россия и АТР. – 2014. – №3 (85). – С.126-133.
8. Пестушко Ю.С. На пути к созданию партийных кабинетов: особенности внутриполитического развития Японии в конце XIX - начале XX в / Ю. С. Пестушко // Ученые заметки ТОГУ. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 403-409.

9. 德富蘇悦ナショナリズムの形成について // 昭和文学の研究. [Соэцу Токутоми О формировании национализма // Исследование литературы Сева] – 1986. – Т. 12. – С. 33-43.
10. Mehl Margaret. History and the State in Nineteenth-Century Japan. The Sound Book Press. – 1998. – 205 p.
11. Монтескье Ш.Л. О духе законов; [Сост., пер. и comment. примеч. авт. А. В. Матешук]. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
12. Голякова Ю.В. Железный занавес Японии: влияние изоляции на Японское государство // Проблемы реформирования российской государственности: Материалы XIV Всероссийской конференции по национальному и международному праву, Екатеринбург, 20 декабря 2019 года. – Екатеринбург: Учебно-научная лаборатория «SAPIENTIA», 2019. – С. 113-117.
13. Дейноров Э.Г. История Японии. – М.: Аст, 2005. – 768 с.
14. Олигархия // Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 28-е изд., перераб. – Москва: Мир и Образование, 2000. – С. 682.
15. Конституция Японской империи. – URL: https://tugudv.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio55/ (дата обращения 10.02.2025). – Загл. с экрана.
16. Емельянова О.Н., Платонов Д.Н. Формирование и особенности промышленной системы Японии в 1870-1880-е гг // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2018. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-osobennosti-promyshlennoy-sistemy-yaponii-v-1870-1880-e-gg> (дата обращения 10.02.2025).
17. «Хакушаку Итагаки Тайсуке. Японский политик» Britannica (онлайн). – URL: <https://www.britannica.com/biography/Hakushaku-Itagaki-Taisuke> (дата обращения 10.02.2025). – Загл. с экрана.

УДК 94(4+7):323.1

DOI: 10.5281/zenodo.15771952

EDN: KLPURY

О.Р. Чугрина

кандидат исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы»

E-mail: oksana_chygrina7@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В 1970-1990-х гг.

Аннотация

Статья посвящена основным тенденциям этнотERRиториального развития и реформирования стран Западной Европы в 70-90-е гг. XX века. В работе рассматривается сочетание национального и интеграционного как условия формирования европейского культурного идентитета и главного принципа структурирования западноевропейского пространства. В работе отмечено, что отличительной чертой данного периода стало «расщепление» территориальности и определённая эволюция концепции суверенитета, что способствовало ослаблению этнической напряжённости.

Ключевые слова: интеграция, национализм, регионализм, территориальность, культурный идентитет

Summary

This article is devoted to the main trends in the ethnoterritorial development and reformation of the countries of Western Europe in the 70-90s of the XXth century. The paper considers the combination of national and integration as a condition for the formation of a European cultural identity and the main principle of structuring the Western European space. The paper notes that a distinctive feature of this period was the “splitting” of territoriality and a certain evolution of the concept of sovereignty which contributed to an easing of ethnic tensions.

Keywords: integration, nationalism, regionalism, territoriality, cultural identity

Последние десятилетия XX века с его политическими и духовными изменениями обусловили качественно новую геополитическую ситуацию, в которой развивались интеграционные процессы. А именно, сочетание роста глобальных и региональных процессов, интернационализации и интеграции с одной стороны, а с другой – рост национализма.

Анализ и осмысление тенденций современных этнополитических процессов в научной литературе получили широкое распространение, однако проблема сочетания национального и наднационального требует постоянной глубокой разработки в условиях глобальных трансформаций для обеспечения этнополитической стабильности мира. Многие подходы к сочетанию принципа национализма с интернационализацией связаны с переоценкой фактора территориальности. Проявления «расщепления» территориальности является отличительной чертой постмодернистской эпохи в глобальной политике.

Целью данной работы является изучение основных тенденций этнотERRиториального развития стран Западной Европы в последней трети XX века.

Определённая эволюция концепции суверенитета на основе признания его делимости и нетерриториальных форм начала реализовывать в условиях все более глобализирующегося мира. Новый подход к территории способен изменить логику политики государств и понимание суверенитета. Перспектива такого сочетания национального и интеграционного открывает возможности для удовлетворения требований этнических движений и решения общей проблемы несовпадения этнических, культурных, национальных и государственных границ. Именно в таком ракурсе рассматриваются среди специалистов проекты экстерриториальной национально-персональной автономии или международного режима «национальных отечеств», которые не обязательно совпадают с государственными границами.

Значительная часть исследователей предпочитают толковать нацию как согражданство и поликультурность и доказывают, что национальная государственная модель вовсе не обязательно должна сочетаться с повышением статуса этнической культуры большинства и с ассимиляционным направлением политики. Как пишет Г. Хофстед «нации-государства как политические объединения, на которые разделён весь мир и к которым принадлежит любой человек, является самым новым феноменом в человеческой истории... Многие нации-государства исторически образовывались и развивались как целое, даже если они состояли из разных регионов и этничностей» [8, с. 23-24]. Неслучайно на Западе классическая модель национального государства уже не воспринимается как оптимальная.

Национальная идея содержит в себе не только политическое содержание, но и отстаивает культурные отличия. Опыт и Запада, и Востока демонстрирует, что признание культурной самобытности и обеспечение соответствующих прав разных этносов в пределах одного государства не только не гарантирует воздержание от политизации этих требований, но и нередко ему способствует. Кроме того, в условиях демократии только наличие особого идентитета может служить стабильным критерием для разграничения самоопределяющихся единиц. Например, в своем культурном самоутверждении меньшинства объективно оказываются в ситуации острого соперничества с более сильной культурой, опирающейся на идею единой суверенной нации. Это закономерно ведёт к политизации их программ, побуждает их добиваться политического

признания в форме автономии или суверенитета. В сфере межэтнической проблематики ресентимент (наставление на ценностное сравнение себя с другими, вражда, ненависть) очень опасен. Каждое более прогрессивное политическое образование, с одной стороны, уменьшает поле возможностей для ресентимента, имевшего место в предыдущем устройстве, с другой, создаёт для него новые возможности. Однако не следует идеализировать демократические институты, превознося их возможности, потому что ресентимент коренится в человеческой природе.

Следует отметить, что важным феноменом является устойчивость не только культурных идентитетов, но и национального сознания. Духовная сфера национальной жизни воплощается не только в людях, составляющих нацию на данный момент, но и во всем наследии, которое способно к реинтерпретации. Этим обеспечивается принятие и устойчивость национальных идентитетов, которые, по мнению Э. Смита, способны «пережить отступление или апатию большого числа отдельных членов коллектива» [9, с. 59].

Политическая интеграция на европейском пространстве, формирование новой наднациональной культурной общности и эрозия существующей национально-государственной системы самоидентификации требовали нового принципа структурирования интеграционного пространства. Таким принципом можно считать регионализм – тем более что для некоторых территорий этот тип самоидентификации до настоящего времени остается предпочтительным (Шотландия, Корсика, Страна Басков и др.) Так, 53% обитателей Галисии и практически половина обитателей Канарских островов идентифицируют себя, сначала, со своим регионом, а потом уже со страной в целом; 82% жителей Каталонии гордятся тем, что они каталонцы, и в то же время 73% – что они испанцы. Таким образом, это свидетельствует и о сохранении региональной идентичности, и о восприятии национальной и т.п. Здесь национально-государственный уровень политической организации становится зажатым между наднациональным и региональным уровнями, при чем последний часто воспроизводит национально-государственную модель в уменьшенном варианте.

В Западной Европе регионализация возникла как поиск территориальных и институциональных границ более подходящих, чем государство для стимуляции экономического развития. Она возникла так же, как ответ на требование автономии, исходящее от определенных групп населения, чья специфическая культура связана с частью территории, которая имеет свою собственную историю. Органы субнационального (регионального и местного) самоуправления стали опираться на федеративные или унитарные основы [10, с. 22]. Европа рассматривает регион как крупнейший резерв для внутреннего единства ЕС. Европейская региональная политика направлена на уменьшение роли государства, путем развития федерализма и регионализма, и пытается обойти государство-нацио сверху через создание континентальной федерации, а снизу – путем развития регионов [11, с. 54-55].

Наднациональный интеграционный процесс, формально отвергая этнокультурный принцип политической интеграции, объективно способствовал

развитию регионалистского самосознания и активизации национализма этнических меньшинств. Например, в начале 60-х гг. XX в. обрела поддержку идея федеративной «Европы народов», которая структурировалась по этнокультурному принципу и наиболее полно соответствовала попыткам этнонациональных меньшинств, проживающих компактно. В 1975 г. в Брюсселе по инициативе национальных политических партий Бретани, Уэльса, Эльзаса, Баскского региона было создано Бюро непредставленных наций Европы, в функции которого входят как координация деятельности коренных этнических меньшинств, так и отстаивание их интересов на общеевропейском уровне. В 1995 г. 11 партий, представлявших национальные движения коренных этнических меньшинств континента, создали федерацию «Солидарные регионы и народы». В 1988 г. ежегодная конференция Шотландской национальной партии выдвинула лозунг независимости Шотландии в пределах ЕС со статусом, схожим со статусом Дании или других малых государств-членов ЕС. В 1999 г. с аналогичной концепцией выступил Бретонский демократический альянс [4, с. 50-51].

В условиях противостояния с другими цивилизациями приобрел очертания такой феномен как «европейский национализм», который приходит на смену традиционному «государственному» национализму. Вместе с тем, лозунг «Европы регионов» привел к жизнеспособности локальных национализмов, которые носят чаще чисто этнический характер. Этим объясняется живучесть и долгосрочность этнонациональных проблем в Бельгии, Испании, Италии, Великобритании и других западноевропейских странах.

В 80-90-е гг. XX в. Европа перешла к осуществлению масштабного исторического проекта – достижению политической, экономической и социальной интеграции. Для Европы требовалось создание гармоничной модели этнонационального и социокультурного развития. И здесь речь шла не о совпадении границ этнического, культурного, национального и государственного единства. Чтобы выработать стратегию управления этническими отношениями, необходимо было на всем полигэтническом пространстве найти общие взаимоприемлемые ценности и нормы. Необходимо было выработать общие правила, которые, с одной стороны, были бы универсальны, а с другой – не ущемляли бы традиции, ценности и интересы этносов, входящих в полигэтническое общество. Поэтому возникла потребность заключить так называемый «общественный договор» между государством и всеми этносами, входящими в него. И хотя такой договор не может регламентировать все детали межэтнического взаимодействия, он должен был содержать основополагающие нормы и принципы: гарантии безопасности личности и этноса, равенство, запрет на насилие при возникновении противоречий, разрешение конфликтов мирными средствами и т.д. При этом нельзя отдавать предпочтение какой-либо одной стороне конфликта.

Исторический опыт межэтнического и межнационального взаимодействия доказывает, что культурные различия менее подвержены изменению, чем экономические и политические. В теории С. Хантингтона культурным

различиям придается не только социальное, но и политическое содержание. Его ключевая идея состоит в том, что отличия в культуре, базовых ценностях и верованиях являются источником конфликта в борьбе за военную, экономическую и политическую власть [12, с. 234-235]. Облик мира будет формироваться за счёт взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций: западной, конфуцианской, японской, исламской, индуистской, православно-славянской, латиноамериканской и, возможно, африканской. С. Хантингтон связывает культурные различия, культурную дистанцию с geopolитическими последствиями – конфликтами и войнами. По его мнению, источники конфликтов будут определяться культурой, а наиболее значимые конфликты будут разворачиваться между нациями и группами, относящимися к разным цивилизациям [12, с. 396].

Наибольшую опасность для общей стабильности представляют локальные конфликты, в частности, внутренние социальные и этнические конфликты в странах. И если социальные конфликты подвергаются эффективному и полному урегулированию внутри страны, то источник этнических конфликтов в многонациональных государствах исчезают только после геноцида или ассимиляции негосударственных этнонациональных сообществ, или с образованием независимых национальных государств. Кроме того, этнические конфликты внутри страны часто становятся основными факторами обострения международных отношений.

Большинство ученых сходятся в том, что историческое развитие в XXI веке будет происходить скачкообразно, соотношение инерционности и динамики в нем тяжело прогнозируется. В частности, П. Парте считает, что «перекрестное влияние двух тенденций – разрушительной и созидательной – является тем фактором, который определял европейское XX столетие, и, возможно, будет предопределять большую часть столетия следующего (если не всего целиком)» [13, с. 13]. В условиях, когда глобализация делает сильных ещё сильнее, а слабых еще слабее, приоритетное значение приобретает выработка стратегий национального развития и социально-трансформационных моделей.

Следовательно, обеспечение глобальной устойчивости невозможно без полной и безусловной реализации прав народов на самоопределение вплоть до создания суверенных национальных государств. Процесс создания независимых государств должен протекать в условиях максимальной устойчивости и стабильности, чтобы не стать детонатором глобальных катастрофических процессов. Особенно это касается противоречий по поводу исторической территории между государственными народами. В этом случае при демократическом устройстве существуют достаточно эффективные механизмы обеспечения интересов коренных народов, этнонациональных меньшинств без пересмотра межгосударственных границ.

Национализм должен дополняться определением универсального измерения развития человечества прав личности, моральных законов, наднациональных и трансгосударственных форм общности. Футурологи считают, что национально-государственный тип самоидентификации

постепенно уступит место сознанию наднациональной европейской общности и региональному субнациональному типу первичной самоидентификации. Следовательно, взвешенная и продуманная этнополитика должна предусматривать не только урегулирование межэтнических отношений, но целенаправленное влияние на социокультурные приоритеты, языковые ориентации. Государство и социум должны предложить гражданину на выбор несколько ориентационных моделей и помочь ему самоопределиться.

Профессор Женевского университета Д. Сиджански видит будущее Европы и всего человечества в федерализме и считает, что это единственная форма общественной организации, способная гарантировать национальную и региональную идентичность в гармонии с требованиями взаимозависимости и глобализации. Опираясь на принципы европейского федерализма, можно противостоять дезинтеграционным процессам и придать новые импульсы европейской интеграции, новое качество европейскому развитию в целом. Основу создания федерального союза составляет единство европейской культуры, поэтому существует глубинная связь между культурным плюрализмом и федерализмом. Лишь на основе европейского единства, плюралистической культуры можно образовать федеральный союз [14, с. 10-11, 214].

Формирование этнонациональной модели государства существенным образом зависело от формы государственного устройства и стратегий, которые применялись правительством в той или иной стране в зависимости от культурно-исторических условий, политических обстоятельств и т.д. Этнорегионализация имела успешные результаты в тех случаях, когда этнические сообщества были хорошо мобилизованы, составляли большинство (как, например, фланандцы в Бельгии) или значительное меньшинство (как баски и каталонцы в Испании), их условия и требования были приемлемы для переговоров и т.д. Следовательно, государственная национальная политика становится в регионах фактором этнополитического развития, приобретая черты, которые отражают местную специфику.

С конца 70-х-80-х гг. XX века усиливался процесс регионализации в целом, и в частности, этнической. Создание этнотерриториальных федеративных структур и региональной автономии можно использовать как способ ослабления этнической напряжённости. Федерализм, долго считавшийся угрозой единства нации, рассматривается его сторонниками как форма общественной организации, способной гармонично сочетать национальную и региональную идентичность и требования взаимной зависимости и объединения. Структурная федерализация (кантонизация, автономизация, децентрализация), по сути, представляет собой метод установления доверия и устранения опасений иноэтнических групп благодаря территориальным гарантиям. В 80-90-е гг. XX в. этот вариант был использован правительствами некоторых стран Западной Европы. Для стран, в которых разные этносы расселены компактно, одним из наиболее эффективных инструментов регулирования межэтнических отношений и обеспечения национального равенства остаётся федеративное устройство или

создание автономных территориальных единиц в рамках унитарного государства (как Швейцария, Бельгия, Испания). Это свидетельствует об определённой эрозии национально-государственных суверенитетов.

Западная этнополитология и практика решения этнополитических проблем отвергают тезис о «едином и неделимом государстве» в традиционном понимании. Взамен они выдвигают тезис «автономия и федерализм вместо централизма», а также принцип субсидиарности. Основной тенденцией 80-90-х гг. XX века стала децентрализация всех сфер общественной жизни, в которой максимально использовались принципы федерализма. Атрибутами новой системы межэтнических и межнациональных отношений стало «расщепление» территории, новое понимание суверенитета, наднациональный и субнациональный аспект в решении этих проблем и т.д. Новая система расширяла возможности для защиты и согласования интересов отдельных стран и регионов, гарантировала межнациональный и межгосударственный мир, несла целый комплекс экономических выгод, защищала интересы европейцев в целом.

Список источников и литературы

1. Гриффитс Р.Т. Основания европейской интеграции: Пер. с англ. / Р.Т. Гриффитс // Полис. – 2002. – № 4. – С. 135-145.
2. Мартин Г.-П., Шуман Х. Западня глобализации: атака на процветание и демократию: Пер. с нем. / Г.-П. Мартин, Х. Шуман. – М.: Изд. дом «Альпина», 2001. – 335 с.
3. Нарочницкая Е.А. Интеграция и национализм: две стороны одной реальности / Е.А. Нарочницкая // Развитие интеграционных процессов в Европе и Россия: Пробл.-темат. сб. – М.: ИНИОН РАН, 1997. – С. 143-173.
4. Тэвдой-Бурмули А. Интеграция и кризис идентичности: националистический вызов объединяющейся Европе / А. Тэвдой-Бурмули // Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 42–63.
5. Henderson C. W. International Relations: conflict and cooperation at the turn of the 21st century / C. W. Henderson. – Singapore, International Editions, 1998. – 520 p.
6. Holton R. Globalization and the nation-state / R Holton. – N-Y., 1998. – 173 p.
7. Olsen J.P. Europeanization and Nation-State Dynamics // The Future of the Nation-State: Essays on Cultural Pluralism and Political Integration / J.P. Olsen. – Stockholm, Nerenius & Santerus Publishers, 1999. – P. 245-285.
8. Hofstede G. The Nation-State as a Source of Common Mental Programming: Similarities and Differences Across Eastern and Western Europe / G. Hofstede // The

Future of the Nation-State: Essays on Cultural Pluralism and Political Integration. – Stockholm, Nerenius & Santerus Publishers, 1999. – P. 23-24.

9. Smith Anthony D. National Identity / A. Smith. – University of Nevada Press, 1991. – 226 c.

10. Бредихин А.В. Ретроспектива административных реформ в странах Западной Европы во второй половине XX века / А.В. Бредихин, О.Р. Чугрина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2020. – № 4. – С. 21-26.

11. Чугрина О.Р. Трансформация европейской региональной политики в условиях становления парадигмы «нового» регионализма (1970-1990е гг.) / О.Р. Чугрина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2. – С. 50-55.

12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: Пер. с англ. / С. Хантингтон. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 603 с.

13. Парте П. Европа на пороге XXI века / П. Парте // Европа на пороге XXI века: Ренессанс или упадок? – М.: ИНИОН, 1998. – С. 12-29.

14. Сиджански Д. Федералистское будущее Европы: От Европейского сообщества до Европейского Союза / Д. Сиджански. – М.: Рос. гуманит. ин-т, 1998. – 420 с.

УДК: 94(477)"2024":271.2-67
DOI: 10.5281/zenodo.15771954
EDN: IRJRSA

Д.В. Посредников

кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: posrednikov.d@mail.ru

**УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ УКРАИНЫ:
ОТ ДИСКРИМИНАЦИИ К ЗАПРЕТУ**

Аннотация.

Статья посвящена анализу положения Украинской Православной Церкви в контексте конфессиональной политики украинского государства. Автор рассматривает трансформацию государственной политики — от ограничительных мер и дискриминации до законодательных инициатив и практических шагов, направленных на запрет УПЦ. Особое внимание уделено правовому регулированию религиозной деятельности, влиянию geopolитических факторов, вопросу соблюдения принципов свободы совести и вероисповедания. В статье используются нормативно-правовые акты, официальные заявления и факты, что позволяет оценить динамику и последствия конфессиональной политики в отношении УПЦ.

Ключевые слова: конфессиональная политика, ПЦУ, религия, УПЦ, Украина.

Summary.

The article is devoted to the analysis of the position of the Ukrainian Orthodox Church in the context of the confessional policy of the Ukrainian state. The author examines the transformation of state policy — from restrictive measures and discrimination to legislative initiatives and practical steps aimed at banning the UOC. Special attention is given to the legal regulation of religious activity, the influence of geopolitical factors, and the issue of compliance with the principles of freedom of conscience and religion. The article draws on legal acts, official statements, and factual evidence, which makes it possible to assess the dynamics and consequences of the confessional policy toward the UOC.

Keywords: confessional politics, OCU, religion, UOC, Ukraine.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что в 2024 году основными событиями государственно-конфессиональных отношений Украины стали

принятие Закона № 3894, прекращение деятельности Украинской православной церкви (УПЦ) в Киево-Печерской лавре, обыски в храмах УПЦ. Данные действия, инспирированные государством, вызвали острое внутренне и международные споры о свободе вероисповедания, национальной безопасности и церковной автономии Украины. На Украине решение проблемы православия видится в необходимости полной ликвидации УПЦ как «российской церкви» с целью консолидации украинской нации и укрепления государственного суверенитета. 29 января 2025 г. МИД РФ выступил в поддержку УПЦ. В повторном (после 2023 года) докладе «О незаконных мерах, предпринимаемых властями Киева в отношении УПЦ, ее служителей и верующих» констатируется: «Киевские власти и Запад пытаются разъединить русский и украинский народы, разрушить духовную близость православных верующих двух стран, даже, невзирая на решение УПЦ о независимости от Московского патриархата. ... Для ликвидации УПЦ создана и наращивается соответствующая законодательная база. ...На Соединенных Штатах, как и на Константинопольском патриархате, лежит основная доля ответственности за православный раскол на Украине...» [15]. В настоящее время актуальным видится исследование законодательных изменений, их влияния на положение Украинской Православной Церкви; реакции различных сторон на эти процессы.

Цель: выявить сущность государственной конфессиональной политики Украины по отношению к УПЦ.

Украинская Православная Церковь является крупнейшей религиозной организацией Украины по количеству общин, культовых сооружений и верующих. По данным УПЦ, на начало 2025 года церковь насчитывала около 11000 общин, 5–6 млн верующих, прихожан (что не тождественно числу «сторонников», фигурирующих в украинских соцопросах), имеет каноническую преемственность и историческую обусловленность служения на Украине. Митрополит Онуфрий в интервью в 2016 году говорил: «Они хотят, чтобы Церковь менялась, как политические течения, а Церковь не может меняться, потому что правда Божья одна. Меняются политические лозунги, а Божья правда не меняется» [13].

Параллельно с УПЦ на Украине до декабря 2018 года действовали две крупные неканонические религиозные организации – Украинская Автокефальная Православная Церковь (УАПЦ) и Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата (УПЦ КП). В конце 2018 года в противовес канонической Украинской православной церкви сформирована Православная Церковь Украины (ПЦУ), которая на текущий момент насчитывает 7 500 общин. УПЦ КП утратила позиции, имеет менее 100 приходов.

1 декабря 2022 г. Совет национальной безопасности и обороны Украины (СНБО) принял решение, цель которого – ограничение прав общин УПЦ. В решении был утвержден ряд мер, в том числе: разработка Кабинетом министров законопроекта о запрете УПЦ, усиление давления на неё украинских спецслужб, лишение ее права пользования храмами наиболее древнего и крупного монастыря – Киево-Печерской лавры, введение «санкций» в отношении её

епископов. Решение СНБО введено в действие указом В. Зеленского. В январе 2023 года в Верховную Раду по инициативе В. Зеленского и Кабмина был внесен соответствующий законопроект [18].

В 2025 году ТГ-канал Donald Trump на русском был предан огласке факт, как в 2019 году 70 НКО, финансируемых по линии USAID, применили шантаж по отношению к тогда еще легитимному президенту: «Если Президент пересечет эти красные линии (поддержка УПЦ и дискредитация ПЦУ – ДП), такие действия неизбежно приведут к политической нестабильности в нашей стране и ухудшению международных отношений» [29].

Вслед за этим Государственная служба по этнополитике и свободе совести (ГСЭСС) опубликовала «Заключение религиоведческой экспертизы Устава об управлении Украинской Православной Церкви на наличие церковно-канонической связи с Московским патриархатом», которая установила наличие церковно-канонической связи УПЦ с Русской Православной Церковью (РПЦ), то есть «доказала» связь УПЦ со «страной-агрессором». Первым подпись под экспертизой поставил бывший начальник донецкого управления по делам религий И.А. Козловский [8].

Далее, в январе 2023 года украинская кампания Info Sapiens провела соцопрос, результат показал снижение среди украинцев числа празднующих Рождество по юлианскому календарю (7 января, как УПЦ) и «увеличение» доли празднующих по новоюлианскому (25 декабря, как ПЦУ), а также отобразил «снижение популярности» УПЦ (4% украинцев, в то время как к ПЦУ отнесли себя 41%, 24% не отнесли себя ни к одному патриархату) [9]. Соцопрос, проведенный в мае–июне 2023 года Киевским международным институтом социологии (КМИС, работал на средства USAID) показал готовность 50–75% украинцев (в зависимости от региона) к полному запрету УПЦ [28].

19 мая 2023 года Киевский окружной административный суд постановил, что УПЦ до сих пор не разорвала связь с РПЦ и является ее частью, что может стать основанием для ее запрета. Данные постановления были ложными, поскольку ещё в мае 2022 года Собор УПЦ заявил о «полной самостоятельности и независимости» УПЦ от РПЦ, внёс соответствующие изменения в Устав, что могло быть учтено, если бы на Украине существовало правовое государство.

19 октября 2023 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в послании Предстоятелям Поместных Православных Церквей, религиозных деятелей, представителям международных организаций выразил тревогу по поводу свободы интерпретаций, предоставляемым ГСЭСС законопроектом №8371: «Не нужно быть юристом, чтобы понять, что предложенная схема открывает простор для всевозможных злоупотреблений» [21].

Следует заметить, что в украинском политико-конфессиональном дискурсе Украинская Православная Церковь стигматизирована как «УПЦ Московского патриархата», где «Московский патриархат» применяется, как синоним слова «враг», что само по себе должно дискредитировать церковь в глазах украинцев.

Накануне голосования закона официальные лица Украины сочли необходимым выступить с заявлением. В. Зеленский: «УПЦ – это не церковь, а инструмент Москвы для манипуляций. Мы обеспечим духовную независимость Украины» [7]. А. Ермак: «Мы не потерпим предательства под рясами..., мы вычистим предателей из святынь» [6]. Депутат ВР Н. Княжицкий назвал УПЦ «пятой колонной», «агентами Кремля». Экс-министр культуры и информационной политики А. Ткаченко сопроводил публикацию требования по передаче Киево-Печерской лавры от УПЦ государству следующим текстом (накануне произошел прорыв дамбы на Каховском водохранилище, вину за который украинское руководство возложило на Россию): «Очередной ужасный день для нашей страны из-за экоцида, совершенного Россией. Но мы продолжаем работать и каждый такой акт терроризма придает нам сил делать это упорнее, чтобы очистить нашу землю от русского мира» [12].

17 августа 2024 года Всеукраинский совет церквей и религиозных организаций (ВСЦИРО) поддержал закон, назвав его шагом к «духовной деколонизации», осудил «деятельность РПЦ и её филиалов» как соучастников российской агрессии, призвал к диалогу между УПЦ и ПЦУ [5], что вызвало критику со стороны предстоятеля УПЦ митрополита Онуфрия.

Острые дискуссии возникли на стадии подготовки и принятия Закона №3894. Сторонники закона (депутаты ВР от «Слуг народа» и «Европейской солидарности», власть, ПЦУ и руководство других конфессий) классифицировали УПЦ как инструмент российского влияния, распространяющий идеологию «Русского мира», угрожающий национальной безопасности Украины; сослались на случаи коллаборационизма отдельных клириков УПЦ. Всего в Верховную Раду было внесено 11 законопроектов о запрете или ограничении деятельности иностранных религиозных организаций и их филиалов.

Руководство УПЦ, правозащитники, часть международного сообщества полагали, что с 2022 года церковь независима от РПЦ, что Закон № 3894 нарушает свободу вероисповедания, гарантированную Конституцией Украины (ст. 35) и Европейской конвенцией по правам человека (ст. 9), что законодатель рассматривает распространение религиозных убеждений как основание для ликвидации религиозной общины. Противники закона из числа депутатов ВР назвали закон популистским (Ю. Бойко), указали на размытость термина «аффилированность», на чрезмерные полномочия, предоставленные властям.

20 августа 2024 года Верховной Радой Украины был принят Закон № 3894 -IX «О защите конституционного строя в сфере деятельности религиозных организаций» (принят во втором чтении; 265 голосов «За» при необходимых 226); вступил в силу 30 сентября 2024 года [4]. Основная цель закона – запретить деятельность религиозных организаций, «аффилированных» с государством-агрессором, то есть Россией. Хотя закон формально не указывает на конкретные организации, очевидно, что он направлен против Украинской Православной Церкви. Закон предоставил ГСЭСС полномочия проводить экспертизу и инициировать судебный запрет организаций, если их связь с Россией будет

доказана; общинам дано 9 месяцев на разрыв таких связей, после чего, с марта 2025 года ГСЭСС начнёт проверки общин УПЦ. При доказательстве «аффилированности» (например, упоминания патриарха Кирилла за литургией) суды смогут ликвидировать любые юрлица УПЦ – от Киевской митрополии до отдельных приходов.

Закон для УПЦ как религиозной организации создаёт массу проблем. Храмы и монастыри могут быть переданы ПЦУ или государству. Новый закон позволяет расторгать аренду госимущества до судебных решений. Общинам УПЦ предлагается перейти в ПЦУ для сохранения статуса.

Закон для государства создает определенные сложности, так как за много лет Верховной Радой не был решен вопрос о предоставлении статуса юридического лица религиозным объединениям. Украинская Православная Церковь как юридическое лицо не регистрировалась; в качестве юрлиц были зарегистрированы по отдельности приходы, монастыри, братства, учебные заведения и прочее. УПЦ уже заявила о намерении оспаривать закон в украинских и международных судах (ЕСПЧ), что объективно растянет реализацию закона на годы.

Позиция глав украинских религиозных организаций по отношению к УПЦ была предсказуемой. Глава УГКЦ митрополит Святослав Шевчук осудил верующих УПЦ как «пособников оккупантов» [2]. Глава Всеукраинского союза баптистов Валерий Антонюк поддержал запрет УПЦ, назвав её «угрозой единству» (украинского народа – ДП). Епископ Римско-католической церкви Виталий Кривицкий сообщил, что РКЦ хранит нейтралитет, но поддерживает идею поместной церкви для Украины. Патриарх Варфоломей (Константинопольский патриархат) на встрече с представителями Украины, заявил, что «духовная независимость Украины – приоритет». Архиепископ Памфильский, правящий епископ Западной епархии УПЦ в США (Константинопольский патриархат) Даниил (Зелинский) призвал УПЦ разорвать связи с РПЦ, иначе «она потеряет легитимность».

Организации украинской диаспоры в США и Канаде (Союз украинцев Канады, Украинский дом в США) лоббировали передачу ПЦУ Киево-Печерской лавры и осудили УПЦ как «московскую агентуру».

Соцопрос, проведенный КМИС в сентябре–октябре 2024 года, показал снижение числа верующих УПЦ за 2024 год с 15% в 2020 до 6% [19]. За соответствующий период доля сторонников ПЦУ выросла с 34% до 56%. Тот же опрос показал, что 80% респондентов поддерживают Закон № 3894.

22 августа 2024 г. было обнародовано Заявление Священного Синода Русской православной церкви: «...инициаторы и сторонники...не скрывают, что законопроект направлен непосредственно против Украинской православной церкви; что цель этого закона – в ликвидации её и всех ее общин либо в принудительном их переводе в иные религиозные организации. Сотни монастырей, тысячи общин, миллионы православных верующих на Украине окажутся вне правового поля, потеряют свое имущество и место молитвы» [22].

Наряду со стремлением запретить деятельность УПЦ как религиозной организации, на Украине продолжаются аресты архиереев, священнослужителей и прихожан УПЦ, что началось в 2014 году, интенсифицировалось с осени 2022 года и продолжается по сей день [15]. По данным Госдепартамента, СБУ с 2022 года провела 41 тыс. расследований в отношении УПЦ за якобы сотрудничество с Россией, обыскала 350 церковных зданий [27]. С февраля 2022 г. по конец августа 2024 г. возбуждено более 100 уголовных дел против священнослужителей УПЦ, 50 иерархам и клирикам вручены судебные повестки, в отношении 26 из них вынесены обвинительные приговоры [15] (по другим данным обвинения были предъявлены 37 священнослужителям УПЦ, 23 человека получили судебные приговоры). 19 священников лишены гражданства за ведение «пророссийской пропаганды» [26]. 20 февраля 2023 г. было предъявлено обвинение митрополиту Черкасскому и Каневскому Феодосию. 1 апреля 2023 г. СБУ провела обыск в доме наместника Киево-Печерской лавры митрополита Вышгородского и Чернобыльского Павла (Лебедя), позднее его арестовали, предъявили обвинения по ч.1 ст.161 («Нарушение равноправия граждан в зависимости от их расовой, национальной, региональной принадлежности, религиозных убеждений») и ч.1 ст.436–2 («Оправдание, отрицание вооруженной агрессии РФ против Украины, glorификация ее участников»), возложили санкции. Под санкции попали: находящийся на покое митрополит Иосиф (Масленников), управделами УПЦ митрополит Бориспольский и Броварский Антоний (Паканич), председатель отдела внешних церковных связей УПЦ митрополит Черновицкий и Буковинский Мелетий (Егоренко) и др. Последний в результате «объекта» в управлении и кафедральном соборе Черновицко-Буковинской епархии подвергся публичному унижению: его вынудили раздеться и сфотографироваться вместе с молодыми келейниками, снимки с клеветническими обвинениями и комментариями были опубликованы в соцсетях. 19 епископов и священнослужителей УПЦ были лишены украинского гражданства: митрополиты Ионафан и Мелетий (Егоренко), митрополит Днепропетровский и Павлоградский Ириней (Середний), наместник Свято-Успенской Святогорской лавры митрополит Святогорский Арсений (Яковенко), митрополит Хустский Марк (Петровцев), архиепископы Бучанский Пантелеймон (Башук), Арцизский Виктор (Быков) и другие.

Основанием для ареста и обвинения в государственной измене, как это было с иеромонахом Лаврентием (Луганская епархия) (осужден по статье 111 УК Украины («Государственная измена») на 7 лет), могло служить распространение листовок с призывом к «воссоединению с Россией». Протоиерей Николай Данилевич: в ноябре 2024 года СБУ зафиксировала его переписку с российскими контактами, в которой он якобы оправдывал войну. В феврале 2025 года СБУ сообщила о двух настоятелях храмов УПЦ в Черниговской области, которые «восхваляли Путина» и распространяли антиукраинские материалы. Епископ Виктор (Коцаба) в октябре 2024 года в интервью упомянул «историческое единство» с Россией, что было истолковано как пророссийская позиция; подвергся критике и допросам со стороны СБУ. Иерей Павел Белый в декабре

2024 года публично заявил на приходе, что «Россия защищает православие»; осуждён на 5 лет. Монах Киево-Печерской лавры Иоанн: в декабре 2024 года задержан за «распространение пророссийских идей», находится под следствием. Журналист Союза православных журналистов П. Волков: в январе 2025 года арестован за статьи в поддержку УПЦ, дело по статье 436 («Пропаганда войны»). Основанием для ареста и обвинения служили высказывания и деятельность клириков УПЦ. В результате, несмотря на тщательность обысков, проведенных во всех епархиях УПЦ, улики свелись к богословской, богослужебной, исторической литературе на русском языке либо к подложным листовкам. В некоторых случаях материалы подбрасывались в присутствии жертв. Подтверждённых фактов массовой антиукраинской деятельности УПЦ не обнаружено. Обвинения касались отдельных священнослужителей; на УПЦ материал для запрета не обнаружен.

Несколько священников, осужденных в июне 2024 года, обменяли на украинских военнопленных и передали России: клирика Днепропетровской епархии Лунегова, приговоренного к 5 годам по обвинению в «оправдании агрессии против Украины» и настоятеля Георгиевского храма УПЦ в Ямполе Закроева. При посредничестве папы римского Франциска освобожден митрополит Тульчинский и Брацлавский Ионафан (Елецких), осужденный на 15 лет по статье об «оправдании агрессии против Украины», фактически, за публикацию, в которой он рассуждал «о главенствующей роли Московского патриархата в православном христианстве» [14]. Обыски и аресты сопровождались изъятием церковной литературы и техники.

«...Речь идет не столько о запрете УПЦ, – как считает вице-президент Центра политических технологий А. Макаркин, – сколько о замене внутри неё тех, кого власти считают для себя неприемлемыми. УПЦ ...подталкивают к резкому отмежеванию от Москвы, и чтобы она официально провозгласила себя автокефальной. А поскольку двух автокефалий в одном государстве быть не может, то тогда неизбежно будет следовать сближение УПЦ с ПЦУ. ...Священноначалие понимает, что это будет не только полный разрыв с Москвой, но и сильный внутрицерковный конфликт... Открытый запрет УПЦ для властей Украины сейчас невыгоден, потому что начнется сильная внутренняя смута. Для Киева более удобно не прямое подавление, а удушение, которое часть верующих может даже и не заметить» [11].

Следует заметить, что клир УПЦ на сегодняшний день в основном укомплектован этническими украинцами, не имевшими, в отличие от старшего поколения, связей с Россией, поддерживающих Украину, автокефалию УПЦ. Нельзя сказать, что УПЦ помогала ВСУ, собрав гуманитарную помощь на 10 млн долларов, только под давлением обстоятельств. Проукраински настроенная часть духовенства с февраля 2022 года отказалась от поминовения Патриарха Кирилла, публично выступает с резко антисербскими заявлениями. 13 января 2023 года Правительственный портал опубликовал петицию против запрета УПЦ, начинаяющуюся с обращения: «...мы, верующие УПЦ, свидетельствовали о своей патриотической позиции, осуждали факты коллоквиации с врагом и

подчеркивали, что, как граждане Украины, поддерживаем наше государство в его борьбе за независимость и территориальную целостность и никогда не работали в интересах Российской Федерации...» В августе 2023 года после разрушения Одесского Спасо-Преображенского собора викарий Одесской епархии архиепископ Арцизский Виктор направил Патриарху Московскому Кириллу и членам Синода РПЦ открытое письмо: «Не единожды Вы, в своих проповедях говорите о единстве «Святой Руси», которое Вы своим благословением и делами полностью уничтожаете. Прошу также Вас обратить внимание на то, что именно личным Вашим благословлением воинство РФ сегодня производит бесчинство и откровенную войну на суверенной территории Украинской Державы. По-моему, вы забыли о том, что, как и в России, и в Украине есть(были) ваши дети, которых вы таковыми и считаете, и, благословили тех, кто сегодня их убивает» [16]. Ответ патриарха опроверг несправедливые обвинения: «...вся полнота Русской Церкви молится и о каждом погибшем, и о потерявших в ходе конфликта родных и близких, и об оставшихся без крова. Вся полнота Русской Церкви скорбит о каждой разрушенной или попранной святыне...» [16].

По информации председателя Российской ассоциации защиты религиозной свободы С. Мельникова, с 2014 года были насильственным образом отобраны и переданы раскольникам 1 300 храмов УПЦ. По данным ГСЭСС, большинство из них, 968 приходов УПЦ, «перешли» в состав ПЦУ с февраля 2022 года по январь 2024 года. В мае 2024 года представляющий интересы УПЦ адвокат Р. Амстердам сообщил, что с 2019 года насильственно переданы ПЦУ более 1500 храмов УПЦ [25]. В 2024 году были изъято или перерегистрировано в пользу ПЦУ около 150 храмов УПЦ. Очевидно, что цифры будут варьироваться из-за сокрытия властью реальной статистики, дляящихся конфликтов, юридической неоформленности «переходов». По данным УПЦ посещаемость храмов в 2024 году упала на 20–30%. ПЦУ зафиксировала прирост на 15%.

В апреле 2024 года мэр Тернополя С. Надал запретил деятельность УПЦ в городе, передав 3 храма ПЦУ. В июне 2024 года мэр Львова А. Садовой инициировал изъятие 5 храмов УПЦ. В июне 2024 года Тернопольский областной совет инициировал расторжение договора аренды Почаевской лавры. Украинская Греко-католическая церковь ожидает передачи святыни в ее ведение. На Святогорскую лавру, частично разрушенную в ходе боевых действий, в декабре 2024 года свои претензии заявила ПЦУ. Киево-Печерская лавра: в 2023 – 2024 годах был расторгнут договор аренды Министерства культуры с УПЦ. Заранее, 2 декабря 2022 года в Единый госреестр Украины было внесено новое юридическое лицо – «Киево-Печерская лавра Православной Церкви Украины». 3 января 2023 года в Трапезном храме Киево-Печерской лавры (который с 1992 по 2022 год был кафедральным собором ЦПЦ) в честь «дня соборности» прошел концерт группы «Хорея козацька» под названием «Дух свободы», где была исполнена песня про убийство москаля и уничтожение Москвы, которые «благословляет Иисус» [1]. 6 декабря 2024 года, в День ВСУ, В. Зеленский выступил в Трапезном храме Киево-Печерской лавры на

телевизионном шоу – «военном молитвенном завтраке», где вместе с капелланами присутствовали представители ПЦУ, РКЦ и других конфессий. Иконостас храма перекрыли большим телеэкраном. Верующие УПЦ, на протяжении многих месяцев отстаивали право УПЦ на лавру, но к январю 2025 года почти все помещения Киево-Печерской лавры переданы ПЦУ, включая Успенский собор и Трапезный храм (решение от 15 ноября 2024 года).

6 марта 2025 года на сайте министерства культуры Украины опубликован указ №214 о формировании комиссии по проверке наличия и определения исторической и научной ценности останков святых в пещерах Киево-Печерской Лавры в срок до 30 мая 2025 года, что проводит параллель с циркуляром НКВД РСФСР Губисполкомам от 23 апреля 1919 года «по обследованию мощей». Православным верующим непонятен и глубоко оскорбителен состав государственной комиссии: анатом, биолог, эмбриолог, ветеринар, два члена комиссии по ребальзамированию тела Пирогова и прочие специалисты.

Схема, применяемая для захвата храмов «откатана» до мелочей: «общину» для голосования вместе с «черным регистратором» привозят на автобусах из соседней области, проводят голосование иногда в присутствии местных властей. Штурм проводят праворадикалы. Нередко при захвате насилию сопутствует осквернение храма. В начале апреля 2025 года предпринята попытка захвата двух храмов в Черкассах. Применено мошенничество с регистрацией приходов ПЦУ. В Кропивницком (Кировограде) при захвате избиты служители и прихожане собора, пострадал митрополит Черкасский и Каневский Феодосий, который сообщил: «Все видели, что происходило: били по голове людей, нашему священнику зубы выбили, руки ломали, ноги ломали». «Без преувеличения можно сказать, что есть все признаки геноцида по религиозному признаку в отношении верных Украинской Православной Церкви» [24].

Для противоправных действий власть использует не силовые структуры, а праворадикальные организации. Активист, а до 2015 года лидер ВО «Правый сектор» Д. Ярош, который неоднократно заявлял: «Московских попов гнать из Украины», в 2024 году лично поддерживал захваты храмов УПЦ, в том числе, собора в Каневе; его сподручники участвовали в более чем 50 инцидентах. В октябре 2024 года группа «Правого сектора» силой выгнала прихожан УПЦ из храма в селе Березна (Черниговская область) и передала его ПЦУ. О. Тягнибок (лидер ВО «Свобода») в августе 2024 года на митинге во Львове призвал «очистить Украину от московской церкви», поддержал Закон № 3894. Его активисты участвовали в захвате храма в Тернополе (сентябрь 2024). В ноябре 2024 года члены «Свободы» заблокировали вход в Почаевскую лавру, требуя передать её ПЦУ. Лидер С14 Сич, Е. Карась, который неоднократно заявлял, что «УПЦ – враг народа», в 2024 году организовал акции против УПЦ в Киеве, в том числе, нападение на Свято-Троицкий храм под Киевом в сентябре 2024 г. В захвате активное участие принял священник ПЦУ Михаил Омельян. В декабре 2024 года С14 участвовала в изъятии храма в Виннице, передав его ПЦУ при поддержке властей. В 2024 году в Черновцах и на Буковине фиксировались попытки рейдерских захватов храмов УПЦ. В начале апреля 2025 года в захвате

Успенского храма УПЦ в с. Дубовцы Черновицкой области вместе с членами «Тризуба» им. С.Бандеры и «Правой молодёжи» приняли участие бойцы 67-ой ОМБр ВСУ (до осени 2022 года – ДУК «Правый сектор»), неведанным образом оказавшиеся вдали от линии фронта.

Украинские религиоведы в 2024 году продолжили свою активную работу по уничтожению УПЦ. Бывший глава Департамента по делам религий А. Юраш в 2024 году поддержал Закон № 3894, утверждая в статьях и интервью («Зеркало недели», сентябрь 2024), что УПЦ «канонически зависима от Москвы», поэтому должна быть ликвидирована. В Институте философии НАН Украины в декабре 2024 года опубликовано исследование, в котором УПЦ названа «инструментом гибридной войны России», прозвучал призыв к её маргинализации. Глава ГСЭСС В. Еленский выступал с лекциями, обвиняя УПЦ в «духовной оккупации», поддержал передачу храмов ПЦУ.

В 2025 году американцы сообщили подробности, как принималось «решение» Константинопольским патриархом Варфоломеем (который ранее неоднократно отказывался от неканонических действий по созданию поместной церкви на Украине), как в 2018 году экс-госсекретарь США Хиллари Клинтон перевела ему 20 млн дол. через украинские банки, 5 млн из них, по словам экс-офицера ЦРУ Дж. Кириаку, сразу «исчезли» в Украине [3]. За «успешно» проведенную операцию экс-госсекретарь Майк Помпео в 2023 году был награжден крестом ПЦУ «за защиту религиозной свободы» [17].

Прогнозы западных аналитиков на 2025 год (например, фонд Carnegie, нежелательный на территории РФ) указывают на дальнейшее ослабление УПЦ при сохранении напряжённых отношений с Россией [25]

После принятия Закона № 3894 власть через СМИ усилила информационную кампанию против «московской» церкви. Нарратив: несмотря на заявления о независимости от РПЦ, УПЦ, в действительности, является инструментом влияния России. Украинские издания, такие как «Украинская правда» и «Цензор.нет» регулярно публикуют материалы, обвиняющие УПЦ в «антиукраинской деятельности». Так, в октябре 2024 года журналист «Украинской правды» С. Сидоренко писал о «связях УПЦ с ФСБ» [23]. Колумнист «Радио Свобода» В. Портников после принятия Закона № 3894 назвал УПЦ «пятой колонной Кремля», требуя её полного запрета. П. Шеремета (телеканал «Эспрессо» в ноябре 2024 года выпустил репортаж о захвате храма УПЦ в Черкассах, оправдывая действия радикалов как «патриотический акт»). Телевидение (каналы «1+1» и «5 канал») транслировало сюжеты о фактах «предательства» клириков УПЦ, усиливая на неё психологическое давление.

Храмы УПЦ пострадали также вследствие ведения боевых действий. Согласно отчёту украинского Института религиозной свободы (июль 2022 года), к середине 2022 года было разрушено или повреждено около 127 храмов УПЦ, преимущественно на востоке Украины (Донецкая и Луганская области) и 19 храмов ПЦУ [27]. К марта 2025 года, с учетом продолжения войны, по оценкам УПЦ, могло пострадать более 300 храмов, из них около 75 полностью разрушены (данные Christianity Today на 2023 год, с учетом эскалации).

В 2022 году Русская православная церковь перевела крымские епархии УПЦ под прямое управление патриарха Кирилла [10]. Донецкая и Горловская епархии УПЦ управляются по старому Уставу (который был в УПЦ до мая 2022 г., где отмечена преемственность, каноническая и административная общность с Московским патриархатом), фактически подчинены РПЦ. По данным УПЦ, из 300 с лишним приходов в Донбассе около 200 находятся в юрисдикции митрополита Донецкого и Мариупольского Владимира (Самохина).

В октябре 2024 года обеспокоенность возможной дискриминацией УПЦ выразила ООН. Не смогла отмолчаться даже «Human Rights Watch» и Комиссия США по свободе вероисповедания в мире.

Для защиты своих интересов УПЦ наняла близкого к команде Д. Трампа адвоката Р. Амстердама (компания «Amsterdam & Partners»), который в сентябре 2024 года подал иск в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) от имени УПЦ, обвинив Украину в нарушении свободы вероисповедания (статья 9 Европейской конвенции; свобода вероисповедания) из-за Закона № 3894; дело находится на рассмотрении. В ноябре 2024 года Р. Амстердам выступил в Конгрессе США, призвав ввести санкции против украинских чиновников (главы ГСЭСС В. Еленского). Доклад «Преследование за веру» [20] получил поддержку республиканцев. В феврале 2025 года Р. Амстердам инициировал кампанию в ООН, требуя расследования гонений на УПЦ: «Украина создаёт опасный прецедент для религиозных свобод» во всем мире. Журналист Fox News Т. Карлсон также осудил дискриминационные действия киевских властей, противоправный характер закона № 3894.

Таким образом, сущность конфессиональной политики Украины можно охарактеризовать как ряд спланированных действий, направленных на создание единой поместной украинской церкви. Невзирая на реалии приверженности большинства верующих православных канонической УПЦ, государство Украина приняло Закон № 3894, реализация которого ведёт УПЦ к ликвидации. Производятся аресты священнослужителей, с ожидаемой последующей их заменой на лояльных киевскому режиму клириков, готовых пойти на сближение с ПЦУ. Так, что уже в ближайшее время общины УПЦ рисуют утратить многие культовые сооружения и храмовое имущество. Поскольку в данной ситуации религиозное меньшинство, опираясь на радикалов, светское общество и государство, подавляет религиозное большинство, реализация плана вынуждает применять насилие и фальсификации, попирать конституционные права и свободы граждан (и религиозных организаций). ПЦУ может расти и дальше за счет господдержки «переходов». Вероятным представляется развитие диалога между данным перспективным обладателем «украинских святынь» и «аффилированной» с зарубежным духовным центром – Ватиканом, УГКЦ.

Список источников и литературы:

1. Артеменко В. Там едят, а не молятся, – в заповеднике объяснили рок-концерт в Трапезном. – URL: <https://spzh.eu/ru/news/71571-tam-edyat-a-ne->

moljatsja-v-zapovednike-objasnili-rok-kontsert-v-trapeznom (дата обращения: 12.03.2025).

2. Бровко И. Шевчук назвал «легитимными» требования запрета УПЦ. – URL: <https://spzh.eu/ru/news/78447-shevchuk-nazval-lehitimnymi-trebovaniya-zapreta-upts> (дата обращения: 12.03.2025).

3. Бывший офицер ЦРУ: США через USAID заплатили Константинопольскому патриарху 20 миллионов долларов за создание ПЦУ – 5 из них «исчезли» в Украине. – URL: <https://t.me/President DonaldTrumpRU> (дата обращения: 03.03.2025).

4. Верховна Рада України. – URL: <https://itd.rada.gov.ua/billInfo/Bills/Card/41219>.

5. ВСЦиРО поддержал законодательную инициативу Зеленского против УПЦ. – URL: <https://spzh.life/ru/news/81642-vstsiro-podderzhal-zakonodatelnju-initiativu-zelenskoho-protiv-upts> (дата обращения: 10.02.2025).

6. Глава офиса Зеленского заявил о лишении церкви на Украине «московского влияния». – URL: <https://lenta.ru/news/2024/08/19/ermak/>. – Загл. с экрана.

7. Зеленский назвал Украину территорией самой большой религиозной свободы. – URL: https://tass.ru/mezhdu_narodnaya_panorama/17402295?ysclid=m7zbkcq8ct508072576 (дата обращения: 22.02.2025).

8. Козловский И.А.... Вместо эпитафии. Ликвидация Православия в Украине. – URL: https://dzen.ru/a/ZPy6lZ2K81jLm_q7r (дата обращения: 02.03.2025).

9. Кожен четвертий українець святкував Різдво і 25 грудня, і 7 січня, але кожен п'ятий – не святкував взагалі вочевидь через війну. – URL: <https://www.sapiens.com.ua/ua/publication-single-page?id=254> (дата обращения: 12.03.2025).

10. Крымские епархии УПЦ перешли в лоно Русской Церкви. – URL: https://herson.tsargrad.tv/news/krymskie-eparhii-upc-pereshli-v-lono-russkoj-cerkvi_561996 (дата обращения: 06.03.2025).

11. Лавра победителя. Украинских верующих загоняют в ловушку двух автокефалий // НГ-Религии. – URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2023-01-17/9_543_lavra.html (дата обращения: 08.03.2025).

12. Минкультуры Украины рассчитывает, что монахи УПЦ добровольно покинут Киево-Печерскую лавру. – URL: https://tass.ru/mezhdu_narodnaya_panorama/17944523 (дата обращения: 06.03.2025).

13. Митрополит УПЦ Онуфрий заявил, что «Вера, в отличие от политических лозунгов, не меняется». – URL: <https://ukraina.ru/20160125/1015422334.html> (дата обращения: 06.03.2025).

14. Москалькова сообщила о возвращении в Россию еще двух священников УПЦ. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/06/2024/668010b39a7947eba041f081> (дата обращения: 12.03.2025)..

15. О противоправных действиях киевского режима в отношении Украинской православной церкви (УПЦ), её священнослужителей и прихожан

(Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации) от 29.01.2025. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1993260/ (дата обращения: 22.02.2025).

16. Обращение Архиепископа Арцизского Виктора к Патриарху Московскому Кириллу и всем членам Священного Синода и ответ Патриарха Кирилла. – URL: <https://azbyka.ru/news/obrashenie-arhiepiskopa-arcizskogo-viktora-k-patriarhu-moskovskomu-kirillu-i-vsem-chlenam-svjashennogo-sinoda-i-otvet-patriarha-kirilla> (дата обращения: 17.03.2025).

17. ПЦУ наградила экс-госсекретаря США Помпео, которого считают куратором раскола на Украине // РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230404/pompeo-1862917257.html> (дата обращения: 16.03.2025).

18. Рада ухвалила у первому читанні урядовий законопроект про заборону релігійних організацій, пов'язаних із РФ // ЕСПРЕСО. – URL: <https://espresso.tv/rada-ukhvalila-u-pershomu-chitanni-uryadoviy-zakonoproekt-pro-zaborenu-religiynikh-organizatsiy-povyazanikh-iz-rf> (дата обращения: 21.03.2025).

19. Релігійна самоідентифікація українців, ставлення до створення єдиної Православної Церкви та до Закону про заборону окремих релігійних організацій. – URL: <https://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=1443&page=1> (дата обращения: 14.03.2025).

20. Свидетельства о преследовании УПЦ подадут в Комиссию США по международной религиозной свободе. Заявка касается антицерковного закона №3894. – URL: <https://pravlife.info/svidetelstva-o-presledovanii-upc-podadut-v-komissiju-ssha-po-mezhdunarodnoj-religioznoj-svobode/> (дата обращения: 15.03.2025).

21. Святейший Патриарх Кирилл выступил с обращениями в связи с рассмотрением Верховной Радой Украины законопроекта №8371. – URL: <https://www.ruhram.eu/ru/article/2023/10-19-8371.html> (дата обращения: 15.03.2025).

22. Священный Синод Русской Православной Церкви выступил с заявлением в связи с принятием Верховной Радой Украины законопроекта, направленного на ликвидацию Украинской Православной Церкви. – URL: <https://pravoslavie.ru/163043.html> (дата обращения: 17.03.2025).

23. Сидоренко С. Московская церковь: угроза национальной безопасности. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zqvw-6J1VpI> (дата обращения: 16.03.2025).

24. То, что творят с УПЦ – это геноцид по религиозному признаку, – архиерей. – URL: <https://spzh.eu/ru/news/85702-to-chto-tvorjat-s-upts-eto-henotsid-po-relihioznomu-priznaku-arkhierej> (дата обращения: 04.04.2025).

25. Церковная geopolитика: о последствиях запрета УПЦ в Украине (29.08.2024) // Фонд Карнеги за международный мир. – URL: [carnegieendowment.o](https://carnegieendowment.org) (дата обращения: 19.03.2025).

26. Что известно о притеснениях Украинской православной церкви ТАСС. 20.08.2024. – URL: <https://tass.ru/info/19063569> (дата обращения: 12.03.2025).

27. Эксперты назвали число разрушенных войной храмов. – URL: УПЦ <https://spzh.eu/ru/news/85270-eksperty-nazvali-chislo-razrushennykh-vojnoy-khramov-upts> (дата обращения: 12.03.2025).

28. Якою має бути політика влади щодо Української Православної Церкви (Московського Патріархату): результати телефонного опитування, проведеного 26 травня - 5 червня 2023 року. – URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=1247&page=1&t=9> (дата обращения: 12.03.2025).

29. Donald Trump на русском. – URL: <https://t.me/PresidentDonaldTrumpRU/473> (дата обращения: 17.03.2025).

ВОПРОСЫ ДЕНАЦИФИКАЦИИ

УДК 94:[327.56:341.6] (480.1) "1945/1946"

DOI: 10.5281/zenodo.15771971

EDN: PICIBS

А.Ю. Козловский

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: al.yu.kozlovskiy@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХЕЛЬСИНСКОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация

В рамках данной научной статьи автором были выявлены ключевые особенности Хельсинского судебного процесса, проходившего с 15.11.1945 г. по 21.02.1946 г. Таковые особенности были обусловлены общим стремлением советского и финляндского правительства привлечь к ответственности виновников вовлечения Финляндии во Вторую мировую войну на стороне нацистской Германии. Отдельное внимание автором было уделено причинам непривлечения К.Г.Э. Маннергейма к суду, несмотря на то, что он был всецело ответственен за все военные и политические договоренности, заключенные между Финляндией и нацистской Германией, обусловившие их военное взаимодействие в войне против СССР в 1941-1944 гг.

Ключевые слова: Хельсинский судебный процесс, Финляндия, военные преступники, К.Г.Э. Маннергейм, политические и правовые особенности.

Summary

Within this scientific paper the author revealed the keystone peculiarities of Helsinki trial, which took place since 15.11.1945 to 21.02.1946. Such peculiarities were stipulated by the common aspiration of Soviet and Finnish governments to take out a process against culprits of Finland's involvement in the Second World War in the cause of Nazi Germany. A special attention the author paid to the reasons of non-joinder of C.G.E. Mannerheim, despite of his total responsibility for all military and political arrangements concluded between Finland and Nazi Germany stipulated their war interaction against USSR in 1941-1944.

Keywords: Helsinki trial, Finland, war criminals, C.G.E. Mannerheim, political and legal peculiarities.

Актуальность темы данной научной статьи обусловлена, на наш взгляд, следующим. Во-первых, Хельсинский судебный процесс над главными

виновниками участия Финляндии во Второй мировой войне на стороне нацистской Германии, проходивший с 15.11.1945 г. по 21.02.1946 г., незаслуженно не вызвал такого острого международного резонанса, как судебные процессы в Нюрнберге и Токио. Хельсинский судебный процесс, будучи не международным, а «национальным» процессом, также выражал осуждение человечеством практически всей высшей государственной элиты тогдашней Финляндии и проводившейся ею внутренней и внешней политики. Во-вторых, данная тема является относительно малоизученной в рамках отечественной исторической науки и поэтому малоизвестной, редко обсуждаемой в российских общественных кругах.

Как российская, так и финляндская историография актуализированной нами темы представлена отдельными научными работами. Например, доктор исторических наук, профессор В.Н. Барышников, являющийся ведущим, выдающимся отечественным специалистом в этой проблематике, отмечает существование «небольшого количества работ подобного характера», в том числе в Финляндии [7]. В частности, советские авторы второй половины XX в., специализировавшиеся на истории Финляндии в годы Второй мировой войны и в первые послевоенные годы, также лишь бегло упоминали о Хельсинском судебном процессе [31].

Так, в ряде отечественных статей и монографий постсоветского периода Хельсинский судебный процесс зачастую рассмотрен сугубо в свете поиска ответа на доселе неразрешенный до конца вопрос: почему маршал К.Г.Э. Маннергейм, – «национальный символ» и, бесспорно, ключевая военная и политическая фигура в истории Финляндии первой половины XX в., главкомом вооруженных сил в 1939 – 1945 гг. и президент страны в 1944 – 1946 гг., – избежал привлечения к суду в качестве одного из ключевых виновников вовлечения Финляндии в войну на стороне стран «Оси»? В частности, эта проблематика обычно рассматривается в рамках как отдельных тематических научных статей, так и целых, достаточно подробных биографий К.Г.Э. Маннергейма. Данное направление исследований представлено, например, российскими и финляндскими работами Н.И. Барышникова [24], В.Н. Барышникова [7], Л.В. Власова [9], А. Клинге [43] и В. Мери [29] соответственно. Например, профессор В.Н. Барышников подчеркивает, что маршал К.Г.Э. Маннергейм должен был бы, наряду со всеми 8 осужденными высшими государственными руководителями Финляндии, понести персональную ответственность за втягивание своей страны в войну против Объединенных Наций, собственно против СССР и Великобритании, на стороне стран «Оси» в 1941 – 1944 гг.

Вторая же группа научных работ, в том или ином объеме затрагивающих рассматриваемую нами проблему, представлена фундаментальными монографиями по истории Финляндии. В качестве примеров этой группы работ следует упомянуть монографии Х. Мейнандера [28], О. Юсиллы, С. Хентиля и Ю. Невакиви [26], В. Расилы [3], К. Хяккинен и С. Цеттерберга [4].

Цель данной научной статьи – рассмотреть ключевые политические и правовые особенности Хельсинского судебного процесса, характерные для его канона, хода, результатов.

Новизна же данного научного исследования состоит в общеполитической оценке Хельсинского судебного процесса, актуальной в свете послевоенного стремления СССР и Финляндии развивать двухсторонние отношения на основе взаимного уважения и учета национальных интересов друг друга.

Итак, по-нашему мнению, ключевыми политическими и правовыми особенностями Хельсинского судебного процесса, требующими новейшего анализа, были следующие:

1) Хельсинский судебный процесс проходил «в тени» Нюрнбергского процесса. Так, суд над рядом высших финляндских государственных деятелей, начавшихся практически одновременно с Нюрнбергским процессом (20.11.1945 г. – 01.10.1946 г.), завершился намного раньше, то есть до вынесения приговоров 24 нацистским главарям, обвиненным в преступлениях против мира, против человечности, в военных преступлениях. Токийский же процесс (03.05.1946 г. – 12.11.1948 г.), не менее значимый и резонансный, чем Нюрнбергский, начавшийся и завершившийся позже Хельсинского, также не мог не «затмить» итогов суда над финляндской военно-политической элитой.

2) Хельсинский судебный процесс, в отличие от Нюрнбергского и Токийского, формально не был международным судебным процессом, став, напротив, сугубо внутрифинляндским процессуально-правовым действом. Поэтому внимание мировой общественности, в отличие от внимания финляндских граждан, не было столь сильно приковано к его ходу и итогам.

Однако изначальной, непосредственной «международной предпосылкой» Хельсинского судебного процесса было содержание Соглашения о перемирии между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией, с другой, заключенного 19.09.1944 г.

Так, пункт 13 данного Соглашения гласил: «Финляндия обязуется сотрудничать с Союзными Державами в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними» [1]. Контроль за исполнением финляндским правительством данного Соглашения, в частности пункта 13, возлагался, согласно пункту 22, на Союзную Контрольную Комиссию (СКК) «под общим руководством и по указаниям Союзного (Советского) Главнокомандования, действующего от имени Союзных Держав» [2]. Поэтому проведение Хельсинского судебного процесса стало выполнением Финляндией её международно-правового обязательства, принятого ею в соответствии с Соглашением о перемирии и подлежащего строгому международному контролю.

Однако в отдельных научных трудах финляндских авторов отмечается, правда вовсе без ссылок на конкретные факты, подкрепленные источниками, будто СССР изначально добивался проведения судебного процесса над

финляндским военно-политическим руководством в рамках «международного суда» [3].

Также имеет место «версия», опять-таки не подкрепляемая ссылками на источники, согласно которой советские представители, требуя от финляндского правительства самостоятельно наказать военных преступников, «угрожали», что в противном случае «Советский Союз станет судить их сам» [4].

В свою очередь, Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик, Соединенными Штатами Америки, Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии и Временным правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран Оси, заключенное 08.08.1945 г. в Лондоне, предусматривало создание Международного Военного Трибунала «для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом», то есть для осуждения военно-политического руководства нацистской Германии. Однако в данном Соглашении обходился стороной вопрос о международной или же национальной судебной юрисдикции в отношении главных военных преступников европейских стран-союзников нацистской Германии [5].

3) По итогам проведения Хельсинского судебного процесса, то есть согласно его обвинительному приговору, в отличие от отдельных вердиктов Нюрнбергского и Токийского международных судебных процессов, никому из 8 осужденных не было вынесено смертного приговора.

Что же касается приговоров, предусматривавших тюремное заключение, то обвиняемые лица, кроме экс-президента Ристо Рюти, осужденного на 10 лет лишения свободы, были приговорены к отбыванию относительно малых тюремных сроков. Так, экс-премьер Юкка Рангелл, экс-премьер Эдвин Линкомиес, министр финансов Вайнё Таннер, экс-посол Финляндии в Германии Тойво Кивимяки, министр иностранных дел Хенрик Рамсай, министр образования Анти Кукконен и заместитель министра финансов Тико Рейникка были приговорены к различным срокам тюремного заключения – от 6 до 2 лет [6]. К тому же все перечисленные осужденные лица были условно-досрочно освобождены президентом Финляндии Юхо Кусти Паасикиви уже к маю 1949 г. как лица, отбывшие половину тюремного срока. Это обусловило несколько формалистский характер всего «хельсинского действия», несмотря на выполненное требование СССР ужесточить первоначальные приговоры.

Возможно, уже тогда это было обусловлено расчетами советского руководства, осознававшего очевидную неизбежность послевоенных политических компромиссов с побежденной, но суверенной Финляндией. Таковые компромиссы имели целью мирно удержать Финляндию от ее присоединения к враждебным СССР западным военным блокам и экономическим сообществам, но при сохранении за ней определенной свободы действий на международной арене и невмешательстве в ее внутренние дела.

4) На наш взгляд, отдельные из 7 пунктов обвинительного заключения в отношении осужденных государственных деятелей Финляндии не отражали всей

полноты их политики, результатом которой были преступные деяния финляндской военщины на оккупированной территории Советской Карелии в годы так называемой «Войны-продолжения» 1941 – 1944 гг.

Так, по нашему мнению, наибольшего внимания (!) заслуживает пункт 2 обвинительного заключения суда. Он содержал обвинение в адрес Р. Рюти, Ю. Рангеля, В. Таннера и А. Кукконена в том, что именно эти лица, будучи в сговоре с гитлеровским руководством, принимали решение об отдаче финляндской армии приказа «перейти границу Советского Союза и овладеть территориями» [7].

Идейной основой этой агрессивной акции послужили концепции «великой Финляндии», «карелианизма», «калевальства». Они провозглашали необходимость присоединения Восточной Карелии к Финляндии с целью «воссоединения финнов и карел в составе единого финляндского государства» [8]. Данные ирредентистские доктрины были руководством к действию для К.Г.Э. Маннергейма еще на заре финляндской государственности – в годы Гражданской войны в Финляндии в 1918 г. и последовавшего за ней первого советско-финляндского вооруженного конфликта 1918 – 1920 гг. Например, А.В. Колчак и Н.Н. Юденич, ведя в 1918 – 1919 гг. с регентом Финляндии К.Г.Э. Маннергеймом переговоры о перспективах совместного наступления на советский Петроград, не могли не знать о стремлении финляндского главнокомандующего отсечь от России Восточную Карелию и, возможно, часть Ингерманландии. В случае же успеха такого похода, «Верховный правитель России» был бы вынужден не только признать независимость Финляндии, но и поступиться в ее пользу этими северо-западными территориями бывшей Российской империи [9].

Несмотря на то, что этот поход так и не состоялся, идеологи «карелианизма» провоцировали появление в Карелии профинляндских сепаратистских образований. Например, в 1918 – 1920 гг. на территории Олонецкой губернии (Южная Карелия) действовало «Олонецкое правительство». В свою очередь, в 1919 – 1920 гг. на части Архангельской губернии существовало искусственное «Северо-Карельское государство», упраздненное в результате успешных наступательных действий РККА РСФСР. Нельзя не упомянуть и о Республике Северная Ингрия, существовавшей на Карельском перешейке в эти же годы.

В межвоенный же период одним из главных выразителей идеологии панфиннизма и финского экспансионаизма, воистину животной русофобии и даже шведофобии (!), транслятором необходимости ведения новых ожесточенных «племенных войн» с СССР за его северо-западные регионы было ультраправое, крайне агрессивное Карельское академическое общество, учрежденное в феврале 1922 г. [10].

Однако, на наш взгляд, в ходе Хельсинского судебного процесса речь должна была бы идти далеко не только о политических замыслах финляндских руководителей и военных действиях армии Финляндии в 1941 – 1944 гг., открыто посягавших на суверенитет и территориальную целостность СССР. Так,

ужасным следствием финляндской интервенции было установление на территории Восточной Карелии (тогда – Карело-Финской ССР) жестокого, бесчеловечного оккупационного режима, основанного на этнической сегрегации населения данного края.

Уже сам тот факт, что в ходе Хельсинского судебного процесса преступления финляндской военно-оккупационной администрации, действовавшей на территории Восточной Карелии в 1941-1944 гг., даже не рассматривались (!), не может не вызывать вопросов. Это выглядело особенно странным, полагаем, даже «политически мотивированным», ввиду наличия в СССР заранее собранных свидетельств, доказательств, на основе которых представлялось возможным выдвинуть высшему государственному руководству Финляндии обвинения не только в «овладении территориями», но и в геноциде советских граждан. Помимо этого, безусловно, в СССР имел место и справедливый общественный запрос на наказание военных преступников из всех европейских стран-союзников нацистской Германии, совершивших злодействия против гражданского населения СССР и советских военнопленных.

Так, например, еще 19.04.1943 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Уже во введении к данному Указу, помимо немецких, итальянских, румынских и венгерских оккупантов, упоминаются и функционеры финляндских оккупационных администраций, совершившие военные преступления на территории СССР. Поэтому п. 1 Указа устанавливал, что граждане всех этих государств, «уличенные в совершении убийств и истязаний», «караются смертной казнью через повешение» [11]. Однако данный указ предусматривал привлечение к ответственности лишь непосредственных исполнителей таковых преступлений, наказание которых оперативно осуществлялось по закону военного времени, то есть решением военно-полевых судов, состоявших при воинских соединениях Красной Армии.

Что же касается советской доказательной базы военных преступлений финляндских военно-оккупационных администраций, совершенных ими на территории тогдашней Карело-Финской ССР, то таковая была официально опубликована в СССР за два месяца до начала Хельсинского судебного процесса (!), не будучи, однако, задействованной (!) [12]. Так, речь идет о Сборнике документов и материалов под названием «Чудовищные злодействия финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР», подписанным к печати 12.09.1945 г. [13].

В целом же в годы оккупации усилиями Военного управления Восточной Карелии (ВУВК) было создано 14 концлагерей, 34 трудовых лагеря, 42 роты для военнопленных, 9 тюрем и 1 колония [14].

Так, только в 6 лагерях г. Петрозаводска помещалось до 25 тыс. советских граждан нефинноугорского происхождения, – так называемых «ненационалов», – обреченных на последующую депортацию за пределы «великой Финляндии»

или же верную смерть. Также концентрационные лагеря для содержания гражданского населения имелись в Олонце, Медвежьегорске, совхозе/поселке Ильинском. Отдельные же «лагеря специального назначения для правонарушителей» имелись в Кутижме, Вилге, Киндасове, а лагерь пересыльного типа – в Олонце [15].

По данным финляндских же исследователей (!) не менее 20 % советских узников петрозаводских концентрационных лагерей умерли от голода, болезней, истязаний и непосильного труда, включая подростков и детей [16]. По подсчетам Комиссии под председательством депутата Верховного Совета СССР Н.А. Дильденкина только в лагерях г. Петрозаводска погибло свыше 7 тысяч советских граждан [17]. Общее же количество погибших советских граждан на всей оккупированной территории Восточной Карелии составило 14 тысяч человек [18]. Поэтому неубедительными представляются аргументы о некоем количестве спасенных советских военнопленных, которые в 1942 г. стали батраками на финских хуторах [19].

Однако еще в 1944 г. отдельные представители научно-академических кругов Финляндии, причем те, которые сами принимали непосредственное участие в работе ВУВК (!), собственно профессор В. Мерикоски, попытались опровергнуть обвинения в бесчеловечном обращении с гражданским населением края. Однако их аргументы, возможно, были бы худо-бедно пригодны лишь в отношении «националов» Восточной Карелии (карелов, вепсов, финнов, ингерманландцев), которым функционеры ВУВК, в случае их политico-идеологической лояльности, предоставляли все гражданские права и свободы. Установленные же факты геноцида в отношении жителей Восточной Карелии, не относившихся к финно-угорским народам, опровергнуть было невозможно. Также ввиду того, что «Война-продолжение» якобы представляла собой «отдельную войну», финляндскую оккупацию края, по мнению В. Мерикоски, «нельзя отождествлять с немецко-нацистским режимом» [20].

В свою очередь, известно, что Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, созданная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 02.11.1942 г., относительно задолго до начала Хельсинского судебного процесса сформировала и опубликовала достаточно подробный поименный список виновных в совершении военных преступлений на территории Карело-Финской ССР в 1941 – 1944 гг. В этом списке значились, «наряду с финским правительством и командованием армии», 43 лица, имевшие звания от генерал-майоров до лейтенантов, сержантов, капралов, включая переводчиков (!) [21].

Однако были ли привлечены все или же отдельные из этих лиц к ответственности? Увы, послевоенная история не знает примеров проведения открытых судебных процессов в Петрозаводске или же Выборге. Известно, что привлечение к ответственности германских и японских военных преступников было осуществлено в рамках не только Нюрнбергского и Токийского судебных

процессов, имевших международный статус. Так, после проведения в июле-декабре 1943 г. Краснодарского, Краснодонского и Харьковского судебных процессов последующие судебные процессы состоялись в 1945 г. в Смоленске, Брянске, Ленинграде, Николаеве, Минске, Киеве, Великих Луках, Риге. Целых 9 судебных процессов состоялись в 1947 г. в Севастополе, Полтаве, Новгороде, Сталино, Бобруйске, Чернигове, Витебске, Кишиневе, Гомеле [22].

Безусловно, в ходе подавляющего большинства перечисленных судебных процессов были осуждены германские военные преступники и их пособники из числа граждан СССР. Однако в ходе Черниговского и Кишиневского судебных процессов, состоявшихся 17.11.-25.11.1947 г. и 06.12.-13.12.1947 г. соответственно, в качестве осужденных, помимо германских офицеров, выступали 13 венгерских и 7 румынских военнослужащих, будучи приговоренными к заключению на срок от 20 до 25 лет в исправительно-трудовых лагерях СССР [23].

Так, примеры двух данных судебных процессов являлись правовыми прецедентами, обуславливавшими возможность привлечения к ответственности военных преступников из всех стран-союзников Германии, бывших таковыми в годы Второй мировой войны. Однако, в отличие от венгерских и румынских военных преступников, большинство функционеров финляндских военно-оккупационных администраций, действовавших на территории Восточной Карелии в годы «Войны-продолжения», избежало заслуженного наказания. Установлено лишь, что руководители ВУВК, – подполковник В. Котилайнен (начальник всей ВУВК) и генерал-майор Й.В. Араюри (командующий финляндской военно-оккупационной администрацией Западной Карелии в 1942–1943 гг.), – попросту покинули Финляндию, опасаясь ответственности за содеянное. Их примеру последовали и многие другие функционеры ВУВК [24].

Таким образом, в отличие от Нюрнбергского процесса, за которым в течение 1946 – 1983 гг. последовали многочисленные судебные разбирательства в отношении непосредственных исполнителей преступлений, проходившие не только в СССР, но и в других странах Европы (Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия, Венгрия, Норвегия, Нидерланды, Австрия, ГДР, ФРГ, Западный Берлин, Бельгия, Люксембург), Хельсинский судебный процесс вовсе не сопровождался таковыми.

В свою очередь, воссоздавая цепочку событий, связанных с формированием списка будущих подсудимых, Л.В. Власовым указывается, что аресты подозреваемых начались по требованию председателя СКК генерал-полковника А.А. Жданова 30.10.1944 г. Таковой изначальный список включал 44 фамилии, что, таким образом, в целом соответствует данным из вышеупомянутого советского сборника свидетельств и доказательств преступлений финляндских оккупантов. Однако из 44 было арестовано 33 человека, включая генерал-майора А. Пояри и генерал-майора В. Палоярви. Также данным автором приводится известный факт ареста «в качестве военных преступников 22 человек русской национальности, имеющих и не имеющих финское гражданство» («узники Лейно»), которые усилиями тогдашнего

министра внутренних дел Финляндии, коммуниста Ю. Лейно, «были тайно увезены в Ленинград» [25]. По данным же отдельных финляндских историков в таковой первоначальный список военных преступников был занесен 61 человек. В итоге же количество арестованных лиц, помещенных в лагерь Миехикелля, сократилось до 45, 2/3 из которых, то есть 30 человек, были впоследствии освобождены без предъявления им каких-либо обвинений [26].

5) Так, или иначе, но процесс состоялся, несмотря на то, что согласно тогдашним законам Финляндии, правительственные деятели не могли быть привлечены к правовой ответственности за проводившуюся ими политику. Тем не менее сам тогдашний премьер-министр Финляндии Ю.К. Паасикиви «политически» интерпретировал острую необходимость проведения Хельсинского судебного процесса: «...он рассматривал этот процесс как акт безопасности, которым приобреталось доверие Советского Союза» [27].

Поэтому Эдускунта Финляндии достаточно оперативно приняла «специальный закон о наказании тех, кто содействовал возникновению войны или препятствовал достижению мира». Данный закон имел обратную силу. Тезисом о том, что проведение Хельсинского судебного процесса «было продиктовано внешнеполитической необходимостью», принимавшейся в расчет правительством Ю.К. Паасикиви, многие финляндские историки оперируют и по сей день [28].

6) Пожалуй, ключевой, наиболее неоднозначной и, таким образом, до конца невыясненной политической особенностью Хельсинского судебного процесса является избежание К.Г.Э. Маннергеймом какой-либо ответственности за все или же отдельные преступления, в совершении которых были обвинены восемь вышеперечисленных государственных деятелей Финляндии.

Так, весь существующий массив российской и финляндской научной литературы, посвященной этой проблематике, охватывает три актуальных направления исторических исследований:

- доказывание, что К.Г.Э. Маннергейм был всецело ответственен за все преступные действия, связанные с кануном и ходом «Войны-продолжения»;

- установление цепочки конкретных событий 1945-1946 гг., на основе которой можно было бы сформулировать ту или иную версию, подтверждающую осознанный отказ советского руководства привлечь К.Г.Э. Маннергейма к ответственности за «Войну-продолжение»;

- поиск и обсуждение конкретных политических и правовых причин, по которым К.Г.Э. Маннергейм не был привлечен к участию в Хельсинском судебном процессе в качестве подсудимого.

Безусловная научно-историческая важность и ненадуманность данных вопросов обусловлена, например, установленными опасениями самого маршала быть привеченным к суду либо в СССР, либо в Финляндии [29], а также его личным пониманием того, что «он должен быть первым в списке» [30]. Увы, советская историческая наука, причем даже «свободных» перестроенных времен, не давала внятных, развернутых ответов в свете всех трех перечисленных исследовательских направлений. Так, например, утверждение,

что К.Г.Э. Маннергейм «в силу ряда причин избежал судебной ответственности» требует новейших разъяснений, подходов [31]. Тем более сам председатель суда О. Петяус накануне процесса, в октябре 1945 г., полагал, что «военным преступником № 1 является Рюти, а военным преступником № 1а – Маннергейм» [32].

Что же касается действительно обоснованной точки зрения о всецелой ответственности К.Г.Э. Маннергейма по всем семи пунктам обвинительного заключения, то таковая представлена в исследовании профессора В.Н. Барышникова.

Так, среди ключевых факторов, обуславливавших определяющую роль К.Г.Э. Маннергейма в деле вовлечения Финляндии в войну на стороне нацистской Германии, профессором В.Н. Барышниковым справедливо выделяется ведущая роль маршала в заключении основных военных соглашений с высшими представителями нацисткой военщины, прежде всего относительно размещения на территории Финляндии германских войск и их дальнейшего использования для наступления на советскую территорию. Например, известными являются факты неоднократных довоенных встреч, переговоров и консультаций К.Г.Э. Маннергейма с рейхсмаршалом Г. Герингом, главой ОКВ В. Кейтелем, начальником штаба ОКВ А. Йодлем. 04.06.1942 г. имела место встреча К.Г.Э. Маннергейма с А. Гитлером. Германские функционеры знали о влиятельности К.Г.Э. Маннергейма, с которой не могла соперничать влиятельность президентов К. Каллио и Р. Рюти. Также К.Г.Э. Маннергейм нес основную ответственность и за вторжение финляндских войск на советскую территорию и её оккупацию со всеми ужасающими последствиями для гражданского населения.

Основополагающая роль К.Г.Э. Маннергейма в деле дальнейшего вовлечения Финляндии в войну против стран антигитлеровской коалиции заключалась также в его не только военных, но и политических действиях, совершенных в течение 1941 – 1944 гг. Так, известно, что не президент Р. Рюти и не премьер-министр Ю. Рангелл, а именно К.Г.Э. Маннергейм 02.12.1941 г. ответил отказом на требование самого премьер-министра Великобритании У. Черчилля прекратить наступление финляндской армии «на чисто российские территории», содержавшееся в его письме от 29.11.1941 г. В результате этого отказа Великобритания объявила войну Финляндии 06.12.1941 г. Наряду с этим К.Г.Э. Маннергейм не мог быть непричастен к решениям политического руководства Финляндии относительно отклонения посреднических инициатив США, выдвинутых этой страной в 1941 и 1943 гг., а также к срыву мирных переговоров с СССР в начале 1944 г. Очевидным было и фактическое участие К.Г.Э. Маннергейма в предоставлении в июне 1944 г. Финляндии Германии гарантий продолжения союзнических отношений в обмен на германскую военную помощь (письмо президента Р. Рюти министру иностранных дел И. фон Риббентропу от 26.06.1944 г.) [33].

Принятие же окончательного решения о непривлечении тогда уже президента К.Г.Э. Маннергейма к ответственности в качестве военного

преступника продолжает быть приписываемым лично И.В. Сталину. Хотя изначально маршалу и пришлось отвечать на многочисленные вопросы Следственной комиссии, специально созданной по поручению министра юстиции У.К. Кекконена. Так, финляндский историк В. Мери указывает, что, возможно, сам У.К. Кекконен «умело сформулировал вопросы для допроса Маннергейма, что его можно было бы оправдать» [34].

В целом же круг лиц, видимо в разной мере посвященных в этот непростой политический вопрос, с советской стороны составили председатель СКК А.А. Жданов, его заместитель Г.М. Савоненков, тогдашний посланник СССР в Финляндии П.Д. Орлов, полковник Рассальников, а также переводчики СКК С. Смирнов и И.А. Петров, а с финляндской стороны – премьер-министр Ю.К. Паасикиви и министр юстиции У.К. Кекконен. Причем небезызвестным является и сам ход событий, связанный с «обеспечением отсутствия» К.Г.Э. Маннергейма на Хельсинском судебном процессе. Так, известно, что в начале осени 1945 г. президент решил покинуть страну для прохождения курса лечения в Португалии. Однако вечером накануне отъезда, то есть 02.11.1945 г., премьер-министр Ю.К. Паасикиви сообщил президенту, что его отъезд, назначенный на следующий день, 03.11.1945 г., не состоится ввиду «несогласия» со стороны А.А. Жданова. Но уже через 4 часа А.А. Жданов неожиданно изменил свое мнение, сославшись на «полученное из Москвы сообщение» [35]. К.Г.Э. Маннергейм возвратился в Финляндию 03.01.1946 г. и сразу же был помещен в больницу Красного Креста в Хельсинки. Вскоре там его навестил Г.М. Савоненков, официально заверив, что СССР не станет требовать ни привлечения президента к суду, ни его ухода из финляндской политики [36]. К тому же на тот момент уже истек срок, назначенный для «заведения дел на лиц, подлежащих привлечению к суду за военные преступления» [37].

На наш взгляд, имеет право на существование гипотеза о том, что сам отъезд К.Г.Э. Маннергейма в Португалию мог быть итогом политического противостояния между президентом К.Г.Э. Маннергеймом, с одной стороны, и тандемом Паасикиви-Кекконена, с другой.

Так, причиной такого противостояния являлось во многом противоположное представление противоборствующих сторон о «правильном» внутриполитическом и внешнеполитическом курсе Финляндии, который должен был проводиться в течение второй половины 1944-1946 гг. Во-первых, само назначение Ю.К. Паасикиви премьер-министром в ноябре 1944 г., изначально неприемлемое для К.Г.Э. Маннергейма, произошло в результате кризиса краткосрочного правительства У. Кастрена. Во-вторых, изумление президента вызывало согласие Ю.К. Паасикиви со временем интегрировать в состав собственного правительства представителей Коммунистической партии Финляндии, ранее исключенных из легальной политической жизни страны. В итоге министром внутренних дел стал коммунист – вышеупомянутый Ю. Лейно. В-третьих, несмотря ни на что, К.Г.Э. Маннергейм не разделял «районе просоветской политики», проводившейся Ю.К. Паасикиви и У.К. Кекконеном. Президент выражал недовольство, по его мнению, полным соглашательством

новоизначенного премьер-министра с любыми требованиями А.А. Жданова. Ю.К. Паасикиви, в свою очередь, был раздражен тем, что К.Г.Э. Маннергейм не поддерживает его стараний, направленных на нормализацию отношений с СССР в столь сложных политических обстоятельствах. Политически «перекрашенного» У.К. Кекконена президент недолюбливал еще больше.

Ввиду всего этого, Ю.К. Паасикиви и У.К. Кекконен поставили перед собой цель совершенно исключить К.Г.Э. Маннергейма из послевоенной финляндской политики. Причем тем политическим козырем, которым они обладали, был именно страх престарелого маршала предстать перед готовившимся судебным процессом. По мнению В. Мери, Ю.К. Паасикиви и У.К. Кекконен могли целенаправленно поддерживать в президенте опасения оказаться на скамье подсудимых [38]. Можно предположить, что могли иметь место и закулисные договоренности между президентом и двумя его политическими противниками: отъезд в Португалию и, возможно, последующая скорая отставка в обмен на ходатайство Ю.К. Паасикиви и У.К. Кекконена в СССР относительно непривлечения К.Г.Э. Маннергейма к ответственности в качестве военного преступника. Тем более, что инициатором выезда президента за пределы Финляндии был именно У.К. Кекконен [39]. Осуществимость этого плана представлялась возможной ввиду высокого авторитета Ю.К. Паасикиви в глазах И.В. Сталина еще со времен сложных московских переговоров 1939-1940 гг., сопровождавших канун и окончание «Зимней войны». Пребывая в Португалии, а затем в Швеции, президент мучился подозрениями, что он уже фактически отстранён от власти и, вероятно, обманут премьер-министром: возможно, после возвращения его ожидает арест. Причем по возвращении премьер-министр и другие влиятельные лица стали оказывать на него давление, склоняя подать в отставку. К.Г.Э. Маннергейм некоторое время медлил, опасаясь за свою свободу и безопасность, поскольку именно президентский пост гарантировал его правовую неприкосновенность [40]. Но уже 04.03.1946 г. он подал правительству прошение об отставке.

Однако «спасение» К.Г.Э. Маннергейма усилиями Ю.К. Паасикиви и У.К. Кекконена, руководствовавшихся, допустим, собственным политическим расчетом, было бы невозможным без соответствующего решения, принятого в Москве на самом высоком уровне, то есть лично И.В. Сталиным, хотя документальные подтверждения этой самой распространённой до сих пор версии отсутствуют (!). Так, например, известно, что глава карельских коммунистов Г.Н. Куприянов придерживался того же мнения, что и вышеупомянутый председатель суда в Хельсинки О. Петяус. Он также полагал, что К.Г.Э. Маннергейм является «виновником войны № 1», причем судебный процесс, возможно международного характера, должен был бы состояться, по мнению Г.Н. Куприянова, именно в Петрозаводске (!) [41]. По всей вероятности, речь могла идти о необходимости включить в повестку дня судебных заседаний и обвинение подсудимых в этническом геноциде русского и иного населения Восточной Карелии, не относившегося к финно-угорским этносам.

Непривлечение К.Г.Э. Маннергейма к ответственности за совершение военных преступлений было обусловлено, по мнению В.Н. Барышникова, политическим расчетом советского руководства. На наш взгляд, таковой расчет оказался достаточно внятным, разумным и выверенным, обеспечивавшим военную безопасность северо-западных рубежей СССР, а затем и Российской Федерации в течение целых 75 лет – с 1948 по 2023 гг.

Так, специфика тогдашних советско-финляндских отношений, начиная, например, с 1948 г., обуславливала стремлением Финляндии сохранить свою национальную независимость, но с учетом долгосрочных геостратегических интересов СССР в Северной Европе. СССР, в свою очередь, был непосредственно заинтересован в послевоенной политической стабилизации в Финляндии при руководящей роли пусть даже и некоммунистических, но миролюбивых, здравомыслящих сил, настроенных на развитие дружественных отношений с СССР и невовлечение своей страны в те или иные международные блоки, враждебные СССР.

В свете этого преследование престарелого президента, пользовавшегося колоссальным авторитетом в своей стране, представлялось в Москве губительным для послевоенных советско-финляндских отношений. Огромное значение имели и важные военные и политические действия самого президента, направленные на нормализацию отношений Финляндии с СССР. К таковым следует отнести, например, Лапландскую войну 1944 – 1945 гг., состоявшую в изгнании германских войск из Лапландии силами финляндской армии. Определенный вклад маршала состоял и в своего рода предварительной подготовке будущего советско-финляндского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенного 06.04.1948 г. Так, в январе 1945 г. К.Г.Э.Маннергейм выдвинул идею советско-финляндского оборонительного союза. Это было положительно оценено как советским руководством, так и финляндскими коммунистами. Немаловажное значение имели и действия президента от 23.09.1944 г. по запрету 1 100 антисоветских и пронацистских финляндских общественно-политических организаций [42].

На наш взгляд, соображениями политического характера руководствовались в 1945 г. Ю.К. Паасикиви и У.К. Кекконен. Так, неприкосновенность К.Г.Э. Маннергейма была залогом их личного политического будущего и приемлемости в финляндском обществе самой «линии Паасикиви-Кекконена».

А. Клинге полагает, что уголовное преследование маршала после его ожидавшейся отставки с поста президента спровоцировало бы формирование в Финляндии мощной антисоветской оппозиции [43]. Таковая оппозиция могла бы действовать если и не во главе с самим К.Г.Э. Маннергеймом, чье здоровье тогда оставляло желать лучшего, то под руководством одного из его ближайших соратников, например генерала Р. Вальдена или же генерала Э. Хейнрикса. Тем более, что инцидент, имевший место в мае 1945 г., связанный с обнаружением по всей Финляндии значительных тайных складов с оружием, предназначенного для организации сопротивления в случае оккупации Красной Армией всей

страны, был тревожным сигналом. Около 1 500 человек были тогда тем или иным образом наказаны по результатам расследования данного инцидента.

Поэтому советской стороной и было принято решение проявить «политическою умеренность» в деле наказания виновников вовлечения Финляндии в войну на стороне нацистской Германии, демонстрацией чего и стал Хельсинский судебный процесс.

Таким образом, уже сам факт проведения в 1945 – 1946 гг. Хельсинского судебного процесса продемонстрировал, с одной стороны, весь драматизм советско-финляндских отношений, накапливавшийся начиная с обретения Финляндией независимости и до завершения «Войны-продолжения». С другой стороны, политические и правовые особенности данного судебного процесса, характерные для его кануна, хода и результатов, стали, на наш взгляд, первым свидетельством стремления обеих стран развивать послевоенное двухстороннее взаимодействие «с чистого листа». Достижение советско-финляндского взаимопонимания стало возможным только на основе достаточно непростых политических компромиссов, обусловленных учётом особенностей исторического развития двух стран в 1918 – 1945 гг.

Так, например, самостоятельное привлечение тогдашним финляндским правительством к уголовной ответственности государственных деятелей, виновных в вовлечении Финляндии в войну на стороне нацистской Германии, осуществленное сугубо на основе финляндского права, можно расценивать как свидетельство уважения советским правительством суверенитета побежденной Финляндии. В этом же ключе можно расценивать и самостоятельное формирование обвинительных пунктов, составление списка тех, кому были выдвинуты обвинения, в частности политически мотивированное согласие СССР на выведение из круга подсудимых К.Г.Э. Маннергейма, отсутствие смертных приговоров, относительно короткие сроки тюремного заключения для большинства осужденных и их достаточно скорое условно-досрочное освобождение.

На наш взгляд, сами пункты обвинительного заключения, содержание которых, видимо, не вызывало никаких возражений в Москве, в целом исключали политическое демонизирование Финляндии довоенных и военных лет в глазах мировой общественности, а также самого финского народа. И это несмотря на агрессивную довоенную русофобскую идеологию «карелианизма» и многочисленные факты тяжких преступлений в отношении гражданского населения и пленных красноармейцев, совершенных функционерами ВУВК на территории Карело-Финской ССР. Обвинения в геноциде населения этого края не были выдвинуты подсудимым в ходе Хельсинского судебного процесса. Не было проведено и никаких последующих судебных процессов, имевших целью справедливое наказание функционеров ВУВК. Советское правительство, исходя из долгосрочных и, как оказалось, разумных политических соображений, которые, однако, представляли собой непростую с моральной точки зрения уступку, не стало травмировать чувством «национальной вины» сознание граждан на тот момент относительно молодого суверенного государства.

В свою очередь, и правительство Ю.К. Паасикиви рассматривало необходимость проведения Хельсинского судебного процесса в качестве неизбежного политического шага, который был если и не «символом национального покаяния», то путем установления «атмосферы политического доверия» в отношениях послевоенной Финляндии с СССР.

Выделенные и рассмотренные нами политические и правовые особенности Хельсинского судебного процесса были результатом сложного, хотя и не лишенного положительных тенденций политического взаимодействия между двумя государствами в конце 1944 – в течение всего 1945 гг., а также итогом определенных политических комбинаций в самой Финляндии.

Список источников и литературы:

1. Соглашение о перемирии между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией, с другой. 19.09.1944 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной Войны. Документы и материалы. 1 января — 31 декабря 1944 г. Т. 2. М., ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1946. – С. 218.
2. Там же. – С. 220.
3. Расила, В. История Финляндии / В. Расила. 2-е изд., перераб. и доп.—Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. – С. 262.
4. Хяккинен К., Цеттерберг С. Финляндия вчера и сегодня: Краткий очерк истории Финляндии / Перевод с финского Г. Муравина. — Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1997. – С. 96.
5. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик, Соединенными Штатами Америки, Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии и Временным правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран Оси // Нюрнбергский процесс : сборник материалов. – Москва, 1955. Т. 1. – С. 13-14.
6. Хяккинен К., Цеттерберг С. Указ. соч. – С. 96.
7. Барышников, Владимир Николаевич. Маннергейм и Советский Союз. — М.: Издательство «Кучково поле», 2021. – С. 344.
8. Веригин С.Г. Карельский вопрос в национальной политике Финляндии в период Второй мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 1. – С. 27.
9. Власов Л.В. Маннергейм. – М.: Молодая гвардия, 2005. – С. 199, 211, 262.
10. Килин Ю.М. Крайне правый радикализм в Финляндии в 1920-е – 1930-е гг. // Берегиня·777·Сова. 2014. № 4 (23). – С. 383-384.
11. Указ № 39 Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов,

изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». 19.04.1943 г. // КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9446#Z9XoBYU4whqd3m2I1>

12. Веригин С.Г., Попов Д.А., Елошин Д.А. Малоизвестные финские концлагеря на оккупированной территории Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. – С. 9.
13. Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Сборник документов и материалов. Сост. С. Сулимин, И. Трускинов, Н. Шитов. Госиздат Карело-Финской ССР: Петрозаводск, 1945. – 302 с.
14. Веригин С.Г., Попов Д.А., Елошин Д.А. Указ. соч. – С. 10.
15. Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. – С. 17, 20-21.
16. Килин Ю.М. Указ. соч. – С. 385.
17. Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. – С. 20.
18. Веригин С.Г., Попов Д.А., Елошин Д.А. Указ. соч. – С. 9.
19. Власов Л.В. Указ. соч. – С. 7.
20. Веригин С.Г. Финская оккупация Карелии в 1941–1944 годах: дискуссии между российскими и финляндскими историками // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. – С. 75.
21. Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. С. – 25-26.
22. Иванова Т.П., Юран В.П. Судебные процессы над немецкими военными преступниками в СССР и других странах // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации. Материалы X Международной конференции аспирантов и молодых ученых. Витебск, 2023. – С. 38-39.
23. Приговор по делу о зверствах немецко-венгерских фашистских захватчиков на территории Украины и Белоруссии // Газета «Правда». 26 ноября 1947 г., № 315 (10706). – С. 2.
24. Маннергейм без ретуши. 1940-1944 / Барышников Н.И. – СПб. – Хельсинки: Johan Beckman Institute, 2004. – С. 117.
25. Власов Л.В. Указ. соч. – С. 287, 289-290.
26. Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809-2009 / Предисл. Ю.С. Дерябина. М.: Издательство «Весь Мир», 2010. – С. 270.
27. Расила, В. Указ. соч. – С. 262.
28. Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты / Хенрик Мейнандер; пер. со швед. – М.: Издательство «Весь Мир», 2008. – С. 171.
29. Мери В. Маннергейм – маршал Финляндии. Пер. со шведского А. Афиногеновой. М.: Новое литературное обозрение, 1997. – С. 182, 187.
30. Власов Л.В. Указ. соч. – С. 290.

31. Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. / Финляндия во второй мировой войне. — Л.: Лениздат, 1989. — С. 302.
32. Маннергейм без ретуши. 1940-1944. — С. 119.
33. Барышников, Владимир Николаевич. Указ. соч. — С. 342-347.
34. Мери В. Указ. соч. — С. 188.
35. Маннергейм без ретуши. 1940-1944. — С. 120.
36. Власов Л.В. Указ. соч. — С. 291.
37. Маннергейм без ретуши. 1940-1944.— С. 120-121.
38. Мери В. Указ. соч.— С. 188.
39. Маннергейм без ретуши. 1940-1944. — С. 119.
40. Мери В. Указ. соч. — С. 190-192.
41. Маннергейм без ретуши. 1940-1944.— С. 121-124.
42. Барышников, Владимир Николаевич. Указ. соч.— С. 347-351.
43. Клинге Александр. Маннергейм и Блокада: запретная правда о финском маршале / Александр Клинге. — М.: Яузा-пресс, 2017. — С. 215-216.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

УДК 94(98)

DOI: 10.5281/zenodo.15771985

EDN: PVMJQO

В.С. Ешпанов

доктор исторических наук, профессор

Казахский университет технологии и бизнеса

E-mail: WS-282 @mail.ru

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ БОРДЖАЛО КАК ОДИН ИЗ ЯЗЫКОВ КУЛЬТУРЫ

Аннотация

В представленной статье кратко анализируется история первого частного музея. Одновременно в сознании современного общества злободневным вопросом является влияние этнографического наследия на презентацию исторической и культурной памяти, роли историко-культурного наследия в создании новых культурных форм. Проанализированы результаты исследования, позволяющие сделать вывод о значимости музея в современном обществе.

Ключевые слова: музей, досуг, культурный центр, язык, социокультурная сфера.

Summary

The article briefly analyzes the history of the first private museum. At the same time, in the consciousness of modern society, a pressing issue is the influence of ethnographic heritage on the representation of historical and cultural memory, the role of historical and cultural heritage in the creation of new cultural forms. The results of the study are analyzed, allowing us to draw a conclusion about the significance of the museum in modern society.

Keywords: museum, leisure, cultural center, language, socio-cultural sphere.

Современный мир переживает эпоху глобализации процесса, пронизывающего все сферы повседневной жизни человека. На современном этапе музеи все увереннее заявляют о себе как о значимых культурных центрах, которые способны оказывать заметное воздействие на жизнь города, региона и даже страны [1, с. 8].

Целью статьи является, рассмотрение музея Борджаго на основе авторской коллекции, в рамках которой освещена планомерная работа.

Сегодня этнографический музей «Борджгало», мы вправе назвать социокультурным институтом в обществе, он является одним из ведущих культурно-просветительских и научных учреждений страны. «Борджгало» – уникальное собрание памятников истории, архитектуры и этнографии XIX - XX вв. Это единственное место, где в одном месте можно увидеть сходства и различия быта, традиций. Он является хранителем культуры, местом встречи и взаимообогащения ушедших и современных культур. Уникален подбор его коллекций с широким хронологическим и тематическим диапазоном [2, с. 233]. Музей владеет солидной коллекцией экспонатов, что дает яркое представление об истории грузинского народа. Разнообразные материалы, которые здесь хранятся, оказывают на посетителей неизгладимое впечатление.

Целое наследие на территории Грузии было открыто Кемалом Турманидзе. Это интереснейшая личность, энтузиаст своего дела, художник, известный мастер резьбы по дереву. Этот первый музей-сокровище или музей-дом мастера, находится в Аджарии, в городе Батуми. Этнографический музей оформлен в стиле грузинской деревни в одном пространстве, который занимает площадь 3000 квадратных метров. Без преувеличений можно назвать уникальным, потому что вся его экспозиция и помещение созданы руками одного человека – основателя.

Музейный комплекс под открытым небом привлекает посетителей возможностью непосредственного знакомства с материальной и духовной культурой. Со дня своего основания музей принимает активное участие в культурной жизни города и всей страны. Рост популярности музея, по мнению автора, связан в первую очередь с коммуникативной культурой. Музей ориентируется на различные категории посетителей. Аудитория является для музея главным мотиватором развития и стимулом в работе [3, с. 114].

Здесь можно прикоснуться к истории в буквальном смысле, так как там позволяет многое не только увидеть, но и потрогать, послушать. Этномузей является колоритным местом, где каждого посетителя встретят с большим великолюбием грузинского гостеприимства. Экскурсии в этом музее достаточно разнообразны и различаются по месту проведения и объектам показа, по характеру тематики, по целевой направленности, по составу экскурсантов. Кроме того, экскурсовод изначально предлагает группе, на каком языке им будет удобно слушать. Каждый зал музея – это полноценная история разных культур [4, с. 92]. В каждом зале представлены редкие экспонаты, позволяющие наглядно ознакомить посетителей культурой и традициями народа. Как жили предки? Какие ремесла были в почете? Какое значение для них имели праздники, обряды, одежда? Осматривая каждую группу экспонатов, мы отмечаем не оспоримое: каждая вещичка хранит в себе воспоминания о людях, которые всем этим пользовались каждодневно. Здесь можно увидеть вещи, которые бережно передавались из рук в руки многими поколениями, украшали своей сказочной красотой быт. Здесь можно узнать о крестьянах, ремесленниках и рыбаках, увидеть предметы быта и инструменты труда, интерьеры, которые характеризуют определенный период. Сегодня в музее хранится более 4 000

экспонатов, из которых 5% являются подаренными, а 95% приобретены или созданы самим основателем.

Сегодня экскурсоводы музея «Борджгало» стараются не просто заинтересовать уникальной информацией, но и «заставить» испытать яркие личные переживания. В рамках экскурсии по музею организованы лекции квалифицированных специалистов, одной из таковых является гид-экскурсовод Нини. Кроме того, необходимо особо отметить, гида-проводника Рамина Тавдгиридзе, без которого наверно не состоялась наша поездка в этот замечательный музей. В ходе экскурсии посетители смогут узнать много нового и интересного об истории материальной и духовной культуры населения. Путешествуя по деревни, мы сталкиваемся с 30 небольшими домиками, в которых живут манекены в национальных костюмах. В музее можно увидеть предметы уникальные по технике изготовления, по художественному оформлению, предметы, которые уже вышли из употребления, а также предметы, сохранившиеся только в музейных коллекциях. В настоящее время музей в большей мере ориентирован на широкую публику общества. Опыт автора этой статьи подтверждает это.

Разработка новых форм и методов работы с людьми требует достаточно полной и разносторонней информации. Образ прошлого в музее создается в соответствии с теоретическими концепциями и подтверждается экспонатами и фактами, часто похожими, но различно интерпретированными [5, с.10]. В процессе экскурсии мы знакомимся с собранными предметами быта, сельского хозяйства, макетами зданий, а главное, все это можно видеть на фоне народной фольклорной музыки и песен. Тема музыкально-фольклорного единства, это устойчивость культурного наследия региона. На основе подлинных этнографических экспонатов перед посетителями музея открывается неповторимый мир материальной и духовной культуры народа. Имеется на территории музея даже искусственный фонтан «Водопад», высота которого составляет девять метров. В музее постоянно ведут кропотливую работу по изготовлению новых экспонатов и увеличению экспозиции. Наиболее важным здесь является включенность культурного наследия в пространство диалога культур [6, с.107].

Культурно-образовательная деятельность музея является частью музейной коммуникации [7, с.452]. Музей является базовой структурной моделью культуры всей Грузии. Музей – это развивающаяся форма деятельности человека, а главной задачей является сохранение великолепного исторического наследия, демонстрация нынешнему поколению традиций и культуры горного народа, мастерство создания национальных изделий для домашнего быта. Коллекции музея дают яркое и полное представление о традиционном аспекте жизни народов Грузии. Детальная реконструкция жилой деревни позволяет ощутить прошлое, как жили и работали в прошлом.

В процессе живого диалога с Кемалом Турманидзе, стали ясны перспективы дальнейшего развития. Резюмируя свое видение будущего, основатель музея сказал следующее: «Сегодня музею необходимо отвечать

актуальным запросам общества, а также музей должен учитывать новые способы диалога с посетителями, в том числе и с применением новых информационных технологий. К ним мы можем отнести самые элементарные технологии, такие как мобильное приложение, QR-код и другие». Современное общество становится свидетелями того, как активно музей внедряется в жизнь социума [8, с.86]. С помощью цифровой среды у музея появится возможность проявить себя и привлечь еще больше внимания.

Со слов Кемала Турманидзе, стало понятно, что музей становится местом осуществления культурно-исторического диалога, поиска новых форм общения с культурными ценностями. Кроме того, первостепенным делом музея стало: «противостояние фальсификациям и искажениям исторических фактов и информации о событиях прошлого на основе Грузинского наследия». Девиз музея – «Познай язык через культуру». Миссией музея можно смело назвать популяризацию истории Аджарии. Целью и задачами мы видим: пропаганда историко-культурного и образовательно-научного наследия; профессиональная ориентация нравственности и патриотизма на исторических материалах, документов и экспонатов, находящихся в музее. Музей издает путеводители, каталоги, буклеты, выпускает методические материалы к различным музейным программам.

Музей «Борджгало» – это уникальное место, где наука встречается с прошлым. Накопленный опыт позволяет музею «Борджгало», стать одним из центров научно-исследовательской работы в области этнографии и национальных культур Грузии. По мнению автора статьи, музей – это дом сокровищ, наполненный историческим наследием [9, с.64]. Основным способом интеграции может служить научно-исследовательская работа, начиная от школьного доклада сопровождающиеся презентацией.

Таким образом, полноценная реализация современных тенденций позволяет превратить музей и музейные пространства в серьезную альтернативу традиционному досугу общества. Музей «Борджгало» стал современным интеллектуальным учреждением культуры, местом для анализа, сравнения, размышления, обсуждения, высказываний и оценки исторического и культурного наследия Грузии. Исторические снимки и архитектурные макеты помогают глубже прочувствовать атмосферу ушедших эпох. Вот уж поистине связь времен!

Потомки давно ушедших поколений бережно собирают по крупицам историю своей родины, чтобы сохранить ее, передать в руки детей и внуков. Хочется поклониться этим людям, а именно Кемалу Турманидзе и сказать искренние слова благодарности за его высокий труд, способствующий к укреплению, привязанности нации к своей культуре и традициям.

Список источников и литературы:

1. Шкурко А. В. Историческом музее есть все! / А. В. Шкурко // Мир музея. – 2002. – № 4. – С. 6 - 11.

2. Лорд Г.Д. Менеджмент в музейном деле / пер. с англ. Э.Н. Гусинского и Ю.И. Турчаниновой. – М.: Логос, 2002. – 256 с.
3. Поляков Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. – М.: Институт наследия, 2018. – 587 с.
4. Балакирев А. С. Историческая экспозиция в современном культурно-общественном контексте / А. С. Балакирев // Ориентиры культурной политики. – 2003. – № 9. – С. 6 - 11.
5. Папченко Е.В. Сохранение культурного наследия в условиях диалога культур // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Политические науки. Востоковедение. 2011. №14 (229). – С. 107-109.
6. Каган М. С. Музей в системе культуры // Вопросы искусствознания. 1994. № 4. – С. 445 - 460.
7. Акулич Е.М. Музей как социальный институт / Е.М. Акулич // Социологические исследования. 2009. № 6. – С. 78-89.
8. Левыкин К.Г. Музееоведение. Музеи исторического профиля. – М.: Высшая школа, 1988. – 431 с.
9. Сотникова С.И. Музеология / С.И. Сотникова. – М.: Дрофа, 2004. – 276 с.

Научное издание

**ЖУРНАЛ
ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Выпуск № 1 (92) 2025 год

Ответственный за выпуск – к-т ист. наук, Разумный В.В.

Компьютерная верстка:
Скворцов Ю.А.

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22